

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- СОПЕРНИК РЕЙГАНА ИЗВЕСТЕН
- КАТАСТРОФА НА ДНЕСТРЕ
- КТО ЗАСТУПИТСЯ ЗА ЧЕРНЕНКО?
- РЕПОРТАЖ ИЗ ЛАГЕРЯ
- СЛОВО И ДЕЛО ОГПУ
- ИНТЕРВЬЮ С СИМОНОМ ВИЗЕНТАЛЕМ
- ОТЧЕТ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ЦЕНТРА
- ДЕСЯТЬ ПРАВЕДНИКОВ В СОДОМЕ
- НАЦИОНАЛЬНОСТЬ — ЕВРОПЕЕЦ
- СВОБОДА МНЕНИЙ И ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ
- ЛИТЕРАТОР ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
- БЕГУТ. ЧЕГО ИМ НЕ ХВАТАЛО?
- СКОЛЬКО СТОИТ СОВЕТСКОЕ ГРАЖДАНСТВО
- ДЕЛО О ГОМУНКУЛУСЕ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), А.Мильман (Тель-Авив), П.Брукингс (Гонконг), П.Ростин (Рабат). Цена одного номера 6 нем. марок, стоимость годовой подписки 60 нем. марок (25 ам.долларов). Журнал доставляется подписчикам обычной почтой бесплатно; доставка авиапочтой – за дополнительную плату (10 долл. в США, Канаде и Израиле, 20 долл. в Австралии и Новой Зеландии). Подписная плата принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 5 нем.марок). Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Вести из СССР	14
<i>А. Зверев.</i> В защиту наших защитников	18
<i>И. Ковалев.</i> Шестьдесят четвертая?	21
Из газет: 50 лет назад	30
<i>С. Визенталь.</i> Я не верю в коллективную вину, я верю в коллективный стыд	31
<i>Э. Квачадзе.</i> Оставшийся в живых	45
Отчет Документационного центра за 1983 год	49
<i>Э. Нольте.</i> Двадцатое июля. Тогда и сегодня	52
Покушение на Гитлера: отклики печати	58
"Мы хотели возжечь факел жизни..."	59
<i>Л. Бардзини.</i> Неблагонадежные европейцы	60
<i>Ш. Маркиш.</i> То ли в подданстве, то ли в гражданстве	68
Из газет: 40 лет назад	71
<i>А. Тамарченко.</i> Свобода мнений и уважение к истине	77
Из газет: 50 лет назад	93
<i>В. Войнович.</i> Кое-что о беглецах	94
Сколько стоит гражданство? Из постановления Совмина СССР	96

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.

Tel. 272 18 99; 272 28 99.

Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).

Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

С середины июля в Соединенных Штатах Америки началась предвыборная лихорадка. Мы уже знаем, — да и вряд ли это было неожиданностью, — с кем придется померяться силами Рональду Рейгану во время президентских выборов в ноябре. Остается гадать, кто станет президентом. Выдвижение кандидатов, закончившееся летом, не сопровождалось сколько-нибудь серьезными столкновениями внутри республиканской партии, так как никто здесь не отважился соперничать с Рейганом. Другое дело — партия демократов: тут борьба между кандидатами принесла много нового и поучительного.

Уолтер Мондейл, бывший вице-президент при Картере, начал в январе свою предвыборную поездку по штатам в качестве признанного фаворита своей партии. Он был выдвиненцем партийного аппарата и, кроме того, заручился поддержкой профсоюзов. Но довольно скоро эти бесспорные преимущества обнаружили и свою невыгодную сторону. Мондейл действительно обладает политическим опытом, какого нет ни у одного из его соперников. Но оказалось, что в глазах избирателей этот опыт отнюдь не всегда является достоинством: многие сохранили довольно неприятные воспоминания об администрации Картера, с которой тесно связал себя Мондейл. Достаточно назвать тогдашние, подчас болезненные для национального самолюбия неудачи США в Иране. Симпатии профсоюзов? Но многие избиратели не склонны доверять этой могущественной организации. Они подозревают, что Мондейл — попросту орудие профсоюзных боссов и не сумеет, оказавшись президен-

том, стать подлинным защитником народных интересов.

Бесспорно, это деятель, не лишенный способности; и все же ему не хватает той особой притягательности, которую иногда называют харизмой. В самом начале предвыборной кампании пробные опросы дали самые удручающие результаты. Казалось, останови партия свой выбор на этом кандидате, и неизбежен провал: Рейган побьет Мондейла. Конечно, значение опросов, произведенных за год до выборов, не следует переоценивать. За это время может произойти немало событий, которые полностью изменят ситуацию. Кандидат, чьи шансы вначале невелики, в ходе предвыборной дискуссии по актуальным проблемам может оказаться впереди своего соперника.

И все же слабые стороны Мондейла не замедлили сказаться: он потерпел поражение на начальном этапе первичных выборов от демократической партии. Из восьми претендентов самый блестящий старт взял сенатор от штата Колорадо Гэри Харт. Почему Харт? Потому что он лучше других смотрится на экранах телевизоров? Возможно. Но этого объяснения недостаточно. Умеет говорить современным языком? О, да. Мондейл сторонник прогресса, но его прогрессивность слегка пахнет нафталином: что-то в духе тридцатых, сороковых годов. А профсоюзы, поддерживающие кандидатуру, подчас выступают в роли очень ретроградной силы. Как всякая крупная институция, профсоюз подвергается разрушительному действию времени. Его руководители чересчур засиживаются в своих креслах, и

это приводит к тому, что они начинают обогащаться, превратив защиту бедных в доходный промысел. Словом, бывают такие времена, когда профсоюзы не пользуются особыми симпатиями у определенной части избирателей.

Харт был вполне чужд этой среде. Его программа сводилась к тому, чтобы "омолодить" американское общество. Вот почему он сумел добиться успеха. В начале года он был неизвестен широким массам; зато уже к исходу зимы поддержка большинства делегатов на съезде партии в Сан-Франциско, казалось, была ему обеспечена. Опросы, проведенные в это время, указывали на серьезные шансы Харта – если бы он был выдвинут кандидатом в президенты – победить Рейгана. Однако сенатор из Колорадо не смог сохранить преимущества столь успешного начала. Ему удалось увлечь других своей идеей обновления, идеей модернизации. Но он не сумел претворить этот призыв в конкретную политическую программу. Люди, сочувственно следившие за его первыми выступлениями, стали спрашивать себя, а что он собственно будет делать, когда окажется в Белом доме. Кандидат, действующий почти в одиночку, не располагающий эффективным аппаратом и не заручившийся основательной финансовой поддержкой, рискует посеять сомнения в умах.

До самого конца первичных выборов Харт рвался к победе. Даже когда он уже потерпел формальное поражение в борьбе с Мондейлом, сумевшим привлечь на свою сторону необходимое число делегатов, он заявил, что не считает себя побежденным и намерен опротестовать мандаты 600 делегатов – сторонников Мондейла на открытии съезда демократической партии в Сан-Франциско. Если бы колорадскому сенатору удалось добиться своего, никто из остальных претендентов не смог бы его одолеть.

Конец братоубийственной распри положил сенатор Эдвард Кеннеди, брат убитого президента. На прошлых выборах сенатор Кеннеди выдвинул свою кандидатуру и встретил отпор; теперь он держался в стороне от предвыборной борьбы. Но в июне 1984 г. ему, как и многим другим членам демократической партии, стало ясно, что дальнейшее обострение полемики между Хартом и Мондейлом лишь играет на руку Рейгану. У Кеннеди достаточно много недругов в партии, но в борьбе против президента-республиканца они готовы поддержать Кеннеди.

Эдвард Кеннеди выступил с заявлением, что, желая положить конец поединку, опасному для всех друзей демократической партии, он присоединяется к Мондейлу. Такой шаг отнюдь не был чем-то само собой разумеющимся. Четыре года назад Кеннеди был активным противником Картера и его вице-президента. С другой стороны, клан Кеннеди представляет в демократической партии течение, весьма отличное от программы "истеблишмента", провозглашенной Уолтером Мондейлом. Таким образом, устремления сторонников Кеннеди в значительной мере совпадают с предложениями, которые выдвигал в ходе своей кампании сенатор Харт. Присоединение Кеннеди к Мондейлу похоронило все надежды Харта, если они у него еще оставались. В то же время маневр Кеннеди дал возможность Харту достойно и даже с почетом вернуться в общие ряды, не лишая его шансов продолжить свою политическую карьеру в будущем.

Все это, как уже сказано, оправдывается необходимостью внутреннего сплочения для борьбы против Рейгана. Но возможно, что забастовка против Харта была вызвана и опасениями, что вперед может вырваться третья лошадка, еще более неожиданная, нежели Харт. Мы имеем в виду пастора Джесси Джексона. В случае обострения борьбы на съезде могло случиться, что последнее слово окажется за Джексоном. Что это значит? Со времени своего появления на авансцене этот деятель неизменно вносит сумятицу в традиционную политическую среду.

Джексон – негр. Он бросает пламенные лозунги, из-за которых его подчас принимают за экстремиста. Тем не менее в отличие от определенной части цветных, которых возмущение их положением превращает в апологетов революционного насилия, пастор Джексон в достаточной мере врос в американское общество. В начале года он выглядел несколько опереточным "черным кандидатом". Вскоре он предстал в облике "кандидата черных". Известно, что эта часть американского населения дает на всех выборах весьма высокий процент воздержавшихся от голосования. Кампания, начатая Джексоном, побудила негров встряхнуться. Оказалось, например, что по сравнению с 1980 годом участие негритянских избирателей на первичных выборах в штате Нью-Йорк возросло более чем вдвое, в штате Алабама увеличилось на 82% и т. п. Вдобавок Джексоному удалось собрать немало

голосов среди испаноязычных избирателей. На съезде демократов в Сан-Франциско за него голосовали, правда всего лишь 7% делегатов, но зато на нескольких первичных выборах он сумел получить 21% всех голосов, поданных за демократов. Опереточный кандидат стал, таким образом, фигурой, с которой другие претенденты уже не могли не считаться.

Ядро республиканской партии составляют протестанты, англосаксы по происхождению, внуки тех, кому американское общество поистине обязано своим рождением. Демократическая же партия, по крайней мере со времен Рузвельта, сосредоточивает в своих руках представителей этнических и религиозных групп, которые на протяжении многих столетий вливались в это общество. Многие из них — более или менее недавние эмигранты. Другие являются потомками более укорененных американцев, которые однако не были подданными бывших британских колоний и победителями в гражданской войне. Каждая из этих общин по отдельности ощущает себя меньшинством, но все вместе они образуют большинство населения США. Это евреи, католики, итальянцы, ирландцы, латиноамериканцы, негры северных штатов и... белые расисты Юга. Нечего и говорить о том, что коль скоро каждая группа добивается своих собственных прав, права разных групп нередко вступают в противоречие друг с другом. Понятно, что в этих условиях партия, которая стремится представить совокупные интересы меньшинств, не может выдвигать сколько-нибудь четкую идеологию, а ее кандидат предпочитает не вдаваться в подробности.

Тем не менее Джексон придал своей предвыборной борьбе ярко выраженную политическую окраску. Он открыл кампанию в январе эффектным выходом, добившись освобождения американского летчика, захваченного сирийцами. В июне последовал другой столь же эффектный акт: Джексон упрямил Фиделя Кастро выпустить 48 политических заключенных — американцев и кубинцев. Вашингтону не оставалось ничего другого как поздравить пастора Джексона с такими достижениями. Однако поздравления часто имеют горький привкус для тех, кто их произносит. Черный пастор выступил с проповедью такой политики по отношению к Третьему миру, которая — какие бы опасения он сейчас ни внушал, — противоречит не только политике Рейгана, но и программе демократов

Мондейла и Харта. Нынешний президент считает, что стране надо прежде всего добиться, чтобы другие ее уважали: для этого нужен жесткий язык, а в необходимых случаях и демонстрация силы. Пастор же призывает к взаимопониманию. И его призыв, подкрепленный яркими примерами, несомненно, нашел отклик в некоторых общественных кругах.

Теперь борьба окончена и демократы назвали своего кандидата. Им стал, как и следовало ожидать, Уолтер Мондейл. Перед съездом партии, который принял решение, Мондейл сделал еще один важный шаг, который может изменить отношение к нему избирателей: он выбрал себе в партнеры в качестве будущего вице-президента члена палаты представителей Конгресса США от штата Нью-Йорк Джеральдин Ферраро. Впервые на столь высокий пост будет баллотироваться женщина. Ожидается, что это привлечет на сторону Мондейла голоса женской части избирателей. Впрочем, злые языки говорят, что эффект может быть как раз противоположным.

Международное значение президентских выборов в Соединенных Штатах чрезвычайно велико. Немало споров практически застопорилось в ожидании результата, который принесет ноябрь. Прежде всего это касается переговоров между Западом и Востоком.

Советские руководители демонстрируют свое нежелание вести переговоры с Америкой до тех пор, пока не прекратится политика "бряцания оружием", якобы проводимая Рейганом. Такой позиции можно держаться еще три-четыре месяца, но для всего следующего четырехлетия она не годится. Если в ноябре этого года президент Рейган будет переизбран, что весьма возможно, Советский Союз будет вынужден каким-то образом приспособиться к реальному положению вещей. Кое-какие признаки говорят о том, что под давлением обстоятельств он может пойти на уступки, не рискуя серьезным поражением. Москва уже предприняла некоторые предварительные шаги с целью возобновить в сентябре переговоры с Вашингтоном "о предотвращении использования космического пространства в военных целях". Все это преподносится как доказательство воли к миру в противовес воинственным устремлениям другой стороны. Предложения подобного рода в действительности имеют лишь второстепенное значение. Заинтересованы ли на самом деле стороны в проведении таких

Кандидат в вице-президенты от демократической партии Джеральдин Ферраро произносит речь.
Кандидат в президенты Уолтер Мондейл – справа, слева его жена.

переговоров? Заинтересованы ли они в том, чтоб довести их до конца? Державам, которые решились бы ввязаться в то, что в прессе именуют, обыгрывая название популярного фильма "войной звезд", она обошлась бы в астрономические суммы: в данном случае этот эпитет подходит как нельзя лучше. В виду промышленного и технического превосходства американцев они, по-видимому, обладают таким преимуществом, что Советскому Союзу пришлось бы испустить дух, прежде чем он смог бы с ними сравняться. Следовательно, ему нужно попытаться сократить расходы – пойти по тому же пути, который избрал лет десять назад Брежнев, заключив соглашение с Никсоном об ограничении стратегических наступательных вооружений.

Но американцы не забыли горький урок минувшего десятилетия. Добившись возможности спокойно "рационировать" выпуск дорогостоящих межконтинентальных ракет, СССР потихоньку продолжал развивать свои сухопутные и военно-морские силы обычного типа, которые к тому же не бездействовали. Тот, кто станет следующим американским президентом, несомненно, захочет возобновить переговоры о разоружении – но по возможности разностороннем и во всяком случае уравновешенном.

Как бы то ни было, завершающая предвыборная кампания в США показала, что общественное мнение в значительной мере склоняется к тому, чтобы не слишком откладывать возобнов-

ление переговоров с Москвой. Рональд Рейган постарался дать понять своим соотечественникам, что его стремление придать стране облик сильной державы вовсе не означает, что он исполнен воинственности, как утверждают его противники. Тем самым он предстал как человек готовый к диалогу. В этом отношении у крайне консервативного американского президента оказалось много общего с социалистом Миттераном – президентом Французской Республики.

Диалог с Москвой – но на каких условиях и ради чего?

Вот вопрос, который добрую четверть века задают себе западные государственные деятели. Немало есть таких, кто выступает за разрядку, за которой должно последовать сотрудничество Востока и Запада; они надеются, что благодаря этому политический режим в СССР смягчится. Политологи изобрели целую теорию конвергенции: сотрудничество двух общественных систем, социалистической и капиталистической, якобы сведет на нет расхождение между ними. Конфликты забудутся, и оба общества убедятся в конце концов, что они одинаковы: и капитализм, и социализм – индустриальные общества с одними и теми же устремлениями, одними и теми же проблемами. Самые розовые оптимисты предсказывали даже, что промышленный прогресс на основе международного сотрудничества приведет к тому, что и в Восточной Европе установится некое подобие демократии.

От этих иллюзий ничего не осталось. Развелись и надежды, пробудившиеся было, когда СССР поставил свою подпись под Хельсинкскими соглашениями. После нескольких лет относительного – очень относительного – смягчения стало ясно, что все обещания Кремля допустить, к примеру, свободный обмен идеями, свободное передвижение граждан – мертвая буква. Значит ли это, что нужно вовсе отказаться от разговора с партнером, который не выполняет обещанного? Миттеран избрал другой путь. Три года подряд практиковались франко-советские встречи в "верхах". Решение о ежегодных, личных встречах руководителей обеих стран было принято еще предшественником Миттерана Жискард д'Эстеном и покойным Л. И. Брежневым. Но, приняв на себя эту "эпитимью", президент Миттеран вместе с тем без обиняков критиковал советскую политику.

Во всяком случае, на Западе государственные лидеры и главы правительств, не разделяющие социалистических (а вернее сказать, социал-демократических) убеждений французского президента, сочли его путешествие в Москву заслуживающим внимания. Поздравления, полученные Миттераном от Рейгана и глав правительств Европейского сообщества, не были чисто формальной данью вежливости. Западные государственные деятели готовы вести переговоры с Москвой, но отвергают тот язык, которым пользовались их предшественники в семидесятые годы. То, что произошло, напоминает последние минуты перед началом концерта, когда оркестранты настраивают инструменты. Президент Миттеран дал "ля". ●

Г. Ферон

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ НАУКИ XX ВЕКА

Юристы, казалось бы, предусмотрели все. Огромные тома законодательства ФРГ, охватывающие, кажется, все области человеческой жизни, ставят в тупик своей сложностью и обстоятельностью даже специалистов. Во Франции Наполеоновский кодекс с его 2281 статьей также был разработан достаточно детально, чтобы выдержать испытание временем – без малого два века. Но фантасты, пристально следящие за феерическим развитием современной науки, давно уже ожидали трещин в величественном здании

юриспруденции. Веркор в "Людах или животных", А. Азимов в своих циклах рассказов о роботах и многие другие предвидели, что юристам будет нелегко поспевать за временем. И фантасты, как это часто бывает, оказались правы.

Уже стали привычным делом так называемые "компьютерные преступления" – кража информации из компьютера или ввод в него искаженных данных, чтобы добиться для себя каких-то выгод (например, налоговых скидок). Далеко не для всех этих казусов у юристов имеется готовое решение.

Наука вторглась в юриспруденцию и в другой области. Последние годы принесли ошеломляющий успех в вопросе искусственного оплодотворения и выращивания зародыша вне тела матери (так называемые "дети в реторте"), – правда, пока еще необходима последующая имплантация подросшего эмбриона в матку приемной матери. Разработана технология длительного хранения (путем глубокого замораживания) как оплодотворенных яйцеклеток, так и спермы. Созданы так называемые "банки спермы", которые используются при бесплодии и в иных клинических случаях. В Калифорнии создан даже "банк спермы" Нобелевских лауреатов – для женщин, которые за хорошую сумму хотят получить генетических детей (правда, окажутся ли дети генетических отцов тоже гениями – пока вопрос).

В этом году в разных концах мира неожиданно возникло два юридических казуса, связанных как раз с этими достижениями медицины и биологии.

Жители Калифорнии Марио и Эльза Риос поженились в конце 70-х гг., но детей у них не появилось. Тогда в 1981 г. они обратились в медицинский Центр королевы Виктории в Мельбурне, в Австралии. Врачи взяли у Эльзы Риос три яйцеклетки и оплодотворили их донорской спермой. Два эмбриона были заморожены для длительной консервации, а один был имплантирован в матку. Однако у Эльзы произошел выкидыш, и супруги решили подождать с очередной имплантацией.

Но в конце 1983 г. оба – муж и жена – погибли в авиационной катастрофе. Два эмбриона в мельбурнской клинике не просто осиротели. После погибших осталось солидное наследство – калифорнийское имение стоимостью в миллион долларов.

Клубок возникших проблем поставил юристов в тупик. Как быть с эмбрионами? Должны ли они (и могут ли) быть заморожены и уничтожены? Или они имеют право на дальнейшее развитие и должны быть пересажены? Кто должен (и может) быть приемной матерью (уже несколько женщины предлагали свои услуги)? Какковы будут ее юридические права? Кто унаследует миллион?

Пока единственным исходным пунктом для юристов является решение Верховного суда по другому делу – "Роу против Уэйда", решение, которое устраняет все ограничения на аборт, так как "право женщины на контроль над собственным телом стоит выше права плода на рождение". Однако в данном случае это не может быть прецедентом, так как зародыши уже отделены от тела матери. В вопрос вмешалась и церковь, но тоже не дала решительного ответа: протестанты решительно за уничтожение эмбрионов, католики настаивают, что это было бы убийством.

Ситуацию удачно подытожил д-р Робин Роуэнд, который недавно покинул группу специалистов, занимавшихся в Центре королевы Виктории искусственным оплодотворением: "Это прекрасный пример технологии, которую мы начинаем применять, не подумав о возможных последствиях".

Другой юридический казус возник во Франции. Ален П. страдал семиномой (опухолью яичка), и ему предложили пройти интенсивный курс химиотерапии. Но при этом его предупредили, что в результате лечения может наступить бесплодие. Поэтому Ален П. на всякий случай поместил свою семенную жидкость во французский Центр изучения и консервации спермы (СЕККОС). В 1983 г. П. встретил 23-летнюю Коринну. Они полюбили друг друга и в конце года поженились – за два дня до того, как Ален умер.

Коринна П. была тем не менее полна решимости иметь ребенка от своего покойного мужа и обратилась в СЕККОС с требованием вернуть сперму. Центр ответил отказом, мотивируя это тем, что сперма является не частью наследства, а частью тела покойного, которое не наследуется.

Отказ Центра вовсе не так бессмыслен, как может показаться. Эмоциональные оценки типа "что им, жалко, что ли?" – тут неприменимы. Если сперма может быть частью наследства, то почему нельзя унаследовать почку, сердце, глаз покойного, Если такой прецедент будет установ-

лен, он будет иметь серьезные юридические последствия, которые далеко не сразу очевидны. Действия Центра находятся как раз в соответствии с пожеланием австралийского врача – сначала подумать, а потом уж действовать.

Адвокат Коринны П. передал дело в суд. Его аргументы были более эмоционального, нежели юридического характера. По его мнению, здесь речь идет прежде всего о любви. "То, что мы не видим отца, не означает, что он отсутствует", – сказал адвокат. В судебном заседании Коринна П. заявила, что от наследства она отказывается. Тронутый ее верностью, французский суд принял сторону Коринны П. ●

ФРАНЦИЯ: ПРАВИТЕЛЬСТВО БЕЗ КОММУНИСТОВ

Плачевные для Французской коммунистической партии результаты выборов в Европейский парламент 17 июля повергли партию в кризис. 11% голосов, полученных ФКП, – самый низкий показатель, достигнутый ею на выборах с 1932 г. За пять лет после 1979 г., когда партия набрала 20% голосов, количество ее сторонников уменьшилось почти вдвое.

Однако ожесточенная борьба, развернувшаяся внутри партии, почти не выплескивается наружу: ФКП всегда была одной из наиболее "закрытых" компартий, редко выносящих на всеобщее обсуждение свои проблемы. Из штаб-квартиры ФКП в Париже, прозванной журналистами "бункером", лишь изредка доносятся приглушенные отзвуки этой борьбы. Насколько можно судить, борьба ведется в основном вокруг двух вопросов: слепое следование ФКП за Советским Союзом и отсутствие свободы внутривнутрипартийных дискуссий.

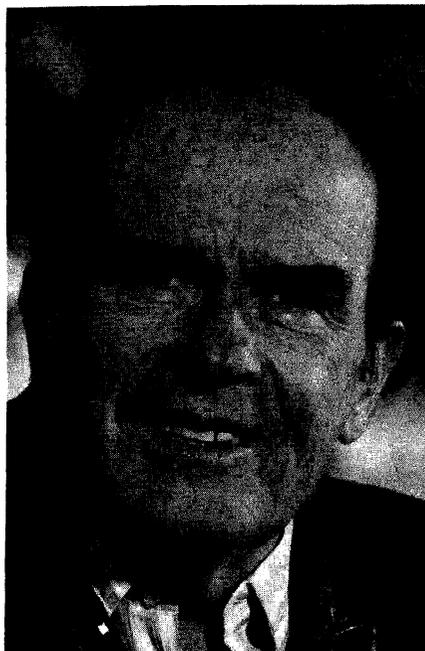
Неудовлетворенность некоторых членов партии и части руководства политикой нынешнего генсека Жоржа Марше открыто проявилась в так называемом "деле Ригу". Марсель Ригу, министр профобразования в правительстве Пьера Моруа, сопровождавший его в поездке в Рим, в конце июня сделал несколько необычно резких заявлений о нынешней политике ФКП. Он указал, что партия особенно быстро теряет свой авторитет среди молодежи и становится "партией стареющих ветеранов". Сейчас ФКП собрала на выборах лишь 6% голосов молодых избирателей.

Главной причиной, приведшей к падению авторитета ФКП, является, по мнению М. Ригу, то, что в глазах избирателей существует некое равенство понятий: ФКП=СССР=ГУЛАГ. Компартия, считает он, должна произвести внутри самой себя "культурную революцию" и решительно отмежеваться от коммунистических правительств Восточной Европы. ФКП должна заставить избирателей забыть, что она поддерживала Советский Союз во время подавления венгерской революции 1956 г., отказалась осудить интервенцию в Афганистан и давление, оказываемое СССР на Польшу с целью добиться разгрома "Солидарности".

М. Ригу требовал также, чтобы на съездах партии и в промежутках между ними проводились истинно свободные дискуссии по всем ключевым вопросам политики партии. К Ригу присоединился видный деятель партии Даниель Карлен, обвинивший газету "Юманите" в том, что она по указанию Ж. Марше отказалась печатать его статью, призывающую к обновлению партии.

Долгое время ходили упорные слухи о том, что Ж. Марше, надолго скрывшийся от публики, будет скоро заменен на посту генсека министром транспорта в правительстве Пьера Моруа Шарлем Фитерманом. Однако бунтарей, по-видимому, удалось усмирить и на этот раз. Ш. Фитерман публично взял под защиту Ж. Марше, назвав его "жертвой классовых врагов", а М. Ригу взял свои критические замечания назад. Ясно, однако, что это лишь временное умиротворение: на очередном XXV съезде партии, который состоится в феврале 1985 г., руководству придется выдержать мощную атаку снизу.

Тем временем руководителям партии надо было сделать практические выводы из своего поражения на выборах. Решено было, очевидно, связать поражение с непопулярностью экономиче-

Жорж Марше

ских мер социалистического правительства, в котором в течение трех лет участвовали и коммунисты. Жорж Марше решил, что ФКП будет легче восстановить свой престиж, находясь вне правительства. Принятию этого решения способствовала перестройка правительства, проведенная 17 июля президентом Ф. Миттераном.

Премьер-министр Пьер Моруа ушел в отставку. На его место был назначен 38-летний Лоран Фабиус, министр промышленности в предыдущем правительстве, самый молодой французский премьер за последние полтора столетия. Назначение Л. Фабиуса явилось прямым вызовом коммунистам: как министр промышленности он лично был ответственен за предложенные правительством меры по реорганизации промышленности — часть плана рациональной экономики, за который коммунисты резко критиковали правительство.

Коммунисты оказались перед альтернативой: либо остаться в правительстве на унижительных для них условиях, либо уйти и тем самым оказаться в глазах левоориентированных избирателей нарушителями "единства левых сил". После длившегося всю ночь заседания ЦК ФКП и встречи с премьером Л. Фабиусом в четыре часа утра 20 июля было решено отказаться от предложен-

ных премьером четырех министерских постов в его правительстве. Тем не менее коммунисты продолжают считать себя частью "левого большинства" в Национальном собрании и обещали новому правительству "ограниченную поддержку".

Поскольку социалисты сами обладают в Национальном собрании абсолютным большинством, позиция коммунистов окажет мало влияния на решения этого законодательного органа. Однако многие выражают опасения, что уйдя из правительства, тесно связанные с крупнейшей профсоюзной организацией ВКТ (Всеобщей конфедерацией труда) коммунисты могут значительно дестабилизировать положение в стране, призвав к забастовкам и уличным демонстрациям.

Вновь созданное социалистическое правительство имеет ясно выраженный прагматический характер. В нем сохранены такие ключевые фигуры предыдущего правительства, как министр иностранных дел Клод Шейсон и министр обороны Шарль Эрну.

"МИРНЫЕ" БИТВЫ В ПЕРУДЖЕ

В середине июля в итальянском городе Перудже состоялась третья конференция Европейского движения за ядерное разоружение. Конференция эта имела особое значение в виду того, что она была первой, в которой участвовали Советский Союз и другие страны — члены Варшавского пакта. Предыдущие конференции — в Брюсселе в 1982 г. и в Берлине в 1983 г. — СССР и его союзники бойкотировали.

Европейское движение за ядерное разоружение — END по первым буквам английского названия — не централизованная организация с единым руководством, а довольно аморфное объединение людей самых различных убеждений, у которых подчас нет ничего общего, кроме желания положить конец гонке вооружений. Как и во всех мирных движениях на Западе, в нем преобладают левые, подчас крайне левые. Никто из них не настроен проамерикански, в том смысле, что никто не поддерживает военной политики США; но и просоветских участников END не так уж много. END протестует против ядерного оружия как у членов НАТО, так и у государств — участников Варшавского пакта, но "особо обратительными" считает советские ракеты

SS — 20 и американские "Першинги" и крылатые ракеты.

В состав END входят крупные "мирные" организации из 21 западноевропейской страны, в нем участвуют также сторонники движения за мир из США, Японии, Тайваня, Австралии, ряда африканских стран и даже государств Океании. END заявляет, что придерживается линии неприсоединения и "сопротивляется попыткам правительств как восточных, так и западных стран манипулировать движением в своих целях".

Похоже, однако, что свое первое появление на конференции END советские делегаты намеревались использовать именно для такого манипулирования. Они выдвинули целый ряд требований, в том числе дать им особое место в руководящем комитете конференции, предоставить слово на открытии конференции и т. п. Требования эти были отклонены, и советские и восточноевропейские делегаты перенесли свои усилия в рабочие группы.

Один за другим они брали слово, чтобы с трибуны громко осудить "американский милитаризм" вообще и установку ракет в Западной Европе в частности. Они всячески рекламировали пакт о ненападении между НАТО и Варшавским пактом, заключить который недавно предложил Советский Союз.

Однако эта тактика не сработала. Делегаты, правда, активно присоединились к критике американских ракет, но не менее активно порицали и советские SS—20, а также новые ракеты, устанавливаемые сейчас в ГДР и Чехословакии. Что касается "пакта о ненападении", то почти все делегаты пытались узнать у советских представителей, что, собственно, по их мнению, должен содержать этот пакт, какие гарантии его выполнения должны быть в нем предусмотрены, чтобы он не оказался еще одним клочком бумаги. И неожиданно выяснилось, что сами советские делегаты не имеют об этом никакого представления, — для них это лишь лозунг, а не практическое предложение. Делегаты конференции от западногерманских Зеленых спросили советского представителя, что произошло с другими "пактами о ненападении", например с пактами, которые СССР заключил в свое время с прибалтийскими странами, ведь несмотря на эти пакты, все три прибалтийские республики оказались оккупированными Советским Союзом.

Резкой критике подвергалась и позиция Советского Союза в области прав человека. Был поднят вопрос об А. Д. Сахарове, и член Советского комитета мира Григорий Локшин был буквально ошарашен, когда заявил, что Сахарова нельзя считать борцом за мир, так как он изобрел водородную бомбу и "является представителем Вашингтона в Горьком". Но основное внимание делегаты уделили даже не широко известным случаям вроде истории с Сахаровым, а таким вопросам как свобода религии в СССР, воссоединение семей, свобода передвижения.

Особое место занял вопрос о представительстве в END независимых мирных движений восточноевропейских стран. На конференции в Перудже было представлено 25 делегатов из СССР, по 10 из Польши и Венгрии, 9 болгар, 8 делегатов Чехословакии и 1 румын. Все делегаты – из официальных "комитетов" и "советов" мира, некоторые советские делегаты даже с дипломатическими паспортами. Только четыре венгров заявили о себе, что они не представляют никакой организации, а явились в индивидуальном качестве – в их числе бывший премьер-министр Андраш Хегедюш, сталинист, ставший на склоне лет диссидентом.

Участники независимых движений за мир из стран Варшавского пакта не приехали в Перуджу не потому, что их не пригласили: организаторы конференции лично посетили Москву и другие столицы и вручили формальные приглашения 59 человекам. Разрешение на въезд, однако, не получил ни один приглашенный. И когда конференция открылась, в зале было символически оставлено 24 свободных места с надписями: "для наших отсутствующих друзей". Первые выступления восточноевропейских делегатов неоднократно прерывались вопросами и криками делегатов, возмущавшихся отсутствием своих коллег из независимых "мирных" групп. Плакаты, протестующие против их отсутствия, были расклеены по всей Перудже. Делегатам было роздано совместное заявление группы участников по этому поводу. Заявление подписали Зеленые из ФРГ, итальянское движение "Женщины за мир", представители Австрийского центра ненасильственных действий, швейцарские и французские церковные организации и многие другие.

"Мы понимаем необходимость контактов с правительственными организациями как на Востоке, так и на Западе, – говорится в заявлении.

– Но те, кто оправдывает наличие ядерного оружия у своей страны, допускает милитаризацию своего общества, оправдывает репрессии против наших товарищей, – не могут быть частью гражданского мирного движения."

Мужчины крошечного княжества Лихтенштейн с населением в 26 тысяч человек, расположенного между Швейцарией и Австрией, проголосовали за предоставление женщинам права голосования. 2370 мужчин сказали на референдуме "да", 2251 – "нет". Это третья, на этот раз успешная попытка добиться права голоса для лихтенштейнских женщин. Первые две – в 1971 и 1973 гг. – были неудачными. Фактический глава государства – при официальном монархе Франце Йозефе II – князь Ганс-Адам, ревностный защитник равноправия женщин в княжестве, может радоваться победе.

Рухнул еще один бастион мужского господства в этой части мира. 13 лет назад право голоса в национальном масштабе завоевали женщины Швейцарии. Однако в ряде кантонов Швейцарии при голосовании по местным вопросам женщин к избирательным урнам все еще не допускают. ●

ПОЛЬША: УСТУПКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

13 июля, после долгих отсрочек и колебаний, власти открыли в Варшаве процесс четырех членов КОР – Яцека Куроня, Адама Михника, Збигнева Ромашевского и Хенрика Вуеца, процесс, который не мог принести правителям страны славы и которого судьи боялись больше, чем подсудимые. Но открылся он только для того, чтобы тут же быть отложенным – в ожидании ре-

Один из ведущих деятелей "Солидарности" Анджей Гвязда выходит из тюрьмы

шения Сейма в связи с законопроектом об амнистии политзаключенных.

Через несколько дней, 27 июня, этот законопроект был принят Сеймом большинством 365 голосов против 4 при 8 воздержавшихся — и стал теперь законом. По этому закону в течение тридцати дней должны быть освобождены 652 политзаключенных, за исключением тех, кто обвинен в государственной измене, шпионаже и саботаже. 601 человек находится сейчас под следствием, 51 уже осужден. Как сообщил заместитель главного прокурора Польши Исполит Старчак, амнистия распространяется также и на 35 тысяч уголовных заключенных. Освобождение из тюрем уже началось, хотя и очень медленно.

Подпали под амнистию и четверо обвиняемых на процессе КОР. Однако двое из них, Я. Куронь и А. Михник, потребовали, чтобы им дали возможность доказать свою невиновность на суде, и что принять амнистию, значит молчаливо согласиться с обвинением. А. Михник намекнул в письме из тюрьмы, что тюремщикам придется выволакивать его силой. Освобождаются по амнистии и такие видные активисты "Солидарности", проводившие уже долгое время в тюрьме, как Анджей Гвязда, Владислав Фрасынюк, Кароль Модзелевский, Мариан Юрчик и др. Амни-

стия принесет освобождение также деятелям Комитета за независимую Польшу, который добивался, в частности, выхода Польши из Варшавского пакта.

Остается неясной лишь судьба недавно арестованных активистов "Солидарности" Богдана Лиса и Петра Мержеевского. Поскольку им сейчас предъявляется обвинение в государственной измене, амнистия в принципе их не касается. Однако заместитель прокурора Старчак дал понять, что обвинение против них может быть изменено.

От политзаключенных, освобождаемых по амнистии, не требуют, чтобы они подписывали какие-либо обещания или заявления. Если, однако, в течение двух лет кто-нибудь из них будет арестован по сходным обвинениям, то старые дела будут вновь открыты.

Формально амнистия провозглашена в связи с 40-й годовщиной провозглашения в г. Хелме "народной" Польши. Фактически же одна из ее главных целей — добиться снятия экономических санкций Запада против Польши, а освобождение политзаключенных — одно из главных условий для этого. В статье, опубликованной по случаю юбилея, генерал Ярузельский очень много пишет именно о санкциях, подчеркивая, что они приносят стране "огромные финансовые потери". США и западноевропейские страны уже

приветствовали амнистию и дали понять, что многие санкции теперь будут или отменены или облегчены.

Другую уступку общественности правительство сделало в конце июля. Оно согласилось с тем, что под эгидой католической церкви будет создан независимый фонд помощи частным земледельцам. Правительство не будет иметь в руководстве фонда права голоса, руководить фондом будет примас Польши кардинал Глемп и назначенные церковью лица. Подписание соглашения о фонде – результат двухлетних переговоров.

Фонд будет получать помощь от церковных организаций, а также путем сбора пожертвованных в западных странах, прежде всего в США и ФРГ. Задача фонда – помочь поднять сельскохозяйственное производство в хозяйствах более чем трех с половиной миллионов крестьян-единоличников.

Ряд деталей еще предстоит согласовать – в частности, освобождение от налогообложения. Однако фонд начнет действовать уже с 1 января 1985 г. Сейчас он уже составляет 28 миллионов долларов.

После провозглашения "народной" Польши польское сельское хозяйство было коллективизировано, подобно тому как это было сделано в других странах "народной демократии". В 1956 г., после прокатившихся по стране волнений, крестьянам был разрешен выход из колхозов, и большинство этим правом воспользовались. Сейчас единоличники в Польше владеют 75% земли – больше, чем в какой-либо другой стране советского блока.

Польским крестьянам не хватает современных машин и оборудования. Импорт техники, организация ремонтных мастерских, строительство дорог, молокозаводов – одна из первых задач фонда. В работе фонда будут принимать также участие многие активисты распушенной властями "Сельской Солидарности".

Уступка властей в вопросе о фонде, конечно, тоже не добровольная. У правительства нет иного способа спасти сельское хозяйство страны от катастрофы.

Приветствуя уступки правительства, "Солидарность" заявляет, что сейчас надо добиваться выполнения основного условия подлинной нормализации в стране – восстановления независимого профсоюзного движения. ●

В провинции Северный Хамчжон на северо-востоке КНДР приведены в состояние боевой готовности войска и подняты по тревоге силы безопасности: беспокойство властей вызвал ряд антиправительственных выступлений в этой провинции.

Выступления начались еще в апреле. Насколько известно, они сводились до сих пор к уничтожению статуй и портретов Ким Ир Сена и поджогам нескольких институтов и предприятий, носящих его имя. Жители Хамчжона выражают тем самым свой протест против дискриминации и особого покровительства, которое корейский вождь оказывает жителям своей родной провинции Пхеньян. Выступления не Бог весть какие, но и они в КНДР – явление необычное. Даже их оказалось достаточно, чтобы поднять войска по тревоге.

Тем временем все упорнее распространяются слухи, что Ким Ир Сен готовится через год–два уйти в отставку и передать свой трон сыну. Наследник Ким Ен Ир будет принимать болгарского вождя Т. Живкова, когда тот посетит Северную Корею в будущем году. Об этом сказал сам Ким Ир Сен во время своего недавнего визита в Болгарию. То же самое он повторил в Румынии, добавив, что намерен отойти от активной деятельности и сохранить чисто представительские функции.

●

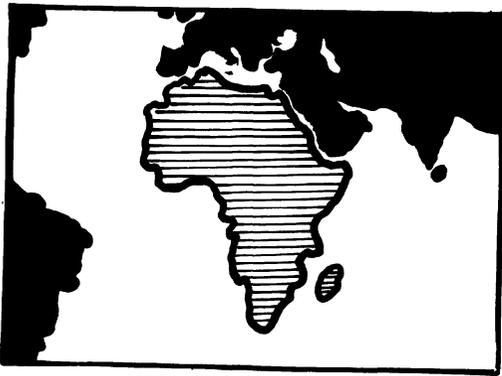
По сообщению газеты "Женьминьжибао", китайские книжные магазины в 1983 г. продали 54 миллиона экземпляров избранных работ председателя ЦК компартии Китая Дэн Сяопина. Эта книга стала, таким образом, бестселлером. Правда, продавалась книга дешево – всего по

Дэн Сяопин преодолевает волны Янцзы. Эта традиция, как и традиция писать бестселлеры, была установлена еще Председателем Мао.

коанку за штуку (что-то около 30–40 копеек). Следует учесть еще и то, что труды Дэна — обязательное чтение для 40 миллионов членов КПК.

Вообще торговля книгами в Китае растет: в прошлом году она выросла на 16% по сравнению с 1982 г. — книг было продано на 2,1 миллиарда юаней. Правда, неясно, каковы тиражи отдельных изданий. "Женьминьжибао" сообщает лишь, что сборник рассказов под названием "Светлый путь" (ну, конечно же!) продан в 1983 г. в количестве четырех миллионов экземпляров. ●

БОИ В АНГОЛЕ

Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА), сражающийся против нынешнего марксистско-ленинского правительства этой бывшей португальской колонии, заявил, что 15 июля его самолеты бомбардировали нефтепровод, принадлежащий американской компании Галф Ойл в провинции Кабинда. По данным УНИТА, при этом убито 22 человека и ранено 50; по данным правительства, убито 10.

Впервые повстанцы УНИТА атаковали собственность американской компании. В сообщении УНИТА о бомбардировке содержится требование к иностранным компаниям в Анголе оказывать давление на президента Анголы Жозе Эдуардо душ Сантуша, чтобы тот отослал домой находящиеся в Анголе кубинские войска численностью 20 тысяч человек. Как сообщают, четверть их размещена в Кабинде и охраняет сооружения Галф Ойл в этой провинции. Галф Ойл производит в Кабинде ежедневно около 25 тысяч тонн сырой нефти, что является для ангольского правительства главным источником валюты, необходимой для ведения изнуряющей войны с УНИТА.

В последнее время наблюдается значительное расширение войны, которую УНИТА ведет с марксистско-ленинским правительством Анголы. "Мы не оставим камня на камне, пока кубинцы не покинут Анголу и не будет создано правительство национального единства", — говорится в коммюнике УНИТА.

Составной частью тактики повстанцев является бомбардировка промышленных центров с целью нарушить ход производства. Особенно широко такая тактика применяется против алмазодобывающей промышленности в Восточной Анголе. Из-за нападений повстанцев в прошлом году производство алмазов составило лишь 78,7% намеченного плана.

И повстанцы, и правительство регулярно публикуют сообщения о своих успехах и о потерях противника. В последнем коммюнике УНИТА от 13 июля говорится, что повстанцы уничтожили в начале июля 407 правительственных солдат и 59 кубинцев. УНИТА утверждает, что она атаковала несколько важных мостов и сбила несколько правительственных самолетов и вертолетов. Правительство, со своей стороны, в последнем коммюнике сообщает о том, что в сражении 25 июня в восточной провинции Мошико убито 113 бойцов повстанческой армии.

Маленькое островное государство, бывшая португальская колония Сан-Томе и Принсипи в Гвинейском заливе предоставило свою территорию для советской военной базы. Она будет опорным пунктом советского ВМФ в Южной Атлантике на стратегически важном пути, по которому следуют нефтяные танкеры вокруг мыса Доброй Надежды.

Сейчас на главном острове Сан-Томе и на ранее необитаемом островке Ролас находится уже около 2000 советских и кубинских солдат, обслуживающих две радарные станции, установки для запуска ракет земля-воздух, порт для приема подводных лодок. Строятся и новые военные установки.

Президент Мануэль Пинту да Кошта, глава единственной в стране партии крайне левого толка, пригласил кроме того для охраны порядка в своем государстве со 100 тысячами жителей еще и 2000 ангольских солдат.

База на Сан-Томе и Принсипи важна для Советского Союза также и как резерв. Если неустойчивая ситуация в Анголе изменится и оттуда придется уйти, островная база станет главным центром советского военного присутствия в этом регионе. ●

ГОЛОД В МОЗАМБИКЕ

Деколонизация и приход к власти марксистско-ленинского режима президента Самора Машела не принесли облегчения населению Мозамбика. В стране, особенно в ее северных районах, свирепствует голод, необычный даже по меркам этой всегда голодной страны. Лишь за последние месяцы свыше 150 тысяч человек пытались уйти в поисках пищи через восточную границу в соседнее Зимбабве. Почти каждый второй умирает по пути. Остальные упорно бредут, полуслепые от недостатка витамина А, больные пеллагрой и другими болезнями, порожденными голодом; среди них отмечаются случаи холеры.

Во многих районах Мозамбика вот уже три года нет дождей. Находящиеся в столице страны Мапуту международные организации помощи оценивают количество погибших от голода с начала засухи в 170 тысяч чел. Опубликованный в июне отчет ООН предсказывает, что если не будут приняты надлежащие меры, положение в стране будет ухудшаться и достигнет критической стадии в начале 1985 г. В настоящее время из 13,4 миллионов жителей Мозамбика 1,5 млн. полностью зависят от иностранной помощи продовольствием.

В ряде районов пищи не достать ни за какие деньги. Толпы голодных рожются в мусоре в поисках съестного, люди падают прямо на улицах. Один житель Мозамбика, который смог пойти до Зимбабве, рассказывает, как он доби-

рался до границы из своей деревни в северной провинции Тете. Во время 720-километрового пути двое из его четверых детей умерли. "Мы шли через деревни, которые вымерли почти полностью. Те, кто еще дышал, пытались присоединиться к нам, но не могли даже подняться с земли, так они были слабы."

Больницы Мозамбика забиты жертвами голода: похожие на мумии тела заполняют палаты, коридоры, дворы. Во многих больницах помощь имеет чисто символический характер: нет пищи, нет медикаментов, нет средств.

Около 46 тысяч беженцев из Мозамбика осели в Зимбабве. Они живут там при поддержке благотворительных организаций. Хотя жители Зимбабве щедры и расположены к мозамбиканцам (и те, и другие принадлежат к одной и той же народности шона), засуха поразила и их страну, и пищи у них не так уж много. ООН в рамках всемирной продовольственной программы согласилась поставить в Зимбабве для распределения среди беженцев продовольствие на миллион долларов. Правительство Р. Мугабе совместно с Верховным комиссаром ООН по вопросам беженцев открыли в Зимбабве три больших лагеря и планируют организовать еще два.

Международная организация помощи CARE отправила в Мозамбик своих представителей, чтобы координировать распределение срочной помощи с представителями правительства. США обязались выделить 16 миллионов долларов на закупку 66 тыс. тонн зерна. Это часть общей программы срочной помощи в размере 150 миллионов долларов на поставку продовольствия в 18 африканских стран, пораженных засухой. Эксперты и наблюдатели полагают, что из всех этих стран положение в Мозамбике сейчас наихудшее.

В последние недели грузовиками из соседнего Малави, а также на самолетах в Мозамбик начали поступать зерно (1600 тонн) и медикаменты, пожертвованные голландским правительством. Из столицы страны Мапуту на судах продовольствие доставляется в прибрежные города Иньямбане и Виланкулуш. Но доставить — еще полдела. Представители ООН жалуются на полное отсутствие складов для хранения продовольствия, транспортных средств для его развоза по деревням. Организаторам помощи приходится делать все самим. Местная администрация практически бесполезна. ●

АРЕСТ ЛИНЫ ТУМАНОВОЙ

Четвертого июля двенадцать агентов КГБ окружили на одной из московских улиц известную московскую правозащитницу Лину Туманову в момент, когда она встречалась с двумя сотрудниками американского посольства — Дж. Пернеллом и Дж. Глассом. Из рук у дипломатов вырвали пачку бумаг, которые им передала Л. Туманова. Всех троих затолкали в машину и увезли в милицию. Дипломатов, пользующихся неприкосновенностью, вскоре отпустили, а Л. Туманова была арестована.

Инцидент вызвал усиление напряженности в отношениях между СССР и США. Советский Союз заявил, что дипломаты занимались деятельностью, несовместимой с их статусом. США выразили протест. Посольство США категорически утверждает, что "ни в момент задержания, ни в какое-либо другое время дипломаты не занимались недозволенной деятельностью". "Мы настаиваем, — говорится в заявлении, — на нашем праве иметь нормальные контакты с советскими гражданами".

Какое обвинение предъявлено Л. Тумановой, неизвестно; в сообщении ТАСС об ее аресте говорится лишь, что "она привлекается к ответственности в соответствии с советскими законами". Однако ТАСС сделало и следующее угрожающее заявление: "В распоряжении компетентных советских органов сейчас имеются достоверные данные о том, что Пернелл и Гласс уже длительное время поддерживали конспиративную связь с Тумановой, которая по заданию американцев систематически занималась сбором информации о Советском Союзе, интересующей американскую разведку и центры идеологических диверсий". Это — недвусмысленный намек

ВЕСТИ ИЗ СССР

на обвинение в "измене Родине" — ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР.

Однако информация, которую хотела предать гласности Лина Туманова, — отнюдь не разведывательного характера. Кандидат философских наук 45-летняя Лина Борисовна Туманова — давний участник правозащитного движения. За свою общественную деятельность она была уволена с преподавательской работы в МГУ, после чего работала во ВНИИ технической эстетики. В 1981 г. сотрудники КГБ проводили с ней "предупредительные беседы", а в мае 1982 г. она получила официальное "предостережение". Ее тогда обвиняли в хранении "вредной литературы" и в оказании помощи политзаключенным ("террористам", говоря словами "предостережения").

Обыски и допросы стали обычным делом в жизни Л. Б. Тумановой. Особенно настойчиво преследовали ее во время следствия по делу Сергея Ходоровича — распорядителя Фонда помощи политзаключенным, известного как "Солженицынский фонд".

Очевидным поводом для подозрений была горячая заинтересованность Л. Тумановой в судьбе политзаключенных, как отбывающих срок ныне, так и бывших. Она делала все, что было в ее силах, чтобы облегчить их положение и сообщить миру об их судьбе. Особенно много Л. Туманова — русская по национальности — занималась судьбой украинских политзаключенных — Дмитрия Мазура, Василя Овсиенко, Степана Сапеляка. Судьба последнего была предметом постоянных забот Л. Тумановой в месяцы, предшествовавшие ее аресту. Над бывшим политзаключенным С. Сапеляком нависла угроза нового ареста, и Л. Туманова старалась предать его "дело" гласности, чтобы предотвратить повторный арест. Но она была арестована сама. ●

АРЕСТ ВАСИЛИЯ ПИДГОРОДЕЦКОГО

С запозданием пришло сообщение об аресте на Украине одного из старейших участников национального движения Василия Пидгородецкого.

В. Пидгородецкий был арестован первый раз в 1951 г. в возрасте 25 лет. Он был тогда резидентом УПА (Украинской повстанческой армии) по Сколевскому району Львовской области. Остатки УПА в Западной Украине продолжали еще сопротивляться советским оккупантам, "освободившим" Западную Украину в 1939 г., в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа. Однако силы были слишком неравны. Войскам КГБ и армейским частям удалось сначала загнать остатки УПА в глухое подполье, а потом и выявить подпольных активистов. В числе последних был арестован В. Пидгородецкий.

Он был приговорен к 25 годам лагерей. Однако в 1955 г. В. Пидгородецкий, пользовавшийся у лагерников большим авторитетом, оказался в числе руководителей вспыхнувшего в лагере восстания. Восстание было подавлено, это стоило В. Пидгородецкому еще пять лет лагерей. Он освободился только в 1981 г., после 30 лет заключения.

56-летний В. Пидгородецкий приехал в свое родное село Крушельница к единственному оставшемуся родственнику – брату Ивану. Однако ему отказали в прописке в селе. Ни киевские, ни московские власти даже не ответили на неоднократные просьбы Василия. А уезжать с родной земли он не захотел. И в 1982 г. его арестовали за "нарушение паспортных правил". Он был приговорен к году лагерей.

А затем все повторилось вновь: освобождение в конце 1983 г., снова приезд на родину и снова арест...

После ареста В. Пидгорецкого отвезли в Львовскую тюрьму. Суд, видимо, уже состоялся, но приговор пока неизвестен. ●

ГОЛОДОВКА ИВАНА МАРТЫНОВА

17 июня в Ленинграде начали бессрочную голодовку библиограф и историк литературы Иван Мартынов и его жена Варвара Соловьева. Объявляя о голодовке, они назвали три главных мотива: протест против поощряемого властями антисемитизма, протест против невозможности найти

работу по специальности и, наконец, протест против невозможности покинуть страну, где ежедневно и повсеместно нарушаются права человека.

Ивану Федоровичу Мартынову 47 лет. Он кандидат педагогических наук, автор двух монографий и более полутора ста научных публикаций в СССР и за рубежом, снискавших ему заслуженную известность среди славистов Европы, Америки и Австралии. Два года тому назад он был удостоен степени почетного доктора Манчестерского университета. Вместе с талантом ученого природа наделила его публицистическим даром, темпераментом борца, нетерпимостью к любым проявлениям несправедливости и произвола. Еще в юности он был исключен из университета и отправлен в армию, в стройбат – за протест против подавления венгерского восстания 1956 года.

Выступления Мартынова против антисемитизма в СССР носили сначала частный характер: он заступался за своих коллег-евреев, притесняемых по службе.

Когда в 1982 г. в Ленинграде было создано Общество по изучению еврейской культуры (ЛОЕК), в числе его членов-учредителей был и И. Мартынов. Образованное в точном соответствии с принятым в СССР порядком создания добровольных обществ, чуждое каких бы то ни было политических целей, оно тем не менее оказалось неприемлемым для советской власти, и к началу 1983 г. ЛОЕК заставили прекратить свою деятельность. Разгром ЛОЕК привлек внимание И. Мартынова к кампании государственного антисемитизма, развернувшейся в советской прессе, в частности, к книгам и статьям одного из самых откровенных антисемитов – Льва Корнеева. К этому времени уже безработный, отложив и свои научные изыскания, и заботы о куске хлеба, живя за счет скудных сбережений и распродажи книг, Мартынов посвятил несколько месяцев кропотливой работе по разоблачению пасквильанта, пытаясь остановить поток его откровенно расистских публикаций. Возникла обширная переписка, составившая целый том, – "дело Корнеева". Среди полученных Мартыновым ответов из официальных инстанций есть и наивно-саморазоблачительные, и столь же откровенно циничные, как писания самого Корнеева. Собранные вместе, они представляют собою любопытнейший документ эпохи.

Вместе с группой ленинградских еврейских активистов, отказников и членов разогнанного ЛОЕК Мартынов сделал попытку возбудить судебное преследование против Корнеева. Попытка эта не увенчалась успехом. Судья "не обнаружил" в деле состава преступления, хотя в уголовных кодексах всех советских республик есть статьи, карающие за "возбуждение национальной вражды". Когда выяснилось, что Л. Корнеев имеет ученую степень кандидата исторических наук, Мартынов потребовал, чтобы клеветника и невежду лишили права заниматься наукой. Не получив даже ответа от Высшей аттестационной комиссии, И. Мартынов сам отказался от своего кандидатского диплома, заявив, что не видит для себя возможности оставаться в одной корпорации с безнаказанным преступником.

С сентября 1983 г. КГБ, никогда не оставлявший Мартынова без внимания, пустил в ход против него весь арсенал испытанных средств: подметные письма, анонимные телефонные звонки, арест переписки, отключение телефона. Затем ему пригрозили заключением в психиатрическую больницу.

Еще в 1982 г. И. Ф. Мартынов был уволен из Библиотеки Академии наук, где проработал около 15 лет. После этого в течение двух лет Мартынову приходилось быть то вахтером, то сторожем, то литературным секретарем. Когда стало ясно, что работы по специальности для него в СССР больше нет, Мартынов начал добиваться эмиграции. Но ему отказали и в этом. Тогда И. Мартынов и его жена решились на крайнее средство — голодовку. Через месяц, 18 июля, к ним присоединилась их знакомая, ленинградская отказница Надежда Фрадкова, которую уже на следующий день принудительно госпитализировали в психбольницу. ●

Ю. К.

КТО ВИНОВАТ В КАТАСТРОФЕ?

Освобождены из тюрьмы последние четверо обвиняемых в преступной халатности, приведшей к одной из самых крупных в истории Советского Союза экологических катастроф. Суд над ними отложен на неопределенное время, и неизвестно, состоится ли он вообще. Еще четверо были освобождены ранее, и дело против них попросту прекращено. Следствие, длившееся почти год, кончилось ничем.

Катастрофа разразилась в шесть часов вечера 15 сентября 1983 г. На заводе искусственных удобрений в г. Стебнике Львовской области прорвало земляную дамбу резервуара, куда сбрасывались жидкие отходы. В прорыв шириной более 50 м хлынул густой рассол, и ядовитая волна высотой в 6 м покатила по долине. В резервуаре содержалось свыше 5 миллионов кубометров концентрированного рассола, около миллиона тонн калиевых солей.

Уничтожающая все на своем пути волна катилась по долине, пока через 25 км не достигла Днестра близ г. Николаева (районный центр в ста километрах к югу от Львова). По дороге она снесла с лица земли деревню Раневичи и сожгла поля, готовые к сбору урожая.

Далее ядовитую жидкость понесли с собою воды Днестра. Лишь через 480 км ниже по течению ее остановила бетонная дамба у г. Новоднестровска, создающая искусственное озеро длиной около 50 км. Это спасло от катастрофы низовье Днестра, но около миллиона тонн солей выпало в осадок, образовав толстый слой на дне водохранилища.

К счастью, признаки разрушения дамбы были замечены уже около полудня, и жители окрестных сел были предупреждены. Их, как утверждают, удалось эвакуировать, движение через

угрожаемый район было прекращено. Утверждают также, что человеческих жертв не было, но ведь их в Советском Союзе обычно "не бывает" при самых серьезных бедствиях, даже стихийных... Проверить невозможно.

Как бы то ни было, по ориентировочным оценкам погибло 920 тонн промысловой рыбы, 1300 тонн молоди лососевых рыб, уничтожена речная растительность, пострадали птицы и животные вдоль почти 500-километрового течения Днестра. Была прекращена подача воды в несколько городов и деревень, десятки промышленных предприятий пришлось остановить.

До сих пор неизвестно, что делать с почти десятиметровым слоем калиевых солей, покоящихся на дне водохранилища и медленно отравляющих Днестр — до недавнего времени одну из самых чистых водных артерий Европы. Надеялись, что осадок будет размыт паводковыми водами, но паводок в этом году был низкий. "Даровая" очистка не состоялась. Разрабатываются проекты отсасывания раствора со дна, создания регулируемых природных течений, размывающих осадок, но все это пока находится в стадии проектов и экспериментов. А отравление продолжается.

Катастрофа была столь внушительной, что полностью замолчать ее было невозможно. О ней сообщили "Известия". Говорилось об ошибках в проекте дамбы, о плохом техническом контроле, нарушениях правил пользования резервуаром для отходов производства. Оказывается, о бедственном состоянии дамбы руководство завода предупреждали еще в 1982 г., а затем в мае 1983 г. — за четыре месяца до того, как катастрофа разразилась. Восемь виновников трагедии были арестованы. Началось следствие.

И вот — гора родила мышь. Сейчас уже идут разговоры ("Известия" приводят слова зам. прокурора Украинской ССР) о том, что дело-де, по-видимому, в "геологических особенностях района"... А район — что ж его наказывать! Его и так наказали примерно. ●

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗРЫВА В СЕВЕРОМОРСКЕ

В предыдущем номере журнала мы сообщали о гигантском взрыве на ракетных складах Северного флота в г. Североморске на Кольском полуострове. С течением времени выясняются

подробности, позволяющие оценить размеры этой катастрофы — самой крупной на советском флоте со времен Второй мировой войны.

Теперь известна точно дата взрыва: 13 мая. Взрыв уничтожил около 580 из общего числа 900 ракет типа земля—воздух SA-N-1 и SA-N-3. Из 400 ракет земля—земля типа SS-N-3 и SS-N-12 дальнего радиуса действия уничтожено 320. Ракеты SS-N-12 — это сверхзвуковые крылатые ракеты, несущие ядерные боеголовки. Был уничтожен также весь арсенал — общим числом около 80 — ракет SS-N-22 типа земля—земля, также способных нести ядерные боеголовки. Кроме того, при взрыве было разрушено неизвестное число ракет SS-N-19, предназначенных для действий против морских судов, и несколько ракет SA-N-6 и SA-N-7 (типа земля—воздух). Уничтожено или приведено в негодность огромное количество запасных частей для ракет.

Убито было не менее 200 советских моряков и членов обслуживающего персонала, и примерно столько же ранено.

Наиболее тяжелые повреждения взрыв нанес главному складскому комплексу для ракет, складам для хранения взрывчатых (неядерных) материалов и топлива и главному складу боеприпасов примерно в километре от места хранения баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок. Три из шести бункеров, предназначенных для этих ракет, было повреждено снаряжи осколками. Но сами ракеты SS-N-17 (ракеты с радиусом действия 5000 км, запускаемые с борта подводных лодок класса "Янки") не были повреждены, ибо они хранились в помещениях, вырубленных в скальных породах.

Пожар, вызванный взрывом, длился пять суток, клубы дыма покрыли огромную область на севере Кольского полуострова.

Масштабы катастрофы в значительной мере объясняются несоблюдением мер безопасности при строительстве складов: склады располагались столь близко друг от друга, что взрыв на одном из них вызвал цепь детонаций на соседних складах.

Военные специалисты пытаются оценивать, как повлияет эта катастрофа на боеспособность Северного флота. Большинство полагает, что потери могут быть возмещены, но на это потребуется время. Речь идет не только о производстве ракет, но и о строительстве специальных складов и испытательных устройств. ●

В ЗАЩИТУ НАШИХ ЗАЩИТНИКОВ

Генеральному секретарю ЦК КПСС

...люди, люди, люди...
Кто же будет продолжать за них?

О.Мандельштам

Константин Устинович!

Не называю Вас товарищем или, тем более, "дорогим товарищем". Слишком многое разделяет нас — и возраст, и положение, и взгляды на жизнь. Вы, наверное, никогда не будете думать так, как я, а я — как Вы. Позиции у нас с Вами разные. О Вашей я могу судить по Вашим выступлениям на съездах и пленумах, на страницах газеты "Правда" — органа ЦК КПСС, генсеком которого Вы являетесь.

Будучи рядовым гражданином, я прошу Вас, тем не менее, ознакомиться с моим скромным мнением. Пишу Вам не как плакатный трудящийся — плакатному вождю. Пишу Вам как живой, работающий, "не пьющий", а просто думающий человек — представителю власти. Власти, которая когда-то под стук прикладов на II съезде Советов была одобрена народом.

Не ссылаюсь ни на положение Конституции СССР о недопустимости преследования за критику (хорошо известно, что у нас недопустимо преследовать лишь за критику надоев молока), ни на данное каждому члену партии право критиковать любое должностное лицо, невзирая на лица (лица этого не позволяют).

Нет больше иллюзий, Константин Устинович, плакатных трудящихся в нашей стране нет. Их можно найти разве что на плакатах.

Знаю и то, что, как заявил мне в 1982 г. следователь КГБ, "и письмо к Брежневу может инкриминироваться как антисоветское". Знаю, но не боюсь, потому что знаю и другое: я гражданин. А граждане с властями говорят уважительно, но независимо и достойно, особенно, если эта власть в стране — высшая.

Я пишу не о себе. Я говорю о людях, которыми дорожу. Назвать их своими товарищами для меня большая честь. Может быть, я ее не достоин. Но я был бы рад, если бы когда-нибудь, выйдя из тюрьмы и сылок, они узнали об этом письме и произнесли не зашлеванное, но живое, как эти строки, слово: товарищ.

Большинство из этих людей мне незнакомы. О некоторых знаю только потому, что они широко известны в стране. Это люди пожилые и молодые, их жизненный путь различен. Объединяет их одно: они заступались за других. Они получили за это кухонную брань самой передовой в мире (вероятно, от слова "передняя") советской печати, шорох анонимных угроз, исписанные матерщиной стены следственных изоляторов, ухмылку полиция или уголовного.

Слова "кухонная брань" кажутся слишком мелкими, когда читаешь, что советская печать ("советская" пишу с сожалением, а не в поношение всего советского) позволяет себе добавлять к уже изблеванной ею лжи о достойнейшем человеке. Конечно, я имею в виду Андрея Дмитриевича Сахарова. "Сахаров — сторонник ядерной войны", "Сахаров — злобный ненавистник СССР", "Сахаров — агент ЦРУ" (???). Послушайте, Константин Устинович, да побойтесь Вы Бога! А если Вы и в Бога не веруете, то побойтесь хотя бы Вашего больного сердца и эмфиземы легких! Ей-богу, Вам вредно так волноваться.

Андрей Дмитриевич Сахаров уже, к сожалению, не молод. Его жена, Елена Георгиевна Боннэр, тоже немолода (как Вы знаете, она еще и инвалид войны). Как не стыдно

Вам, работнику Красноярского обкома во время войны, допускать клевету на санитарку, выносившую из огня раненых?

Я уже не говорю о — мягко говоря — подонках, вроде борзописца Яковлева, которому Андрей Дмитриевич не так давно влепил заслуженную этим работником печати затрепину. Но Вы-то, как Вы можете терпеть такого человека у себя в лакеях?

Представьте на минуту, Константин Устинович, что в стране вспыхнул мятеж по типу Венгерского восстания 1956 года. Ревущая толпа прет по Кутузовскому проспекту, громя квартиры номенклатурных работников, закусывая по пути из закрытых распределителей. Ни ракеты, ни танки не помогли. Зверски убивают многих (и честных) коммунистов, ищут и убивают агентов КГБ (как находили их в Венгрии, опознавая по желтым ботинкам). Кто тогда подаст Вам руку помощи? Ваши сотрудники из аппарата ЦК?

А вот Андрей Дмитриевич Сахаров заступится за Вас — потому что он из тех, кого и злоба не берет. Он придет к Вам на помощь, потому что он всегда приходит на помощь. И тогда, когда, не впущенный в зал, стоял по дождем под стенами суда в Вильнюсе (в 1975 г. когда судили Сергея Адамовича Ковалева), и когда бил милиционера в Омске (на процессе Мустафы Джемилева в 1976 г. — опять не пустили), и когда добился от Л.И.Брежнева (перед самым его визитом в ФРГ) снятия обвинения в тунеядстве старого рабочего-немца, подавшего заявление на выезд в ФРГ (1978 г.). Таких святых людей, как говорится в одной популярной песне, "не пачками пекут". Преследуя Сахарова и его жену, Константин Устинович, Вы не заслужите лавров государственного человека, Вы лишь сделаетесь смешным в глазах очень близкого потомства.

Хочу сказать Вам еще об одном незнакомом мне человеке. Это математик Татьяна Михайловна Великанова. По отзывам всех знающих ее людей — добрейший и мужественный человек, мать троих детей, она помогала десяткам, сотням людей. За это ее осудили Ваши предшественники, Константин Устинович. Не будем плохо говорить о мертвых. Но теперь, по отбытии ею 4-летнего срока в Мордовских лагерях, уже Ваш "срок" у власти. И это Вы послали Татьяну Михайловну в ссылку в казахстанский совхоз, где никто не понимает по-русски и где она работает уборщицей в бане. Вспомните: ведь даже у Сталина некоторые осужденные (в их числе А.И.Солженицын) работали в шарашках физиков, а не на лесоповале.

А вот — молодые: Иван Сергеевич Ковалев (родился в 1954 г.) и Алексей Олегович Костерин-Смирнов (родился в 1951 г.) или, как зовут их друзья, просто Ваня и Алеша. Когда в 1981 г. оперативники КГБ шли по ваниному следу, он был вынужден зайти на работу к Алеше и оставить там портфель с "недозволенными" материалами. У Алешки провели обыск и изъяли портфель. Ваня пришел в КГБ и взял все материалы на себя. Он был арестован и осужден. В 1982 г. Алешу Смирнова вызвали по его делу свидетелем. Ему подготовили фальшивые "показания" и "признания" друга. Но он им не поверил и показаний на товарища не дал. Теперь осужден и он.

Вы скажете — "что в этом особенного?" Не знаю, как бы вели себя в подобной ситуации Ваши коллеги по ЦК, — например, бывший министр внутренних дел Щелоков, который брал взятки? Не мне судить. Но люди, подобные младшему Ковалеву и младшему Костерину-Смирнову, — не такого, не щелоковского склада. Иными не могут, не должны быть советские правозащитники. И именно такие люди — работающие, отважные, инициативные, готовые на все ради других — осуждаются и пополняют места на лагерных нарах.

А Вы, Константин Устинович, новыми лагерными правилами подкрепляете 70-ю статью УК, по которой судили этих людей, гноите Ваню Ковалева в карцере и прочите ему за это дополнительный срок.

В заключение расскажу о двух случаях несправедливости, "свидетелем по делу" которых был я сам. В апреле 1982 г. было возбуждено так называемое "дело социалистов".

По этому делу в июле 1983 г. был осужден на 7 лет лагерей строго режима и 5 лет ссылки физик и горный инженер Михаил Гершомович Ривкин. Осужден на немислимо длительный срок не за какие-то из ряда вон выходящие действия, а лишь за стойкость. Осужден на 12 лет лагерей и ссылки лишь за то, что не хотел разговаривать со следователем и тем самым (как он полагал) подводить других. И это несмотря на то, что он прекратил свою деятельность задолго до ареста, несмотря на то, что письменно обязался не заниматься политической деятельностью.

12 лет за мужество и стойкость.

Другой случай произошел с Андреем Юрьевичем Шилковым, выпускником Петрозаводского государственного университета, историком по специальности, за свои взгляды так и не допущенным к занятиям своей профессией. В 1981 г. Андрей был дважды по пустяковому поводу зверски избит милицией (его топтали сапогами несколько дюжих милиционеров). Его не раз вызывали и запугивали в петрозаводском КГБ (например, его специально возили в лагерь, говоря: "Вот здесь ты будешь сидеть", показывали ему лагерную больницу, где в это время находился заключенный, ранее посаженный уголовниками на острый предмет). От избиений у Андрея Шилкова открылось желудочное кровотечение. За свои протесты по поводу изломанной судьбы он попал в лагерь. Я не хочу, чтобы мой друг Андрияша стоял перед необходимостью нарушать закон. Но надо помнить и о том, что толкнуло его на путь протестов. А ведь он талантлив, добр, терпим к людям, ради друга готов последнюю рубашку отдать. Кроме исторической специальности (Андрей увлекается скандинавскими сагами, знает религиозную и философскую мысль Востока), он владеет еще и профессиями резчика по камню, театрального бутафора. К чему и дальше мучить этого человека? Он и так достаточно натерпелся. Дайте ему жить по-человечески!

Каков же выход из бесконечного круга всех этих "случаев" и "эпизодов", позорящих страну? Решать не мне, Константин Устинович. Решать Вам. Призывать Вас ко всеобщей амнистии для политзаключенных или к отмене статей 70-й и 190¹ я не буду. Вы сами должны знать, что и как делать.

И последнее: я хочу, чтобы Вы знали, что я никогда, ни при каких обстоятельствах не откажусь ни от одной строчки, ни от одного слова из тех, что Вам написал.

Июнь 1984 г.

С уважением *Алексей ЗВЕРЕВ*

Об авторе письма Алексею Звереву известно очень мало. Он живет в Москве, по профессии — переводчик. КГБ заинтересовался им в связи с так называемым делом социалистов, упоминаемым в письме, — делом "Федерации демократических сил социалистической ориентации".

Большинство арестованных по этому делу "раскалялось" и было помиловано без суда. Осуждены были лишь Михаил Ривкин, отказавшийся присоединиться к "раскалянию" товарищей, и близкий к "Федерации", но не входивший в ее состав Андрей Шилков. В ходе допросов по "делу социалистов" следователь майор Ф.Похил объяснял Звереву, что от его поведения зависит, перейдет ли он из свидетелей в обвиняемые. А.Звереву были продемонстрированы показания, которые дали против него его бывшие друзья. Тем не менее Зверев не поддался шантажу и отказался "помогать следствию".

Письмо Алексея Зверева опубликовано без ведома автора.

Иван КОВАЛЕВ

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ?

Автор этой статьи – Иван Сергеевич Ковалев, инженер, ныне политзаключенный пермского лагеря № 35. И. Ковалев – член Московской Хельсинкской группы, был арестован в августе 1981 г. и приговорен к 5 годам лагерей и 5 годам ссылки. В числе "преступлений", в которых он обвинялся, была и публикуемая ниже статья. Другие преступные деяния И. Ковалева – составление информационного бюллетеня о правозащитном движении, выходявшего под условным названием "В", редактирование "Хроники текущих событий", написание ряда статей, в том числе статьи "О моей Тане", о жене.

Жена И. Ковалева, Татьяна Осипова, тоже член Московской Хельсинкской группы, была аресто-

вана на год раньше мужа и приговорена к точно такому же наказанию, что и он. Сейчас она отбывает заключение в том самом женском политическом лагере, который описывает И. Ковалев в публикуемой нами статье.

Отец И. Ковалева, известный биолог Сергей Ковалев, был тоже арестован – за семь лет до ареста сына. Его обвинили в издании "Хроники текущих событий", распространении "Хроники Литовской Католической Церкви", участии в Инициативной группе по защите прав человека в СССР. С. Ковалева приговорили к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки. Сейчас он отбывает ссылку в Магаданской области.

Статья И. Ковалева известна на Западе уже в течение трех лет, но фотографии к ней были получены лишь совсем недавно. Так как снимки сделаны в необычных условиях (об этом в статье), они не всегда высокого качества: некоторые фотографии нерезкие, перекошен кадр и т. д. В тексте статьи сделаны небольшие сокращения, устранены места, потерявшие актуальность (например, список заключенных женского лагеря, который со времени написания статьи претерпел большие изменения, и т. д.). Статья, за которую автор уже понес наказание, публикуется без его ведома.

Последний год научил меня спокойно говорить об арестах друзей, близких, знакомых, рассказывать о судах над ними и о том, в каких условиях они будут находиться в лагере. Наверное, я мог бы даже предсказать, кого еще ожидает подобная участь. И все-таки, каждый арест всегда неожиданность. Еще долго после этого приходится объяснять самому себе, что человек, с которым только вчера разговаривал, договаривался встретиться завтра или через неделю, сегодня уже в следственной камере Лефортова или Бутырок.

Прошел последний для него обыск. Везут на допрос. Вот он, следователь, которого сначала интересуют лишь анкетные данные. Потом он станет добиваться показаний, признаний, раскаяния. Открытые выступления — "антисоветская агитация, подпольная деятельность, связь с враждебными центрами". Неудобная правда — "ложь и клевета". Так и будут извращены действия арестованного в записях многотомного секретного "спецдела" (вот уж, действительно, подпольная деятельность КГБ). Но это все потом. Сейчас следователь только предъявит ордер на арест и сдаст очередного узника совести тюремным властям. Вот и тюрьма. Выверните карманы, сдайте деньги, документы, часы, кольца. Снимите галстук, ремень с брюк, отдайте шнурки. Теперь отпечатки пальцев. Имя, фамилия. Еще одна формальность — медосмотр. Имя, фамилия. Ну, а теперь — руки за спину, вперед. Коридоры, замки, решетки, окованные двери — дом на долгие месяцы. Толстые стены, унылая краска, параша, тусклый круглосуточный свет. Виден тюремный двор через пыльное стекло и решетку. Впрочем, нет, не виден. Окно загорожено снаружи специальным щитом — "намордником". Ну, что же, раз в сутки из этой затхлой камеры выводят на часок в тесный прогулочный дворик. Завтра узнику дадут баланды, сегодня уже поздно. Потом ему придется подождать несколько дней, пока родственники сделают денежный перевод, чтобы можно было пользоваться тюремным ларьком (10 руб. в месяц). Зубная щетка, смена белья, скудные 5 кг продуктов по ограниченному списку — с первой передачей. Это и будет единственной связью с оставшимися на воле — раз в месяц получить вещи и продукты, собранные родными руками. Постепенно и мучительно узник привыкает к своему новому положению. Оставшимся на воле также трудно свыкнуться с мыслью о том, что друг на долгие годы удален из привычной жизни. Еще долго будет казаться, что вот он — в уличной толпе.

Причина такого двойственного отношения проста: нельзя привыкнуть к тому, что честные, добрые, отзывчивые люди попадают в "преступники" именно за проявление этих своих качеств, хотя аресты стали уже "привычны".

Летом и осенью 1979 года у меня, у Тани (моей жены), да, наверное, и у многих наших друзей появилось ощущение каких-то близких перемен. Некоторые связывали их с предстоящей Олимпиадой (кампании арестов или превентивных задержаний, приуроченные к визитам глав правительств капиталистических государств, партийным съездам, крупным юбилейным датам советского государства и т. п. — вполне обычное явление). Я тоже понимал, что вот-вот должны начаться массовые, по сравнению с прошлыми годами, аресты, но связь их с Олимпиадой казалась весьма относительной (я думаю, что она повлияла лишь на выбор момента и интенсивность проводящихся репрессий). Ходили слухи даже о каком-то обширном списке запланированных арестов.

И одной из первых в этом списке называлась Татьяна Михайловна Великанова. В октябре в один день были проведены обыски у нее и у нас с Таней. Втроем мы обсудили результаты этих обысков и предположили, что вскоре один из нас будет арестован.

1 ноября Татьяну Михайловну арестовали.

Только тогда я впервые осознал надвигающиеся перемены, которые раньше лишь смутно предчувствовал. Сейчас аресты и обыски идут уже не с той интенсивностью, но все еще не кончаются. Так мало осталось друзей на воле и так много их, родных и близких, за тюремной решеткой в ожидании суда, этапа или уже в лагере.

Теперь в рассказах о том, как мы живем, снова, как когда-то, все больше места занимает лагерная тема.

*

На собственном опыте я убедился, как много значит даже для знающего человека увидеть своего родственника в лагере или хотя бы просто взглянуть на лагерь снаружи. Такую возможность дает лагерное свидание.

В октябре прошлого года я провожал родственников Татьяны Михайловны Великановой — сына Федора, сестру Ксению и внука Артема — на свидание к ней. Строгий режим, на котором содержится Татьяна Михайловна, разрешает заключенному иметь в течение года одно свидание до трех суток, когда родственники живут с ним в специальном помещении, и два свидания до 4 часов каждое, в присутствии надзирателя. Пока шло свидание Татьяны Михайловны, мне, дожидавшемуся снаружи, удалось сделать несколько фотоснимков.

*

После долгих споров, какие продукты и сколько нужно взять, длительных телефонных обсуждений, где их достать, мы, едва не опоздав, усаживаемся, наконец, в поезд и трогаясь. Долго перепаковываем рюкзаки, проверяем их содержимое. Кажется, ничего не забыто, всего хватает (запас на трое суток, хотя никто всерьез не рассчитывает на такую поклажу), за ночь продукты испортиться не успеют.

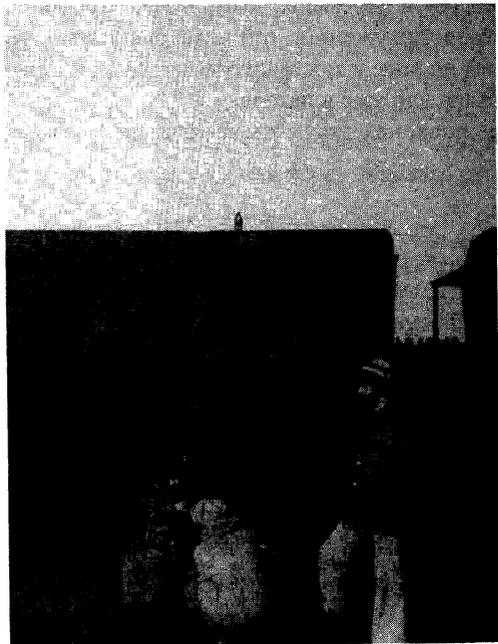
Утром мы в Потьме.

Это пункт пересадки с поезда дальнего следования на "подкидыш" (поезд местного значения, который "подкидывает" на короткие расстояния), курсирующий по боковой ветке пару раз в день. Бежим через мост и дальше к "подкидышу" (до него с полкилометра). Он уходит из-под носа. Обидно. Через несколько часов могли бы быть в пункте назначения — Барашево, может быть, уже сегодня получили бы свидание. Обычно свидание начинается после рабочего дня, к вечеру, но приехать нужно все равно как можно раньше, иначе начальство может "решать" этот вопрос до следующего дня. Следующий поезд бу-

Потьма. Вид с железнодорожного моста.

следующий поезд бу-

В ожидании "подкидыша". На заднем плане, за вагонами, виден лагерный забор. За ним второй ряд заграждений, примерно втрое выше самого забора — "путанка". Она развешана на специальных железных столбах.

уаем их, проходим здание штаба (там помещаются служебные кабинеты представителей лагерной администрации) и входим в дом для приезжих.

Ожидающих свидания сейчас немного, все женщины, и все они живут в одной комнате. Поэтому комендантша разрешает нам поселиться во второй, оставшейся свободной. Обстановка этого общежития типична: стол, стулья, тумбочки, пять или шесть кроватей, один шкаф. В коридоре — "Выписка из Правил внутреннего распорядка ИТУ"¹. Ася и Федя, сверяясь с вывешенным там образцом, пишут заявления начальнику лагеря с просьбой предоставить им длительное "личное" свидание с Татьяной Михайловной. Заявления у них забирают, однако быстро выясняется, что мы опоздали, и свидание дадут только завтра.

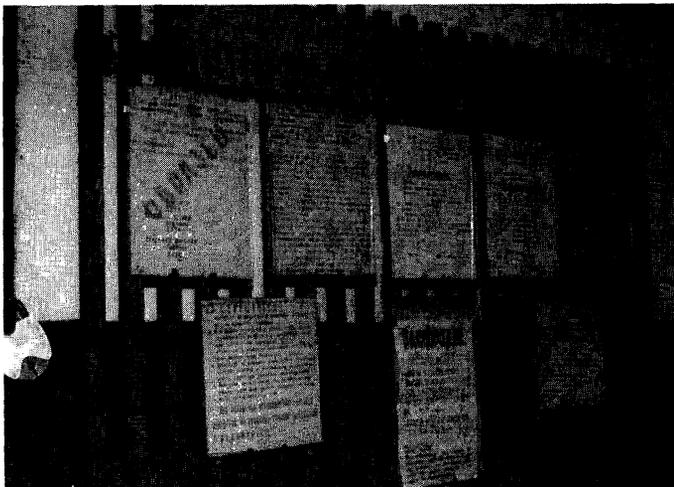
Утром я провожаю Асю, Федю и Тему на свидание. Их пропускают через вахту, мне же туда вход запрещен; на территорию "учреждения", провожающий не может даже помочь занести вещи. Помещение для свиданий расположено здесь непосредственно в бара-

дет только к вечеру, значит сегодня свидания уже не получить. Кто-то из местных подсказывает, что скоро будет поезд до Яваса, может быть, оттуда пойдет дальше, до Барашева, какая-нибудь случайная дрезина, или удастся найти попутку. Ждем "подкидыша". Пока оглядываемся. И вдруг понимаем, что это необычное зрелище — проволока, кольцами развешанная на высоченных столбах над забором — "путанка", одна из систем лагерного заграждения, что за этим забором рядом с подобием перрона, где мы стоим, — лагерь. Подумав, вычисляем, что это, скорее всего, рабочая зона. Позже мы узнаем, что по этой ветке чуть ли не на каждой станции лагеря, да и вся советская Мордовия — в лагерных заборах, вышках да "путанке".

В Явасе нам удается договориться с машинистом маневрового тепловоза, кабина быстро заполняется попутчиками из местных, и вот, наконец, мы в Барашево. С обеих сторон железной дороги тянутся унылые лагерные заборы, вышки... Ми-

¹ Лагеря у нас полагаются называть Исправительно-трудовыми учреждениями (ИТУ). За годы советской власти пенитенциарная система несколько раз меняла свое название. Например, еще при жизни Ленина были введены концлагеря. При последующих изменениях названия слово "лагерь" почти всегда оставалось. Окончательно неблагозвучное слово было исключено из обихода в 1969 г. с введением названия "ИТУ". Бывшее Главное Управление Лагерьей (ГУЛаг) именуется ныне Главным Управлением ИТУ (ГУИТУ). На вывеске же этого учреждения, запрятанного в одном из дворики в центре Москвы, скромно значится "Главное Управление": всем гражданам и так должно быть ясно, какое управление в стране Главное.

ке вахты. Заглянуть в окно снаружи невозможно из-за того, что эта часть стены барака обнесена деревянным забором. Обычно помещение для свиданий представляет собой изолированный жилой блок из одной-двух маленьких комнат, кухни и туалета (вместо запрещенной бумаги — вата). Родственников запирают там вместе с заключенным во время разрешенного "личного" свидания ("общее", краткосрочное свидание проходит в том же помещении). Для вызова в случае надобности кого-нибудь из

Выписка из "Правил". Слева — замок на двери служебной комнаты, где обычно дежурит комендантша. В один день с нами в Барашево приехал какой-то инспектор. Его как "начальство" поселили в эту отдельную комнату.

представителей администрации имеется звонок (как правило, не работающий). Иногда в таком блоке одновременно проходят свидания у двух заключенных, однако в политических лагерях администрация старается этого избегать. В комнатах для свидания стоит по две односпальных панцирных койки, стол, стулья, тумбочки. Эта скромная мебели-

ровка занимает практически все свободное пространство. Кухня оборудована плитой, мойкой; есть кухонная мебель, холодильник, посуда. Во время свидания родственники могут кормить заключенного привезенными продуктами, прошедшими досмотр. В результате этого досмотра колбаса и хлеб, например, оказываются разрезанными, чай и кофе — пересыпанными в тарелку, консервные банки и спичечные коробки — с оборванными этикетками (очевидно, считается, что даже такие клочки могут быть использованы особо опасными государственными преступниками в их гнусных антисоветских целях). Родственники перед свиданием также подвергаются досмотру — обыску. Заключенного еще и переодевают в другую одежду — только на время свидания. Эта одежда, как правило, почище и получше той, в которой он ходит в зоне.

Лагерные ворота. На левой стороне видно объявление для шоферов.

В бараке вахты, примыкающем к воротам, есть окно. Я догадываюсь, что ми-

мо него будет проходить Татьяна Михайловна, когда ее поведут на свидание. Но сначала я должен дожидаться, пока кончится обыск вещей и одежды ее родственников.

Вспоминаю, как долго "шмонали" (обыскивали — на лагерном жаргоне) меня и жену отца, когда мы ездили к нему на свидание. В таком обыске участвует обычно несколько человек. Поэтому все вещи осматриваются несколько раз: каждый участник обыска боится доноса коллеги, что он

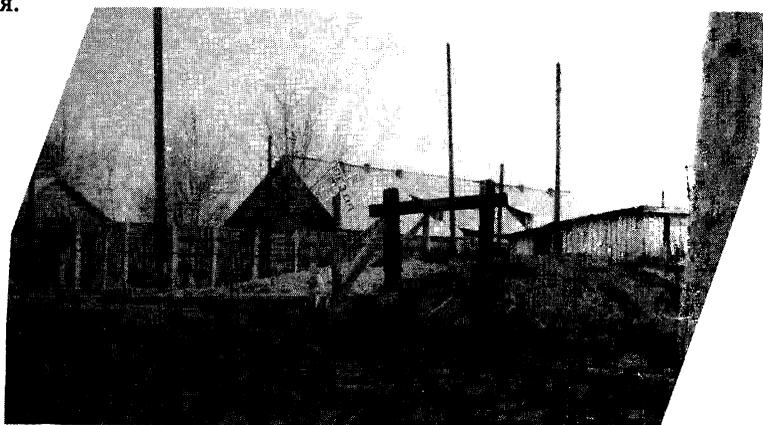
проводил обыск недостаточно тщательно. Иногда (это незаконно) родственников заставляют пройти унижительную процедуру обыска самого их тела. Факт обыска свидетельствует об априорном недоверии администрации: закон разрешает ей, но не обязывает проводить обыск. Кроме того, все новенькие получают перед свиданием специальный инструктаж в оперчасти о том, что можно и что нельзя брать с собой на свидание. В список запрещенных предметов кроме денег, алкоголя, наркотиков, драгоценностей (включая сюда и наручные часы) входят также карандаш и бумага. Перед общим свиданием родственников инструктируют и о допустимых темах разговора. Перед личным свиданием они такого инструктажа не получают, но я думаю, что все их разговоры с заключенными подслушиваются.

Коротая время такими приятными воспоминаниями. Осматриваюсь. Читаю объявление на лагерных воротах о том, что шофер автомобиля должен открыть капот, дверцы, снять сиденье: и автомобиль в зону не пропустят, не обыскав. Удивляюсь, заметив, что ворота одинарные: в 36 Пермском лагере, где отбывает срок мой отец, они устроены по типу шлюза.

Да и вообще, тут все как-то мягче. Заборы ниже, недостаток высоты компенсируется натянутой поверх сигнальной проволокой. Забор тоже одинарный, правда за ним еще широкая вспаханная полоса "запретки" (запретной зоны) и проволочные ограждения, а с внешней стороны к нему не подойти из-за натяну-

"Путанка". За ней виден забор с натянутой поверх "сигнальной" проволокой.

Справа — законный склад, рядом куча угля. Скат крыши за ними — жилой барак в зоне. Слева виден скат крыши другого жилого барака. На первом плане — железнодорожные пути и тупик.

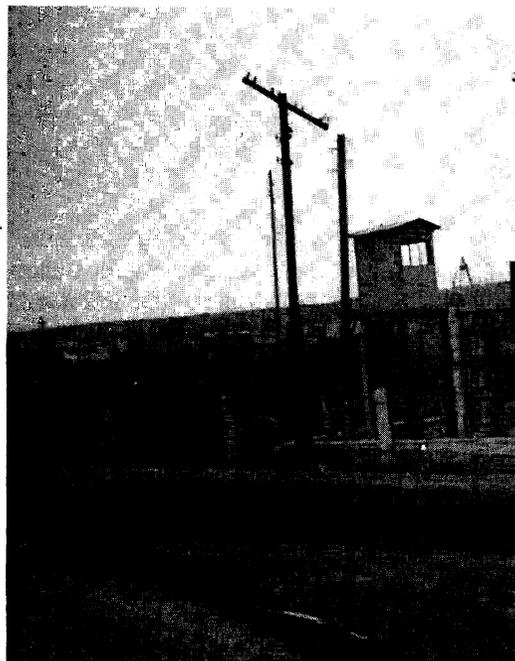
Справа — законный склад, рядом куча угля. Скат крыши за ними — жилой барак в зоне. Слева виден скат крыши другого жилого барака. На первом плане — железнодорожные пути и тупик.

той на столбах в нескольких метрах от него "путанки". Сама "путанка" здесь также иная. В Кучино, "у папы", это ограждение раза в полтора выше, расположено за внешним забором, да еще, по сравнению со здешним, мотки проволоки накиданы откосом внутрь зоны. Здесь же это ограждение просто заменяет второй забор. По "улице" между двумя такими заборами разводят караул на вышки.

Подход к самым воротам здесь как-то загроможден. Сперва надо перейти железнодорожные пути, миновать какой-то сарай, кучу угля. Перед самой вахтой стоит зазонный склад (там хранятся вещи заключенных, например, сезонная одежда).

В центре кадра — здание штаба. Около него — колонна заключенных.

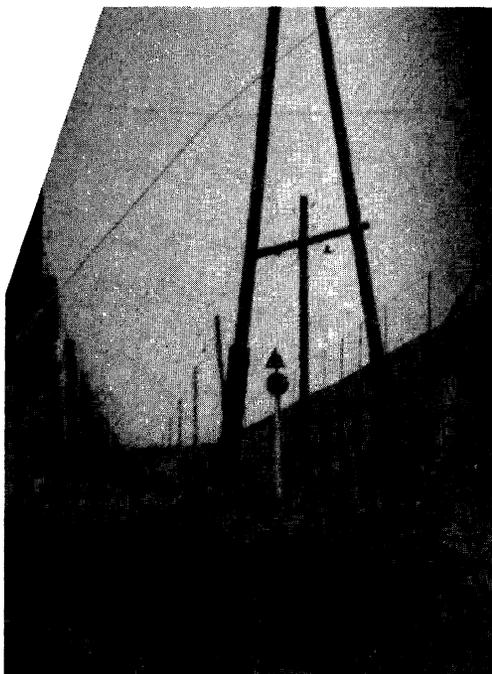

Угловая вышка женской зоны. Слева — забор рабочей зоны, лагерная "улица".

Вспоминаю рассказы тех, кто бывал здесь раньше, пытаюсь сообразить, где какое здание расположено. Размышления мои прерывает дежурная по вахте. Оказывается, мне стоять даже здесь, просто близко к воротам, "не положено".

Возвращаюсь назад в дом приезжих. Вернувшись в комнату, вижу, что Ася забыла свой халат. Бегу с ним назад на вахту, прошу передать. И — надо же, повезло! — как раз в этот момент проводят Татьяну Михайловну. Улыбаемся, здороваемся через зарешеченное окно. Вот и у меня с ней состоялось свидание — несколько секунд за год. Вряд ли выпадет мне еще в оставшиеся три года ее лагерного срока такой счастливый случай (формально, на коротком свидании с заключенными могут присутствовать и не родственники, на практике же, друзьям узника совести удается получить свидание с ним лишь случайно, по недосмотру администрации).

Татьяне Михайловне разрешили свидание только на двое суток, хотя и она и Федя просили продлить свидание еще на сутки, чтобы вместе отметить день рождения Федора, выпавший как раз на это число.

Вид лагерной "улицы" вдоль торцевого забора женской зоны. Справа – лестница на угловую вышку. Слева – заграждение-"путанка".

от внешнего угла женской зоны через своеобразное зарешеченное окно в заборе можно увидеть запретную полосу, бараки и даже вышку у вахты. На другом краю забора, в конце этой улицы, есть второе окно, через которое виден барак женской политзоны, тот самый "женский монастырь", в котором живет Татьяна Михайловна.

За углом, напротив женской зоны, вдалеке от подъездных путей "подкидьша" спрятана маленькая мужская политическая зона. На противоположном торце, вплотную к мужской бытовой зоне ведется строительство новых бараков для заключенных. Там же видна разметка под новую зону. За поселком, с другой стороны железнодорожной линии, также выставлены столбы под новые лагерные заборы.

На этом можно закончить комментарий к снимкам, вывезенным мной из Барашева.

*

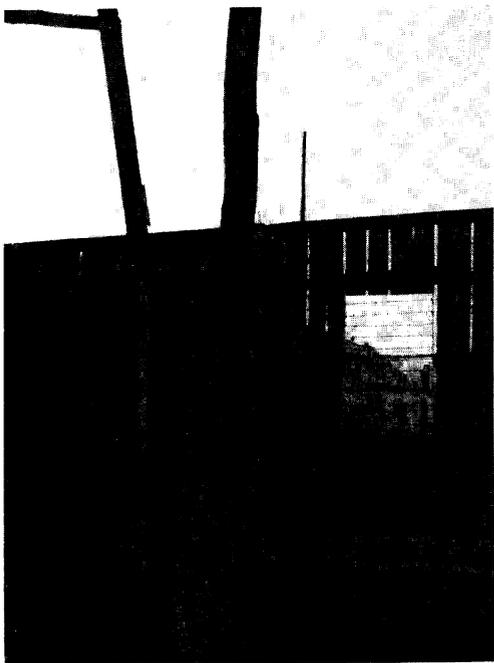
В заключение хочу объяснить, почему я выбрал для этой статьи такое название.

В день отъезда из Барашева, 30 октября¹, меня задержали и изъяли миниатюрный фотоаппарат с отснятой наполовину пленкой.

На этой пленке были кадры, аналогичные приведенным выше. Кроме того, там были снимки строящейся зоны, портреты лагерных начальников, которые мне удалось

¹ По случайному совпадению, 30 октября – День политзаключенного в СССР, отмечающийся в лагерях с 1974 г. В этот день большинство заключенных политлагерей проводят голодовки и бастуют. – Прим. ред.

снять, вид кладбища для заключенных. Кладбище расположено на опушке леса за поселком, в низине. Один край затапливается промышленным сбросом от рабочей зоны. Могильные холмики сохранились лишь на последних захоронениях. На могилах, за редким исключением, ни креста, ни таблички. Торчит из травы низенький кольшечек с прибитой к нему фанерной дощечкой. На ней краской — буква да номер, вероятно, номер медицинской карточки. Ни имени, ни даты. Вот и все. А сколько таких кольшечков уже повалено и сгнило или унесено нечистотами, остается только догадываться.

Окно в заборе. В нем виден барак женской политзоны: "Женский монастырь".

Задержание мое проводил молодой сотрудник оперчасти младший лейтенант Шлепанов. Я шел по улице поселка и только успел сделать последний кадр — работающие на ремонте здания заключенные под охраной автоматчиков за импровизированным заграждением, натянутой веревкой с красными флажками, наподобие той, что используется при охоте на волков — как меня догнал этот оперативник и потребовал, чтобы я явился в штаб. Там он сообщил мне, что, по их сведениям, я занимался фотосъемкой секретных объектов — лагерей и поселка: какой-то прапорщик заметил, что у меня в кармане "что-то щелкало", наверное, фотоаппарат. После такого разъяснения Шлепанов предложил мне вывернуть карманы. Я отказался подчиниться, объяснив, что не стану препятствовать обыску, если мне предъявят соответствующее постановление прокурора, либо будет обеспечено присутствие его самого. Довольно долго меня пытались уговорить заходившие в комнату сотрудники оперчасти, милиционеры, начальник лагеря. Основным аргументом в этом споре было: "ну, чего артачишься, сейчас вывернем тебе руки, сами обыщем". В конце-концов мое упрямство было вознаграждено, и в комнату вошел мужчина в штатском, заявивший, что он прокурор Ганичев. Он был настолько удивлен моим требованием предъявить документы, что тут же их предъявил.

В ходе обыска кроме фотоаппарата и пленки у меня были изъяты газета "Ударные темпы", которая выдается только осужденным (любопытно, что даже в этой газете ни в одной заметке исправительно-трудовые учреждения не называются полностью, а только: "учреждение, где начальником такой-то"), и коробка от папирос с моими записями. Все изъятое было при мне опечатано и, как сказано в акте изъятия, "указанные вещи и предметы... будут направлены на исследование, после чего будут возвращены владельцу". Разумеется эти "вещи и предметы" до сих пор не возвращены, и я могу только догадываться, где именно они "исследуются".

Обыскивавшие меня оперативники угрожали мне привлечением к уголовной ответственности по ст. 64 УК РСФСР ("Измена Родине") за шпионаж. Прочитав потом комментарий к этой статье, я понял, что при некоторой ловкости следственных органов

фотографирование лагерей можно подвести под ее диспозицию — если признать лагеря секретными объектами.

Конечно, я понимал, что, занимаясь этой съемкой, нарушаю главный — неписанный — закон. В самом деле, нигде не сказано, что лагеря, которые видят тысячи людей, являются секретными объектами, что их нельзя фотографировать. Однако все должны понимать это сами. Поэтому и я, желая сохранить свои снимки, съемки вел скрытой камерой.

Теперь, когда эти кадры изъяты, я, публикуя аналогичные снимки, хотел бы сказать нашим "доблестным органам":

В вашей воле считать лагеря, где содержатся узники совести, или даже простые уголовные лагеря, в которых в бесчеловечных условиях живут миллионы заключенных, своими "секретными объектами". В вашей воле считать шпионажем попытки честно рассказать об условиях содержания там, раскрыть эти ваши так тщательно охраняемые "секреты".

Именно потому вы считаете лагеря секретными объектами, что условия там бесчеловечны, что нет лагерей, где заключенным не причиняли бы физических и нравственных мучений, где все были хотя бы сыты. Потому-то никогда не пускали вы в лагерь представителей Красного Креста или просто независимой общественности, потому так старательно врут или уходят от прямого ответа ваши свидетели на политических процессах, где заходит речь о лагерных условиях, потому вы боитесь даже открыто признать лагеря секретными объектами.

Это ваш грех, ваш страх — ваш и ответ.

Я вам в сокрытии правды не помощник. Угодно считать это шпионажем? Ну что же, этим вы лишь подтверждаете мою правоту.

Февраль 1981 г.

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Публикуемый сегодня декрет — яркое свидетельство возросшей мощи Советского Союза, несокрушимой крепости нашей великой родины. Вдребезги разгромлены враждебные пролетариату силы внутри Советского Союза. Как никогда крепка диктатура пролетариата, как никогда велика мощь нашей страны и укрепилось международное положение СССР. И одним из показателей нашей силы является включение ОГПУ в состав вновь созданного Союзного Наркомвнудела.

ОГПУ! Это имя овеяно горячей любовью десятков миллионов рабочих и крестьян — и в нашей советской стране, и за ее границами. Горячей любовью трудящихся и лютой ненавистью эксплуататорских классов и их лакеев. Обнаженный меч рабочего класса — так назвал ОГПУ наш вожь тов. Сталин. Неусыпный страж революции! Все послеоктябрьские годы он без промаха бил контрреволюцию, подавлял сопротивление врагов диктатуры пролетариата. Молниями пролетарского гнева разила ВЧК—ОГПУ сонмы агентов капитализма, пытавшихся ослабить мощь нашей великой родины. Отсекая от тела рабоче-крестьянской страны ядовитых гадин контрреволюции, ОГПУ перевоспитало десятки тысяч людей. Перековка — это прекрасное слово и дело создано ОГПУ.

Создание Наркомвнудела Союза не означает, разумеется, ослабления борьбы с изменниками родины, с врагами советского Государства. Советский суд сумеет беспощадно карать изменников и предателей, которые не уйдут от зоркого глаза органов Союзного Наркомвнудела.

Революционный порядок, созданный в нашей стране, порядок, завоеванный партией Ленина-Сталина, порядок, для создания которого хорошо, прекрасно поработала когорта чекистов, воспитанных Дзержинским и Менжинским, — строгий революционный порядок получает верного стража — вновь созданный Союзный народный комиссариат внутренних дел.

"Правда", 11 июля 1934 г.

Я НЕ ВЕРЮ В КОЛЛЕКТИВНУЮ ВИНУ, Я ВЕРЮ В КОЛЛЕКТИВНЫЙ СТЫД

Беседа с Симоном Визенталем

В 1984 году исполнилось 75 лет со дня рождения основателя венского Документационного центра Союза евреев, подвергавшихся преследованиям при нацизме, Симона Визенталю. Мы предлагаем вниманию читателя интервью, которое С. Визенталь дал нашему специальному корреспонденту К. Любарскому в Вене в июне этого года.

Г-н Визенталь, Вы известны миру как неутомимый охотник за нацистами, совершившими тяжчайшие преступления против человечности. Но не менее тяжкие преступления совершались и в Советском Союзе. Не кажется ли Вам, что лица, виновные в этих преступлениях, тоже не должны остаться безнаказанными?

С моей точки зрения, между национал-социализмом и коммунизмом много общего. Правда, национал-социализм был преступен и в теории, и на практике, коммунизм — только на практике. Это отличает их друг от друга. Но ведь для жертв эта разница несущественна. Я все время говорю не только о прошлом, но и о настоящем, не только о пережитых ужасах, но и о будущем наших детей. Именно поэтому я занялся защитой прав человека в Советском Союзе, стал членом комитета Сахаровских Слушаний, вошел в совет директоров Дома Свободы. Когда мир узнал о преступлениях нацизма, было уже слишком поздно, но сейчас еще не поздно помочь тем, кто находится под гнетом коммунизма. Для меня Советский Союз всегда был тюрьмой народов и остается ею сейчас. Конечно, во всякой тюрьме надзиратели могут относиться к узнику строже или мяг-

че, но тюрьма остается тюрьмой. Историки будут спорить, какой режим был более преступным: нацистский или коммунистический. Я думаю, что это не так уж важно. Мои враги — и нацисты, и коммунисты; и те, и другие ненавидят меня, нападают на меня. Но именно поэтому я уверен, что иду по правильному пути. Годы, которые я провел в Советском Союзе, — с 1939 по 1941, — дали мне духовную закалку для жизни при нацистах. Людей можно убивать сразу, но можно убивать и медленно. Я видел и то, и другое.

И еще. Я по опыту знаю: когда преступления совершаются в стране, где существует правая диктатура, будь то Чили, Южная Африка или еще что-нибудь, тотчас начинаются протесты, уличные демонстрации против правительства этой страны. А когда преступление совершено в стране, дружественной Советскому Союзу, то оно и за преступление не считается. Советский Союз присвоил себе право определять, что такое преступление и кто преступник. Таков наш мир. Со временем люди свыкаются с подобным образом мыслей, и это опасно. Посмотрите, сколько договоров, начиная с 1918 г., СССР заключил с другими странами мира, и сколько из них он нарушил.

Почти все.

Вот именно — почти все! Никакой договор с Советским Союзом никогда не будет гарантией нашей свободы. Мы вынуждены вести переговоры с Советским Союзом, у нас нет иного выбора, но мы должны быть очень осторожны, должны учитывать наш опыт. Я был во Львове, когда туда вступили советские солдаты. Только в этот день — и не раньше — Советский Союз разорвал договор, который он заключил с Польшей.

Потому что у него было секретное соглашение с нацистами.

Конечно. А еще через месяц после того, как официально был подписан пакт Молотов—Риббентроп, они подписали новое соглашение о совместных действиях против польского Сопротивления. Я нашел его в архивах несколько лет назад. Они действовали совместно против всех польских патриотов. Полковник НКВД был прикомандирован к немецкому генерал-губернатору Польши. Сотрудники НКВД приезжали к своим коллегам-гестаповцам в Закопане, а гестаповцы — в Киев и Львов, чтобы обмениваться деловой информацией. Вот почему до нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. в Польше не было коммунистического движения Сопротивления.

Компартия Польши была разгромлена Сталиным.

Да, но и в Чехословакии коммунистического Сопротивления не было. Готвальд сидел в Москве и слал письма: относитесь к нацистам дружелюбно. Когда нацисты оккупировали Голландию, компартия Голландии тоже выступила с призывом дружить с нацистами. Когда была оккупирована Дания, датская компартия опубликовала в своей газете заявление, где говорилось: хорошо, что немцы, а не англичане. То же самое происходило во Франции. Только после 22 июня 1941 г. коммунисты в Польше начали действовать, причем их доля в общепольском Сопротивлении не превышала пяти—шести процентов. А после войны они переписали историю заново. Они объявили, что все Сопротивление в Польше было коммунистическим, а участники национального Сопротивления были предателями.

Geheimes Zusatzprotokoll

Die unterzeichneten Bevollmächtigten haben bei Abschluss des deutsch-sowjetischen Grenz- und Freundschaftsvertrages ihr Einverständnis über folgendes festgestellt:

Beide Teile werden auf ihren Gebieten keine polnische Agitation dulden, die auf die Gebiete des anderen Teiles hinüberwirkt. Sie werden alle Ansätze zu einer solchen Agitation auf ihren Gebieten unterbinden und sich gegenseitig über die hierfür zweckmassigen Massnahmen unterrichten.

Moskau, den 28. September 1939.

Für die Deutsche Reichsregierung:

In Vollmacht der Regierung
der UdSSR:

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключению Германно-Советского Договора о Дружбе и Границе, заявляют о своем согласии в следующем:

Обе Стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

Москва, 28 сентября 1939 г.

За Правительство По уполномочию
Германии Правительства СССР
И. Риббентроп В. Молотов

Поработало "Министерство правды".

Вот именно.

Преступный характер советского режима сейчас ясен почти всем. Но как быть с личной ответственностью преступников за их преступления? Что надо сделать, чтобы не только заклеить режим как целое, но и вывести на чистую воду конкретных виновников?

Я думаю, прежде всего нужно помнить о тех людях, которые там сейчас продолжают сопротивляться режиму. Дать им знать, что они не забыты. Когда мы сами сидели в немецких лагерях, мы хорошо знали: миру до нас нет дела, мы забыты, для нас все кончено. Многие из-за этого покончили с собой. Ибо не было ни одного государства, ни одного правительства, которое вступилось бы за нас, никто не выходил на демонстрации, никто нами не интересовался.

Но теперь те, кто находится в тюрьмах, должны знать, что они не забыты. Пусть новые, только что арестованные, приносят с собой вести с воли, пусть они скажут узникам: вы не забыты. Мы ведь когда-то забрасывали новичков вопросами: ну, что там на воле, что говорят о нас по радио? И они отвечали: ничего! О, это молчание мира...

Но ведь смысл того, что вы сейчас делаете, — не только помочь жертвам, но и наказать палачей.

Знаете, у западных союзников еще с 1942—1943 годов находились списки нацистских преступников, и одной из крупнейших ошибок было то, что они не предали гласности

эти списки во время войны. Союзники получали вести от участников Сопротивления через подпольные радиопередатчики. Они знали, какие преступления совершены и кто несет за них персональную ответственность. С 1943 г. в Лондоне существовало специальное бюро. Туда приезжали эмиссары, например, из Польши, которые сообщали об эсэсовцах, карателях и т. п. Однако полученные сведения предполагалось использовать только после войны. Подумайте, какая это была бы поддержка для всех нас, если бы они уже во время войны по радио систематически оглашали такие списки. Тогда об этом знали бы и те, кто совершал преступления. И кто знает, может быть, это заставило бы их призадуматься! Уже то, что их имена названы во всеуслышание, послужило бы им предостережением и спасло бы немало человеческих жизней.

Не думаете ли Вы, что нечто подобное должно быть сделано и в отношении советских преступников?

Да. Имена совершивших преступления должны быть названы. Нельзя все валить на одного Сталина. Я хочу рассказать Вам об одном случае, связанном с делом Эйхмана. Я приехал в Израиль на суд над Эйхманом. Туда же приехал юрист из Восточной Германии — профессор Кауль. Он устроил пресс-конференцию и обвинил израильское правительство в секретном сговоре с немцами: обвинить-де только одного Эйхмана и не трогать остальных. Я присутствовал на этой пресс-конференции и спросил: г-н Кауль, сейчас 1961 год, а еще в пятьдесят шестом на XX съезде КПСС Сталин был обвинен в многочисленных преступлениях. Скажите, пожалуйста, сколько советских следователей, сколько судей, которые приговаривали невинных к смерти, даже не взглянув на них, сколько их предстало перед судом, сколько было осуждено? А если вы этого сказать не можете, вы, коммунист, то значит, вы не имеете права обвинять нацистов. У нас есть это право, а у вас — нет. Поднялся шум, стали кричать, что это провокация, что они-де расстреляли Абакумова, потом Берию. Я ответил им: этого недостаточно. В Нюрнберге перед трибуналом предстало целое правительство, но даже этот процесс мы не считаем достаточным. А как быть с сотнями и тысячами маленьких абакумовых, маленьких берия? С ними ведь, кажется, ничего плохого не случилось!

Когда я был в лагере, в 1973 году, на все советские политические лагеря было всего-навсего два "бериевца" — Броверман из Ленинграда и Пачулия из Грузии.

Мне рассказывали, что в шестьдесят восьмом году, когда была оккупирована Чехословакия, в страну прибыли те самые "советники", которые в сорок восьмом помогли выносить смертные приговоры. Их жертвы только что были реабилитированы во время Пражской весны. Нельзя быть спокойным, пока повторяются такие вещи. Мы — поколение переживших величайшую трагедию в истории человечества, наш долг — не забывать об этом. Мы свидетели этой трагедии, то, что останется после нас, будет принадлежать истории. Это касается и нацистской Германии, и Советского Союза.

Но что мы можем сейчас сделать? Можно — в какой-то мере — собрать сведения о нынешних преступниках. А дальше? Обнародовать эту информацию и все?

Да. Они должны понимать, что мир о них знает. На свете есть или был не один лишь Черненко, не один Андропов, это фигуры, так сказать, символические. Я не был в советском лагере, но из книг Солженицына, из многих других публикаций известны имена

огромного числа рядовых преступников. На каждом лагпункте был свой начальник, который в буквальном смысле распоряжался жизнью заключенных. Он мог освободить человека, когда кончался его срок, а мог сделать так, что заключенному добавляли еще несколько лет.

Что Вы думаете о нацистских преступниках, оставшихся на территории СССР? В свое время было много процессов над ними и советскими гражданами, которые с ними сотрудничали.

Я не понимаю одного: почему большинство этих процессов не были открытыми? Чаще всего мы лишь задним числом узнаем, что такой-то военный трибунал приговорил таких-то к расстрелу и что приговор приведен в исполнение. Иногда даже и имена не сообщаются.

Я должен заметить, что устраивались и открытые суды, — например, над теми, кого власти называли "украинскими националистами", сотрудничавшими с Гитлером.

Да, в Прибалтике тоже были такие процессы. Несколько лет назад я даже получил приглашение на такой суд. Но не поехал. После освобождения из последнего нацистского лагеря я дал себе слово, что никогда добровольно не поеду в страну, лишенную свободы. Считайте, что у меня такая аллергия.

Как Вы думаете, есть ли сейчас в СССР нацистские преступники, — именно нацистские, а не советские, — которые не наказаны и которых сознательно покрывает государство?

После войны большое число нацистов содержалось в специальных лагерях, где из них выкачивали информацию. Потом власти провели много процессов. Но вот что важно: они располагают огромным количеством немецких документов. Им известно чрезвычайно много, но обвинения предъявляются лишь по небольшим делам. Они не помогают судебным органам в преследовании нацистов в западных странах, в частности, в Западной Германии. Мне приходилось много сотрудничать с министерством юстиции США в связи с расследованиями по делу ряда русских, украинцев, латышей и т. д., которые были пособниками нацистов на оккупированных территориях. Американский обвинитель ездил в Советский Союз и просил о содействии. Он говорил: мы возбудим дело против людей, совершивших преступления в вашей собственной стране. Вы должны быть заинтересованы в том, чтобы помочь нам, ибо мы хотим лишить этих людей гражданства и выслать из страны. У вас есть свидетели. Мы знаем их имена и адреса. Позвольте им приехать и дать показания, расходы мы берем на себя. Ни один свидетель не получил разрешения поехать в США и выступить на суде.

И я скажу Вам — почему! Советский Союз нуждается в нацистских преступниках, свободно живущих в западном мире. Они нужны советской пропаганде, чтобы сказать: вот видите! В советской прессе печатаются красочные сообщения о преступниках, которые проживают в Канаде, США и т. п. Иногда американцы впервые узнают о них из советских газет. На основании газетной статьи никого нельзя ни арестовать, ни привлечь к суду. И когда вы запрашиваете у них дополнительную информацию, вы не получаете никакого ответа.

Я приведу пример. Восточная Германия не ответила на 600 или 700 запросов Западной Германии в связи с делами нацистских преступников, и притом достаточно крупных.

Единственная страна восточного блока, которая сообщает нужные данные, присылает документы, — это Польша. Но и это делается только в последнее время.

Как обстоит дело с нацистскими преступниками в самих этих странах: в ГДР, в Советском Союзе?

В ГДР утверждают, что они осудили 14 тысяч человек. Но вот в 1968 г., после оккупации Чехословакии, я опубликовал материалы о 40 бывших нацистах, которые заняли руководящие посты в восточногерманской прессе. Когда-то эти люди выступали со своими произведениями в "Stürmer", "Völkischer Beobachter" и многих других газетах рейха. Я не только привел названия статей и фамилии авторов, я указал также их эс-совские и партийные номера. Естественно, разразился скандал. Западные журналисты стали допытываться у секретаря ЦК СЕПГ г-на Нордена и у других восточногерманских деятелей, что же неверно в отчете Визенталя. Они не решались сказать, что все верно, но и не могли обвинить меня во лжи, ибо все было документировано. Они заявили: эти люди изменились, перевоспитались... Позже я представил аналогичный материал о 100 нацистских профессорах в Восточной Германии.

Тамошняя пропаганда твердит, что нацизм — это западногерманская проблема. Но я убежден, что это проблема также и для Восточной Германии, и для Австрии. Из 10,5 миллионов членов национал-социалистической партии сейчас, через 40 лет после войны, живы более трех миллионов человек. Где же они находятся? Примерно 2 млн. 200 тыс. — в Западной Германии, 600 000 в Восточной, 450 000 в Австрии и около 100 000 в остальном мире. Многие из этих нацистов стали теперь образцовыми коммунистами.

Средний возраст бывших нацистов сейчас 63—64 года. Когда я просматриваю списки офицеров СС, я вижу, что большинство из них — люди, родившиеся в 1917—1920 гг.; во времена Гитлера это было молодое поколение. Все диктатуры апеллируют прежде всего к умам и душам молодежи. К сожалению, демократические партии мира не имеют специальных программ для молодежи.

Я хочу вернуться к Советскому Союзу. Думаете ли Вы, что там сделано все необходимое, чтобы наказать нацистских преступников, оставшихся на территории страны?

В первые послевоенные годы для всех союзников проблемой номер один была денацификация. Но с началом холодной войны для западных стран на первое место выдвинулась проблема защиты Европы. Сходное действие холодная война оказала и на Советский Союз. Западная Германия заявила: мы не можем крепить оборону и одновременно держать наших опытейших генералов в тюрьме. То же произошло и в Восточной Германии. Когда говорится о многих тысячах осужденных, это относится лишь к периоду до начала холодной войны. В последующие годы процессы проводились лишь время от времени, чтобы дать понять миру, что проблема еще жива. При этом каждый раз, когда оказывается, что в ФРГ кого-то оправдали, можете быть уверены: в ближайшие четыре недели появится сообщение о процессе в Советском Союзе с двумя—тремя обвиняемыми, которых осудят и казнят. Все это выглядит даже комично: как будто у них там есть склад, откуда они по мере надобности извлекают людей и выводят их на суд.

Приходилось ли Вам сотрудничать с советскими инстанциями в сборе информации о нацистских преступниках?

До 1967 г. мы переписывались с одним следователем из Риги, который посылал нам документы. На обратной стороне каждого документа стояла печать, удостоверяющая, что бумага выслана официально, — впрочем, в Советском Союзе ничего без разрешения не делается. Но в 1967 году, после Шестидневной войны, Советский Союз порвал все отношения с Израилем. И хотя я к этому никакого отношения не имею, с нашим сотрудничеством было покончено. Тем временем и человек из Риги умер.

Я выпустил много книг, — конечно, не по-русски. Ни одна моя книга не является анти-советской, все они — о моей работе по розыску нацистских преступников. Но все мои сочинения в СССР оказались в черном списке. Один советский писатель просил меня прислать ему мою книгу. Я послал — но она не дошла. Книга была послана заказной бандеролью; я запросил почту. Мне ответили, что книга конфискована.

Чем Вы объясняете ненависть, которую питает к Вам советская печать? Можно ли связать ее с вашей деятельностью в защиту прав человека в СССР?

Да, дело, по-моему, только в этом. То же происходит и в Польше. В 1968 г. там опубликовали книгу "В сетях Симона Визенталя". В ней говорилось, что я владелец журнала "Шпигель" и газеты "Ле Монд", что Жан-Поль Сартр — мой агент и т. д. Приводился длинный перечень других агентов — людей, которых я в глаза не видел. Книгу издало польское министерство обороны, автор Вацлав Штефаньский, но это не его настоящее имя. На самом деле его зовут Игнаций Красивский, он происходит из старого дворянского рода. Однажды он ездил в Италию, был по возвращении пойман с контрабандой, и ему сказали: или будешь работать с нами, или сядешь в тюрьму. Вот он и стал работать. Чего только нет в этой книге! Разумеется, черным по белому написано, что я служил нацистам и благодаря этому выжил. Как-то раз на дипломатическом приеме я встретил польского посла и сказал ему, что если бы на каждой странице автор солгал только один раз, это было бы для него большим достижением.

Кампания против меня началась тогда же — в 1968 году, после того как я предал гласности материалы о нацистах в ГДР. Делается все это на очень низком уровне. Вот, например, была статья в советской газете "Социалистическая индустрия". Ее немедленно перепечатали в Чехословакии, оттуда она перекочевала в ГДР, а затем в польские газеты. Из Польши текст, якобы написанный там, обратным ходом пошел в советскую газету, на этот раз в другую; через два года добавляется несколько новых деталей, снова публикуется, и все опять сначала...

Может быть, ненависть к Вам отчасти объясняется антисемитизмом, который негласно поддерживает государство?

Без сомнения. Вас, наверное, удивит история, которую я Вам расскажу. Два года назад ко мне явился сотрудник консульского отдела китайского посольства. Он спрашивал меня об антисемитизме в Советском Союзе, просил показать кое-какие публикации... Я сказал ему: но ведь в Китае нет евреев, почему это Вас интересует? Он ответил, что они занимаются национальными проблемами Советского Союза, среди прочего их заинтересовал и вопрос об антисемитизме.

Евреев в Китае нет, но Китай сам проводил политику геноцида по отношению к некоторым национальным меньшинствам, — по крайней мере, так было в Тибете. Морально ли какое бы то ни было сотрудничество с людьми, которые сами замешаны во многих преступлениях?

Это вопрос не этики, а политики. Их интересует положение в СССР и, в частности, государственный антисемитизм как часть если не официальной, то практически осуществляемой доктрины. Я уверен, что китайцы обращались и к украинским националистам за рубежом, спрашивали их о положении на Украине; возможно, беседовали и с представителями других национальностей. В наше время информация — это оружие. Должен сказать, что этот визит меня удивил. Я спросил: почему же Вы не пошли в израильское посольство? Он сослался на то, что у Китая нет дипломатических отношений с Израилем, и ему было приказано обратиться ко мне.

Простите за острый вопрос, рассматривайте его как вопрос адвоката дьявола. Представим себе, что война закончилась победой нацистской Германии и начался розыск советских преступников против человечности. Морально ли было бы помогать нацистам в таком расследовании? Можно ли сотрудничать с одними преступниками против других?

Все, что я делаю, делается исключительно законным путем. Иногда одни нацисты дают мне информацию о других, предлагают даже купить ее. Признаться, самое большое удовлетворение мне как еврею и как человеку, побывавшему в гитлеровских лагерях, доставляют такие случаи, когда один нацист, поссорившись с другим, угрожает: "Вот я пойду и расскажу о тебе Симону Визенталю!" И они действительно приходят и становятся моими лучшими информаторами. Но если вы используете одних преступников против других, за это приходится платить. Не деньгами, конечно, но — отпущением грехов... Я никогда не делаю недостойных вещей. Знаете, после войны ко мне пришли еврей-партизаны, которые сражались в лесах Белоруссии, Югославии, Польши. Они сказали: "Симон, дай нам имена, дай адреса, и мы выполним свой долг. В лесу мы судов не устраивали. Для нас достаточно, если ты скажешь — этот человек виновен!" Я отказался называть им имена. Я спросил у них: сколько человек вы сможете убить? Пять, десять? Может быть, сто? А затем мир вас остановит. И будет подбит итог: 100 против 6 миллионов. Люди скажут: нацисты убивали евреев, а после войны евреи убивают нацистов, и вопрос будет закрыт. Но пока живо поколение жертв, пока живо поколение, породившее преступников, вопрос этот должен оставаться открытым. Он должен быть вечным предостережением для будущих убийц, для тех, которые, может быть, уже родились сегодня. Сейчас мы разыскиваем тех, кто совершил преступления сорок, сорок два, сорок четыре года назад. Этим людям теперь под 80. Когда вы выводите на суд восьмидесятилетнего старика, симпатии публики всегда на его стороне. И все-таки судить его — наша обязанность. Нельзя допустить, чтобы мир забыл о случившемся.

В конце концов, каждый суд имеет только символическое значение. Ведь невозможно найти меру наказания для человека, который убил 5000 человек, или даже для преступника помельче, погубившего "всего лишь" 500. Но чрезвычайно важно, чтобы будущие потенциальные преступники через 10, 50, 100 лет знали, что их ожидает. Все эти негодяи, которые прячутся сейчас в Южной Америке, никакой реальной опасности не представляют, не имеют никакого влияния, они вообще — никто. Но нельзя дать им умереть спокойно. Нельзя! Потому что мы должны предупредить убийц будущего. Всех преступников против человечности во всем мире.

Такие книги, как "Архипелаг ГУЛаг" Солженицына, в самом Советском Союзе произвели, может быть, не очень сильное впечатление, ибо люди там в общем и так все знали. Пусть не во всех подробностях, но в целом это не было неожиданностью. Зато в западных странах действие этой книги было потрясающим.

Очень интересно то, что Вы рассказали о пришедших к Вам еврейских партизанах. Но если представить себе, что им в самом деле удалось бы казнить без суда не 60, а 6 000 000 преступников, — как по-Вашему, было бы это справедливым возмездием? Верите ли Вы вообще в справедливость возмездия без суда?

Нет. Мы всегда должны помнить о моральной стороне дела. В старинных судебных палатах вы можете увидеть весы — эмблему правосудия. Я сказал как-то раз одному судье: вы знаете, в чем смысл этого символа? Наказание должно быть соразмерно преступлению! На одну чашу весов кладем преступление, на другую — приговор. А вы — вы можете всегда наказывать соразмерно? Он промолчал... Знаете, на одном процессе подсудимый получил по полминуты заключения за каждую жертву! Так что приходится иметь в виду не только юридическую сторону. Нужно учитывать и нравственную, и историческую, и воспитательную сторону. Это касается и тех, кто совершил преступления против человечности в Советском Союзе. Представим себе, что Сталин жив и предстал перед судом. Как наказать его за одни только преступления на Беломорканале, где погибло полмиллиона? Ведь у него самого только одна жизнь, как можно говорить о соразмерном наказании? Можно покарать убийцу, погубившего одного или двух человек. Но то, что мы сейчас делаем, — это против самого духа закона, ибо каждый человек, лишенный жизни, имеет право на судебное разбирательство в связи с его смертью. Можете ли вы провести 40 тысяч процессов, если подсудимый обвиняется в убийстве 40 тысяч человек? Бедой всех этих наших процессов является то, что преступления, о которых идет речь, столь огромны, что для них нужно было бы изобрести поистине космическое право. Почти во всех странах действуют уголовные кодексы более чем столетней давности. Загляните в анналы криминалистики. Кто совершал массовые убийства сто лет назад? Больные люди. Какой-нибудь маньяк в состоянии амока мог убить десяток прохожих на улице. Но в нашем столетии в нацистской Германии и сталинском Советском Союзе мы встретились с убийцами, которые сидят в кабинете за письменным столом и по телефону или по телеграфу убивают 20 тысяч человек, находящихся от них на расстоянии сотен и тысяч километров.

Да, в XX веке мы впервые столкнулись с ситуацией, когда массовые убийства стали "нормальным" явлением. При этом в стране, где это происходит, все граждане становятся в той или иной мере участниками преступления, осуществляемого государством. Как же тогда отличить виновных от невиновных? Ведь даже маленький чиновник оказывается так или иначе причастным к злодеянию.

После освобождения из лагеря я около года работал с американцами. Это было американское ведомство по расследованию военных преступлений в Линце, в Австрии. Нас было двадцать душ — людей, которых преследовали нацисты. Я был среди них единственным евреем. Было также несколько американских граждан. Однажды к нам приехал инспектор и начал нас учить, как мы должны искать виновных. Мы сидели вокруг стола, и каждый по очереди делился своим опытом. Обсуждали, как выявлять тех, кто только сотрудничал с нацистами, и как искать отдававших приказы. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что, по моему мнению, мы поступаем неправильно. Сейчас, через год после войны, надо искать не виноватых, а невинных. Их не так уж много. Гораздо больше виновных. Одни прямо совершали преступления, другие одобряли, третьи хранили молчание... Террористический режим, подобный нацистскому, всех вовлекает в свою машину — тысячи людей, десятки и сотни тысяч. Все находится под постоянным давлением и контролем. В доме с двумя сотнями квартирантов всегда было два или

три осведомителя гестапо, и люди знали, что наблюдение ведется за каждым. То же самое происходило и происходит в Советском Союзе. И, разумеется, всякая оппозиция подавляется — совершенно так же, как наци устранили всех своих потенциальных врагов, тех, кто даже еще ничем себя не проявил, но кому они просто не доверяли.

Что ж, выходит, что виноваты все? Но ведь всех наказать невозможно, — что же делать?

Я не верю в коллективную вину. Я против этого понятия по двум причинам. Во-первых, если говорить о евреях, то они сами на протяжении столетий были жертвами огульного навета. Весь народ считался ответственным за действия, совершенные единицами. Кроме того, я чту Библию, а в Библии есть место, прямо противоречащее идее коллективной вины: это история Содомы и Гоморры. Но я верю в коллективный стыд, в коллективный стыд немецкого народа, ибо от его имени совершались все эти преступления. Немцам всегда говорили, что все это делается ради Германии. В Советском Союзе преступления совершались во имя режима, а не во имя народа. В этом разница. Иногда говорилось: во имя социалистического общества, — но не во имя народа, ведь в Советском Союзе множество разных национальностей...

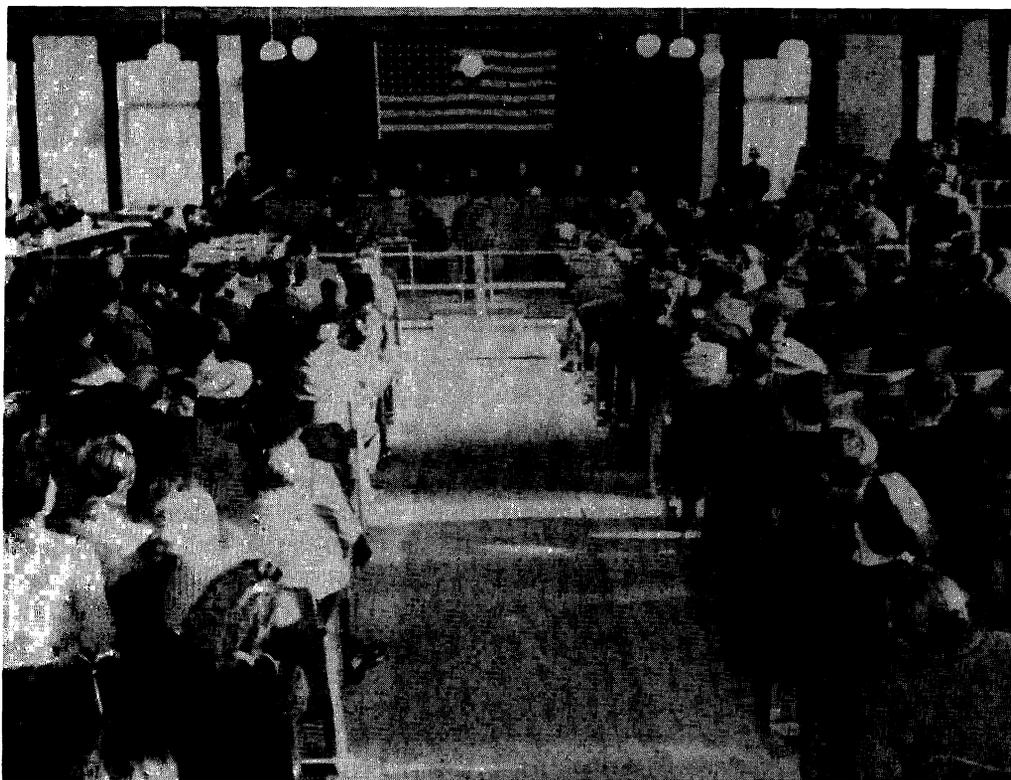
Однако специально изобретено выражение "советский народ", и во имя этого народа все злодеяния и совершаются.

Да, но это искусственное понятие.

Я все же думаю, что они неслучайно использовали выражение "враг народа". Не "враг коммунизма", а именно "враг народа".

Помню, как же. Но те люди, которые называли других врагами народа, позднее сами оказывались врагами. Это было обычным делом. Вы спрашиваете — что делать, каково же решение? Нет решения. Что делать, чтобы не допустить повторения истории для наших детей и внуков? Это не в наших силах. То, что делаю я, — лишь попытка в какой-то степени создать алиби для моего поколения, искупить вину выживших. Я был архитектором во Львове. Там было 150 тысяч евреев — половина населения города. Осталось пятьсот человек. Вы понимаете, что это значит — выжить в числе 500 из 150 тысяч? Это вовсе не счастье. Спрашиваешь себя: почему я, а не другой?.. Другой был лучше меня, умнее меня, мог дать обществу больше, чем я. И тогда появляется желание заменить тех, кому не довелось выжить. Может быть, это лишь мое личное ощущение. Я встречал выживших, которые после войны старались все забыть. Они уезжали — в Израиль, в США, занимались своими делами, наживали деньги, иногда даже становились миллионерами. Потом уходили на покой. Но если они были верующими, они должны были чувствовать себя ужасно, ведь они верили в то, что на том свете они встретятся с погибшими. А те спросят: что ты сделал, чтобы искупить нашу смерть? С этой точки зрения, я — не только большая совесть нацистов, но и большая совесть евреев. То, что я делаю, — это долг и тысяч других евреев. Но возможно, это лишь мой личный ответ. Он не может быть ответом целого народа, потерявшего 6 миллионов человек.

Практический вопрос: если все в той или иной степени причастны к преступлениям, то кого Вы выбираете в качестве конкретного объекта вашего преследования? Ясно, что тот, кто убил 6 миллионов евреев, — преступник, но...

Суд над палачами концлагеря Дахау

С самого начала я действовал не только против тех, кто убивал евреев. Для меня нет разницы между теми, кто убивал евреев, цыган или русских. Среди тех, кого мне удалось помочь арестовать, были палачи цыган, и убийцы итальянских заключенных, и те, кто зверствовал в русских деревнях. Я все время говорю не только о шести миллионах моих соплеменников, я говорю обо всех погибших в нацистских лагерях.

Мой вопрос был не о "национальном предпочтении". Речь идет о размерах преступления. Будете ли Вы преследовать того, кто убил всего лишь одного человека, или даже не убил, а помог убить? Где разделительная линия, за которой находится тот, кого необходимо преследовать?

Это очень серьезный вопрос. Его уже давно обсуждают историки и юристы. Есть разные группы преступников. Первая группа — это те, кто отдавал приказы, вторая — те, кто их исполнял. Но больше всех виноваты те, кто совершал преступления без приказов. Многих людей удерживает от преступления лишь боязнь наказания. И когда такого человека освобождают от ответственности, юридической или моральной, как это сделали гитлеровцы, он начинает действовать без приказов, повинуюсь лишь собственным садистским импульсам. Вот вам пример. Сейчас я надеюсь со дня на день арестовать одного человека. Он окончил в свое время медицинский факультет и должен был отправиться в Норвегию в качестве военврача в войсках СС. Чтобы он приобрел некоторый опыт, его направили на практику в концлагерь Маутхаузен. И он начал приобретать опыт: "человеческий материал" значил для него не более, чем кролики или крысы. Никто не приказывал

вал ему: делай то-то и то-то. Он брал здоровых людей, без наркоза отсекал им конечности, вскрывал животы и оставлял умирать на операционном столе. Повторяю — без всяких приказов.

Кстати, немецкий военный устав при нацистах не был изменен. Там в § 47 говорится, между прочим, что если приказ носит преступный характер, он не должен быть выполнен. И были немецкие офицеры, даже среди чинов полиции, которые, получив такой приказ, заявляли: на основании § 47 я отказываюсь повиноваться. И ничего с ними не случилось! Им говорили: вы дураки, фюрер любит сильных людей, после войны мы с вами посчитаемся и т. п. Но делать с ними ничего не делали. Так вот, на всех процессах, а их были тысячи, адвокаты пытались найти хотя бы один случай, когда подзащитный отказался выполнить приказ. И не находили ни одного.

Вы видели много преступников. Встречали ли Вы людей, у которых возник бы "комплекс Клода Изерли" — пилота, бомбившего Хиросиму, который сошел с ума, когда осознал ужас им содеянного?

Я считаю, что неправильно называть преступления, о которых мы говорим, военными преступлениями. Преступления нацистов начались за шесть лет до войны. Организация концлагерей, "хрустальная ночь", истребление невинных — все это было еще до войны. Да и во время войны миллионы людей были уничтожены в лагерях, находившихся за тысячи километров от линии фронта. Эти преступления не имеют ничего общего с войной. Война сделала их возможными, но она их не извиняет. Называя эти преступления военными, мы как бы делаем преступников солдатами. Но солдаты рискуют собственной жизнью, а эти люди не рисковали решительно ничем. Это была их "внутренняя война", не зря 95% преступников остались после войны живыми и невредимыми. Вот почему я всегда говорю не о военных, а о нацистских преступлениях.

Я понимаю, конечно, что существуют и чисто военные преступления. Хиросима — это военное преступление. Бомбардировки Ковентри или Дрездена — военные преступления. С моей точки зрения, всякая война вообще преступна. На Земле есть место и пища для всех. Все проблемы могут быть решены мирно, по доброй воле. Геноцид никаких проблем не решает, найти ему оправдание невозможно.

В свое время я основал Институт по изучению геноцида при колледже уголовного права Джона Джея в университете города Нью-Йорка. Десять дней назад у нас было годовичное собрание, на котором было сделано два доклада. Один докладчик говорил о геноциде в Кампучии — мир о нем уже знает. Другой был индеец, сидевший в тюрьме в Никарагуа. Он рассказал о положении ста тысяч индейцев в Восточном Никарагуа, о том как нынешний режим старается их подчинить своему контролю. Индейцы ни от кого никогда не зависели. Каким образом правительство может лишить их независимости? Только контролируя источники их питания. Но индейцы жили охотой и рыболовством и не нуждались в помощи государства. Что сделал сандинистский режим? Половина индейских деревень была разрушена, жителей переселили в лагерь. Теперь они полностью в руках правительства.

Рассказ этот для многих был полной неожиданностью. Я послал отчет о докладе Вилли Брандту, председателю Социалистического интернационала, так как Интернационал выступает в защиту сандинистского режима в Никарагуа. Я просил Брандта принять делегацию из трех индейцев и выслушать их. Не знаю, согласится ли он.

После зверств, совершенных при нацизме, — сколько еще людей было убито во время

ALLIANCE GOVERNMENT COURT
(Militärgericht)
CHARGE SHEET
(Anklageschrift)

Dachau, Germany
(Dachau, Deutschland)
2 November 1945
(2. November, 1945)

NAME OF THE ACCUSED:
(Name Der Angeklagten)

Martin Gottfried Weiss	Michael Redwitz
Friedrich Wilhelm Ruppert	Wilhelm Weiler
Josef Daniels	Adolf Heinrich Buttrup
Franz Xaver Trenkle	Wilhelm Tempel
Augustin Valentin Wiedersmayr	Hugo Alfred Erwin Lausterer
Josef Meuss	Fritz A. K. Heiser
Leonhard Alois Reichberger	Alfred Kruyer
Wilhelm Wagner	Sylvester Fillebossek
Joachim Kisch	Karlmann Schmitt
Dr. Fritz Hintermeier	Albin Grottelch
Dr. Wilhelm Witteljar	Joachim Viktor Kirsch
Joachim Daniels Reichelndorfer	Hans Ameller
Dr. Hans Kurt Eisele	Hilf! Erwin Moll
Otto Forstschner	Walter Adolf Langstiel
Dr. Klaus Karl Schilling	Joachim Sobosch
Christof Ludwig Knoll	Arno Koppman
Dr. Fridolin Karl Fuhr	Hans Bayer
Franz Roettger	Fritz Degelow
Peter Bets	Otto Moll
Anton Bedner	Otto Schulz
Blason Kiser	Friedrich Vetsch

are hereby charged with the following offenses:
(sind hiermit wegen der folgenden strafbaren Handlungen angeklagt)

CHARGE: violation of the laws and usages of War.

Participants in that Martin Gottfried Weiss, Friedrich Wilhelm Ruppert, Josef Daniels, Franz Xaver Trenkle, Augustin Valentin Wiedersmayr, Josef Meuss, Leonhard Alois Reichberger, Wilhelm Wagner, Joachim Kisch, Dr. Fritz Hintermeier, Dr. Wilhelm Witteljar, Joachim Daniels Reichelndorfer, Otto Forstschner, Dr. Hans Kurt Eisele, Dr. Klaus Karl Schilling, Christof Ludwig Knoll, Dr. Fridolin Karl Fuhr, Franz Roettger, Peter Bets, Anton Bedner, Blason Kiser, Erwin Lausterer, Fritz A. K. Heiser, Albin Grottelch, Joachim Viktor Kirsch, Hans Ameller, Hilf! Erwin Moll, Walter Adolf Langstiel, Joachim Sobosch, Arno Koppman, Fritz Degelow, Otto Moll, Otto Schulz and Friedrich Vetsch, in pursuance of a common design to commit the said war crimes, acting in violation of the laws and usages of War, and as members of the staff of the Buchenwald concentration camp and camps subsidiary thereto, did, at, or in the vicinity of Buchenwald and Lichtenberg, Germany, between about 1 January 1944 and about 20 April 1945, willfully, deliberately and wrongfully encourage, aid, abet and participate in the subjection of civilian prisoners of war to the same as well as the use of German Wehrmacht to organize and participate in the said killing, beatings, tortures, starvation, abuse and indignities, the exact names and numbers of such civilian prisoners being unknown but aggregating many thousands who were then held in the custody of the German Reich in exercise of belligerent control.

Суд над палачами концлагеря Дахау.

Первая страница обвинительного заключения. Обвиняемые в зале суда.

геноцида в Биафре, сколько погибло во Вьетнаме, в Уганде, во многих других углах мира. Человечество не извлекло уроков из краха нацистского режима, знание о преступлениях ничему не научило наш мир.

И еще одно: на многих процессах обвиняемые говорили, что они делали то же, что делалось и в Советском Союзе. Почему, говорили они, вы преследуете нас и не преследуете коммунистов, которые тоже умертвили множество людей? Вместо этого вы сидите рядом с ними в судейских креслах в Нюрнберге! Многие бывшие нацисты считали это оправданием для себя...

Итак, никто из преступников, с которыми Вы имели дело, не раскаялся, не осознал своей вины?

Я отправил на скамью подсудимых в разных странах мира более 1150 человек. Только три человека сказали, что они сожалеют о содеянном. И знаете, что с ними произошло? Они получили самые суровые приговоры. В остальных случаях подсудимые попросту отрицали все, что им вменялось в вину; говорили, например, что свидетель видел кого-то другого, даже называли имена. В результате у присяжных не было полной уверенности в том, что подсудимый виновен. Другое дело, когда человек сам рассказывает. Тут уж нет никаких сомнений, что преступление совершил именно он. В некоторых деревнях остался только один свидетель. И что же? — мы не могли ничего доказать. Оставалось только публиковать наши сведения в газетах, чтобы хоть испортить настроение преступнику.

Вы упомянули о сомнениях в вине. Каковы главные источники вашей информации? Как Вы можете судить об их надежности? Приходилось ли Вам сталкиваться с намеренной дезинформацией?

Ежедневно ко мне приходит от 30 до 50 писем, многие содержат информацию о преступлениях. Много писем, в частности, из Южной Америки. У меня составлен огромный список подозреваемых — 60 тысяч имен. Знаете, когда имеешь такой большой опыт, то чувствуешь кончиками пальцев, пишет человек правду или ложь. Спору нет, бывают и ошибки, но в большинстве случаев нетрудно почувствовать: вот это возможно, а вот это невозможно. В ходе расследования тысячи ста случаев, уже рассмотренных судом, и шести тысяч случаев, по которым следствие еще не закончено, мне приходилось сталкиваться с огромным множеством всяких людей. Лишь четыре человека возбудили против меня встречное дело о клевете, и все четверо проиграли, — последний из них был крупным политическим деятелем в Австрии. С моей точки зрения, осудить невиновного — само по себе тяжелое преступление. Прежде чем обвинять кого-либо, мы многократно проверяем дело, опрашиваем свидетелей, сопоставляем их показания. Вот отчего во многих случаях расследование занимает так много времени.

Вы уже говорили о помощи, которую вам оказывают (точнее, не оказывают) Советский Союз и страны Восточной Европы. А как обстоит дело с Соединенными Штатами, ФРГ и другими демократическими странами?

Самое лучшее сотрудничество у меня налажено с Западной Германией. Прекрасное сотрудничество. Это в немецком национальном характере: получив распоряжение, они выполняют его безукоризненно. Совершенно иное положение с Австрией. Эта страна заявляет, что она была первой жертвой нацизма. Да, как страна, но не как народ. Многие спрашивают меня, почему мое бюро находится в Вене, ведь проще и легче было бы открыть его в Западной Германии. Дело в том, что население Австрии составляет всего 8,5% от населения ФРГ, зато австрийские нацисты ответственны за 50% всех нацистских преступлений. Четыре пятых сотрудников Эйхмана составляли австрийцы. Три четверти комендантов лагерей уничтожения были уроженцами Австрии. После аншлюсса — присоединения Австрии к рейху большое количество офицеров австрийской полиции, а также гражданских чиновников было переведено в Германию. А когда была занята Польша, их направили туда. 2000 сотрудников полиции — австрийцев было командировано для работы в Польшу. Затем было принято "окончательное решение" еврейского вопроса. Евреев со всей Европы стали свозить в Польшу, в лагеря уничтожения. Большинство должностей в этих лагерях заняли опять-таки австрийцы. И вот — именно в Австрии моя деятельность встречает наиболее сильное сопротивление. Канцлер Крайский был в ярости, когда я обнаружил, что четыре члена его правительства — бывшие национал-социалисты. Еще хуже было, когда накануне выборов я установил, что вице-канцлер в планируемом коалиционном правительстве — человек из карательного отряда и в течение 20 месяцев занимался в России только тем, что убивал, — не на фронте, а в тылу. При Крайском в Австрийской республике состоялось лишь восемь судебных процессов нацистских преступников, и на шести из них подсудимые были оправданы.

Очень хорошее сотрудничество у меня с Голландией, с Норвегией, с Данией. Что касается США, то сотрудничество с ними просто прекрасное, но таким оно стало только после того, как при Картере было создано Бюро особых расследований. Прежде этими вопросами занималась служба иммиграции и натурализации. В Нью-Йорке сидели три работни-

ка этой службы, которые ведали всей территорией страны. Что они могли сделать? Теперь положение изменилось. Вы видели в нашем бюро молодую женщину из исторического отдела Бюро особых расследований — она изучает здесь наши материалы. Ежедневно мы общаемся с сотрудниками Бюро в США по телефону. Сейчас мы работаем над 220 случаями, и, я полагаю, число их может быть доведено до 3000. Это трудная работа. Наши расследования мало похожи на деятельность какой-нибудь Мата Хари. Они скорее напоминают выкладывание мозаики из мелких камешков, которые приходится подбирать по одному. ●

ОСТАВШИЙСЯ В ЖИВЫХ

Господи, не прощай. Они знали, что творили.

Симон Визенталь

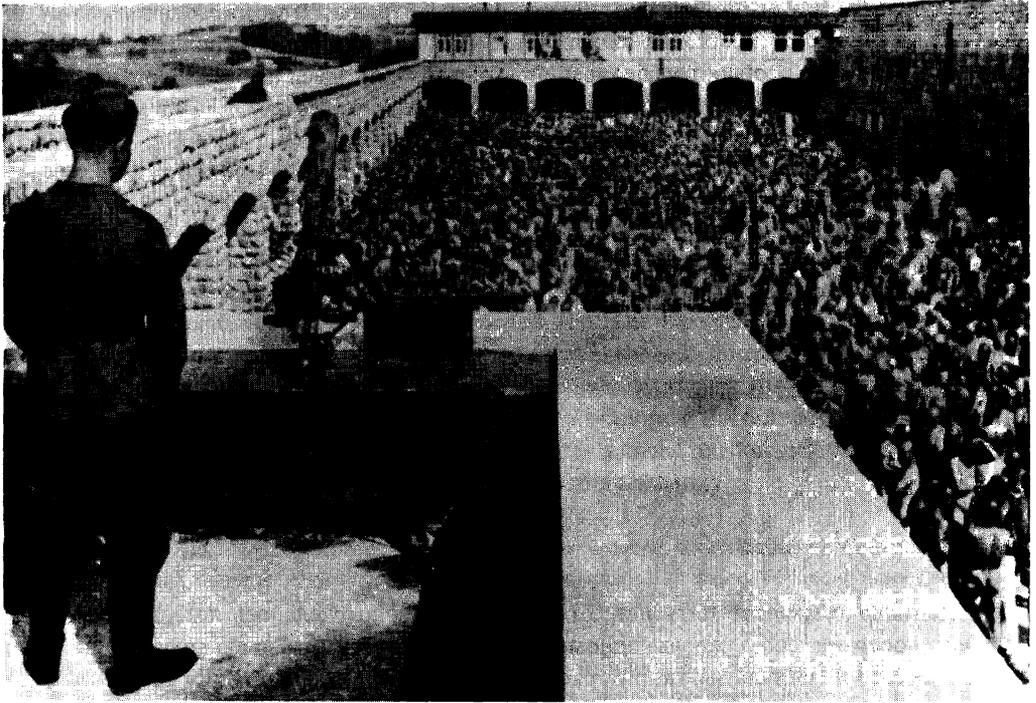
Визенталью семьдесят пять лет. Его имя уже давно сделалось легендарным. Этот человек посвятил свою жизнь одному делу — розыску скрывающихся нацистских преступников. Визенталь не творит расправу; он ищет следы, находит злодеев и передает их в руки правосудия.

Симон Визенталь родился 31 декабря 1908 года в Галиции, в городке Бучач. Теперь это Львовская область, так что в некотором смысле знаменитый охотник за нацистами — наш соотечественник. Дед записал Симона в книгу общины первого января. Позднее он объяснил внуку: "Симон, зачем тебе быть в старом году последним? Подумай: не лучше ли быть в новом году первым?"

Бучач был типичным галицийским местечком. Три четверти его жителей (около 9 тысяч человек) составляли евреи, одну четверть — поляки и украинцы. Визентали происходили из той же семьи, что и Зигмунд Фрейд. Отец Визенталья Ашер был купцом. Детство Симона было безоблачным. Две страсти владели мальчиком: чтение и катание верхом. Однажды, зачитавшись на полном скаку, он опомнился лежа в луже с книгой в руках.

Война нарушила благополучную жизнь семьи. Отец — офицер запаса — был призван в армию и погиб на фронте. Галиция стала ареной боевых действий и за годы войны и революции сменила множество непрощенных освободителей. Однажды вооруженные всадники скакали по улицам Бучача; пьяный казак ради развлечения взмахнул саблей и ранил мальчика. "Это было моим боевым крещением", — усмехаясь, говорит Визенталь.

Затем снова мирные годы; Галиция вошла в состав Польши. Закончив в 1928 г. гимназию, Визенталь намеревался поступить во львовский Политехнический институт, но не был принят из-за квоты для евреев. Он отправился в Прагу, где стал студентом Технического института. Своим товарищам Визенталь запомнился как прилежный студент, талантливый рисовальщик, сочинитель и рассказчик удивительных историй. В 1932 году он получил диплом инженера-архитектора. Секретари и сегодня обращаются к нему: "Герр инженер". Через несколько лет после окончания института Визенталь женился на подруге детства Циле Мюллер. А вскоре в Львов вступили советские войска.

Концлагерь Маутхаузен, в котором находился С. Визенталь

”Добровольно воссоединенные” земли должны были в ускоренном темпе пройти курс построения социалистического общества. Репрессии охватили все слои населения. Отчим Визенталья умер в тюрьме. Сводный брат был расстрелян. Семье предстояла высылка в Сибирь. Перед посадкой в товарные вагоны Симону удалось подкупить комиссара НКВД, и они остались во Львове.

В июне 1941 года фашисты без боя вступили во Львов, и началась расправа над евреями. Визенталью снова повезло. Один поляк, бывший его сослуживец, рискуя собственной жизнью, помог избежать гибели. Тем не менее вся семья, включая самого Визенталья, попала в концентрационный лагерь. Первоначально лагерь казался местом довольно спокойным. Визенталь был отправлен на работу в железнодорожные мастерские, где, между прочим, рисовал новые эмблемы на захваченных советских локомотивах. Здесь у него завязались связи с польским подпольем. В частности, он составлял для партизан-подрывников подробные описания железнодорожных станций и сооружений.

Все это продолжалось недолго. После известного совещания в Ванзее гитлеровцы приступили к *Endlösung* — ”окончательному решению” еврейского вопроса в оккупированной Европе. На глазах у Симона его старую мать погнали в лагерь смерти Бельцек. Его тещу, пытавшуюся сопротивляться, застрелили на месте. Жене Визенталья помогли бежать польские подпольщики. Ее снабдили фальшивыми документами на имя Ирены Ковальской и адресами в Варшаве. Визенталь остался в лагере; ночью, через колючую проволоку, они распрощались.

В день рождения фюрера 20 апреля 1943 г., на рассвете, раздетого Визенталья повели на расстрел. Когда первые убитые уже лежали на земле, явился комендант и распоря-

дился приостановить казнь. В лагере ожидали приезда важных посетителей, и понадобился художник. Требовалось нарисовать огромный плакат — свастику и лозунг: "Мы благодарны нашему вождю!"

Второго октября 1943 года, перебравшись через несколько рядов колючей проволоки, Симон Визенталь бежал из концлагеря. Несколько месяцев польские друзья укрывали его, но однажды в дом зашли эсэсовцы с собакой, и беглец, сидевший под полом, был обнаружен.

После допроса избитый до полусмерти и доведенный до отчаяния Визенталь пытался покончить с собой. Осколком стекла он вскрыл себе вены. В лагерном лазарете пробовал повеситься. Наконец, выкрал из аптеки таблетки. Его вырвало, он выжил. Погладив Визенталь по голове, обершарфюрер Вальке вкрадчивым голосом сказал: "Мальчик мой, — в этом не было необходимости..." Так он обычно обращался к узникам перед началом очередной серии пыток.

Около этого времени союзники высадились во Франции, а на Востоке ширилось наступление Красной Армии. Эсэсовцы Яновского лагеря, где находился Симон Визенталь, спасая свою шкуру, собрали всех оставшихся в живых — 34 заключенных из первоначально содержавшихся там 149 тысяч, согнали население соседних деревень и присоединились к отступлению немецких войск. Начался мучительный путь Симона Визенталь по двенадцати концентрационным лагерям. Последним из них был известный лагерь смерти Маутхаузен в Верхней Австрии. В числе немногих уцелевших узников Визенталь был в мае 1945 года освобожден американскими войсками.

Судьба Цили Визенталь оставалась неизвестной. Незадолго до Варшавского восстания 1944 года ее отправили на принудительные работы — рытье окопов и строительство блиндажей. Бывший подпольщик сообщил Визенталью: "Наци убили всех на Топельштрассе, где была Цили. Твоя жена лежит под руинами..." В свою очередь люди, прятавшие Симона после его бегства из Яновского лагеря, рассказали Циле о том, что ее мужа нашли гестаповцы и расстреляли. Так блуждали они оба после освобождения по разрушенной земле, уцелевшие обломки некогда многочисленной семьи.

Как-то раз жена Симона Визенталь случайно повстречала на улице Кракова человека, который напоминал обтянутый кожей скелет. Она вздрогнула от ужаса, когда обратившись к ней, живой труп, оказавшийся старым знакомым, сказал: "Цили не пугайся, я вернулся из Маутхаузена, твой муж жив".

Почти в то же время Визенталь узнал в Линце о том, что его жена осталась в живых. Одолжив у кого-то лошадь, он решил немедленно скакать в Краков. "Я был худ, как высохшая селедка", — рассказывает Визенталь. — Вскарабкался на седло, но упал и сломал ногу".

С тех пор прошло почти сорок лет. Визенталь создал в Вене свой Документационный центр, которым руководит по сей день. Это довольно большое, охраняемое здание (на Визенталь было совершено несколько покушений, весной 1982 г. в помещении Центра произошел взрыв), внутри которого находится хранилище, где в особых кассетах собрано 18 тысяч досье с материалами о массовых преступлениях гитлеровцев, совершенных между 1933 и 1945 годами. Центр выпускает информационный бюллетень. (Ниже редакция журнала "Страна и Мир" знакомит читателя с некоторыми материалами 24-го выпуска бюллетеня, где помещен последний годовой отчет о работе Центра.)

Симон Визенталь разоблачил более тысячи бывших видных членов национал-социалистической партии, чинов гестапо и СС, лагерных начальников и т.п. лиц, виновных в

тяжелейших преступлений против человечности. Первое место в этом списке принадлежит Адольфу Эйхману, одному из организаторов и исполнителей программы уничтожения евреев. По указанию Визенталя Эйхман, укrywшийся в Аргентине под именем коммерсанта Рикардо Клемента, был выловлен агентами израильской разведки и после тщательного судебного разбирательства приговорен к смертной казни. Визенталь разыскал бывшего коменданта лагерей смерти в Трeблинке и Собибуре Франца Штангля, "вильнюсского мясника" Франца Маурера, начальника транспортов смерти в оккупированной Голландии Эриха Раяковича, группу офицеров СС, принимавших личное участие в истреблении еврейского населения Львова и немало других преступников крупного калибра. В Квинсе (район Нью-Йорка) Визенталь посетил некую Гермину Райэн, урожденную Браунштейнер, допропорядочную домохозяйку, и предъявил ей документы, которыми он располагал. В конце войны миссис Райэн руководила "ликвидацией" нескольких сот детей в Майданеке. Она была выдана правительству ФРГ и предстала перед судом.

Далеко не всегда, однако, преступников удастся наказать. Где-то в Южной Америке скрывается лагерный врач Менгеле. Он крайне подозрителен и осторожен, не проводит и трех ночей подряд в одной постели. Покинутый женой, он окружен высокооплачиваемыми телохранителями. "Мы следим за ним постоянно, — говорит Визенталь, — может быть, он сделает ошибку. Менгеле должен предстать перед судом. Он отнял у сотен людей Божий свет, проводя свои исследования пигментов глаза."

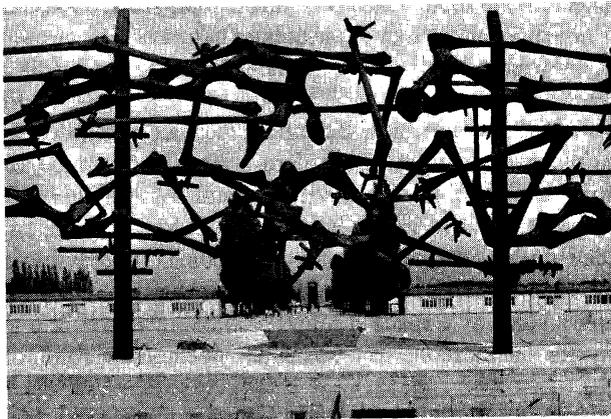
Имя Визенталя известно всем; его работа получила поистине общечеловеческое признание. Он удостоен многих наград разных стран. Он почетный гражданин десятка столиц, почетный доктор ряда крупнейших университетов. В Лос-Анджелесе сооружается крупный исследовательский центр истории Катастрофы, которому будет присвоено имя доктора Симона Визенталя.

"У вас, очевидно, немало недругов. Вам 75 лет. Не устали ли вы?" — спросил я у Визенталя.

Он ответил:

"Национал-социалистический режим уничтожил более шести миллионов евреев. В живых остались немногие; я — один из них. Нужно оправдать то, что я выжил..."

Эммануил КВАЧАДЗЕ.

Памятник жертвам концлагеря Дахау

КАЗНИ ЕВРЕЕВ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЕ (СССР)

В ходе проведенного Документационным центром расследования деятельности 1-й пехотной бригады вермахта стало известно о казнях гражданских лиц, преимущественно евреев, в Малоархангельске Орловской области в 1941 г. Казни, как утверждают, осуществлялись подразделением германской армии под названием "Мозер", находившимся в составе 299-й пехотной дивизии.

Дальнейшие поиски в архивах вермахта во Фрейбурге (ФРГ) ввиду отсутствия документов не дали каких-либо результатов. Относящиеся к этому делу архивы "Ваффен-СС" (армейских частей СС) находятся в Чехословакии и недоступны немецким судам и западным исследовательским организациям.

Документационный центр будет, тем не менее, продолжать изучение этого случая, так как не исключено, что некоторые ответственные за это преступление лица скрываются на территории Германии или Австрии.

ВАЛЬТЕР РАУФФ

Седьмого февраля 1983 г. Документационный центр послал телеграмму президенту Чили Аугусто Пиночету, требуя, чтобы Вальтер Рауфф, убийца 250 000 человек, свободно живущий в Чили, был выдан Федеративной республике Германии, где он должен предстать перед судом в Ганновере.

Рауфф был главой Отдела передвижных газовых камер ("душегубок") в Имперском управлении безопасности (Reichssicherheitshauptamt) в Берлине. В специально оборудованных грузовиках жертв умерщляли выхлопными газами, которые подавались в герметически закрытый кузов. По сравнению с этой ужасной смертью даже газовые камеры Освенцима выглядят гуманными.

В период кратковременной германской оккупации Туниса в 1943 г. Рауфф был начальником гестапо в этой стране. Запланированные им мероприятия против местных евреев были сорваны наступлением британских войск. Позднее Рауфф прибыл в Милан, где в конце войны был арестован и помещен в лагерь для нацистских преступников. Оттуда он бежал в Южную Америку и через Эквадор приехал в Чили. В 1963 г. суд в Ганновере потребовал у Чили выдачи Рауффа. Однако Верховный суд в Сантьяго отклонил это требование большинством в три голоса против двух.

Все сотрудники Рауффа, представшие в свое время перед немецкими судами, получили длительные сроки тюремного заключения.

Президент Пиночет на телеграмму не ответил, равно как и на все предыдущие обращения к нему.

На пресс-конференции в США 7 апреля 1983 г. Симон Визенталь говорил о деле Вальтера Рауффа. В телеграмме на имя президента Рейгана он просил правительство Соединенных Штатов поднять этот вопрос перед чилийским правительством. Тем временем Государственный департамент уведомил Документационный центр о том, что документы, представленные Визенталем президенту Рейгану, пересланы в посольство США в Сантьяго.

Член парламента Великобритании Дэвид Винниг поддержал Визенталь в этом вопросе и привлек к делу Рауффа внимание английской прессы; по английскому телевидению был передан документальный фильм, в который вошло интервью с Симоном Визенталем.

Рауфф чувствует себя в Чили в безопасности. Он защищает применение душегубок, ссылаясь на то, что обычные массовые расстрелы вредно действовали на нервную систему эсэсовцев.¹

¹ В конце июля этого года В. Рауфф умер. — Ред.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВО ЛЬВОВЕ

В 1943 г., когда С. Визенталь сам был заключенным Яновского концлагеря во Львове, в лагере произошел следующий трагический случай.

Группа заключенных-евреев, которых посылали на работы близ авиабазы, решила бежать и присоединиться к партизанскому отряду, действовавшему в лесу Броды. Бежать можно было только на военном грузовике авиабазы, так как грузовики эти никогда не проверялись. Шофер грузовика, который казался расположенным к евреям, сказал, что он готов доставить заключенных в Броды за 20 тысяч золотых. Но заключенные не знали, что шофер поставил в известность гестапо, которое приказало ему взять деньги и сделать вид, что он готов помочь заключенным.

Евреи залезли в грузовик, но вместо того, чтобы отправиться в Броды, шофер отвез их в штаб-квартиру гестапо во Львов. Там заключенных подвергли пыткам, и несколько человек под пытками выдали имена тех, кто им помогал в лагере, и рассказали о своей связи с партизанами. Заключенные и те, кто им помогал, были расстреляны. Полиция и армейские части совместно с войсками СС совершили рейд в лес Броды, во время которого были убиты сотни евреев, бежавших из лагеря.

Через 40 лет Документационный центр установил, как звали шофера, ответственного за гибель всех этих людей. Его фамилия Бастишкайт или Бастишкайт (имя неизвестно).

В письме в ведомство Главного прокурора в Людвигсбурге (ФРГ) Документационный центр просил провести расследование среди бывших служащих баз ВВС, находившихся в то время в районе Львова. Так как имя звучит очень необычно, мы уверены, что этого человека можно найти.

ИНТЕРПОЛ

До сего времени не вполне выяснено, какую роль играл Интерпол (Международная организация уголовной полиции) в годы нацистской оккупации Европы. Упомянутая организация была основана в Вене в 1923 г. для борьбы с преступностью во всемирном масштабе. Штаб-квартира Интерпола была позднее переведена в Париж, затем — в 1983 г. — назад в Вену, а после поглощения Австрии рейхом перебазировалась в Берлин, после чего глава полиции безопасности (Sicherheitspolizei) Рейнгард Гейдрих стал его президентом. Гейдрих добавил к списку преступлений, входящих в компетенцию Интерпола, еще одно: принадлежность к еврейскому народу или к политическим противникам нацистского режима.

Следует отметить, что так называемое совещание в Ванзее (Берлин) 20 января 1942 г., где было принято "окончательное решение еврейского вопроса", проходило в помещениях Интерпола. Этот факт практически неизвестен общественности.

Отделения Интерпола в Бельгии, Франции и в ряде нейтральных стран управлялись из штаб-квартиры в Берлине и отчетывались перед ней. Таким образом, через Интерпол нацисты могли заставлять национальные полицейские силы работать на них.

Кроме того, нацисты использовали Интерпол для фабрикации фальшивых иностранных банкнот. Он помогал им находить специалистов-фальшивомонетчиков, которых они использовали для выпуска поддельных английских фунтов (с целью подорвать английскую денежную систему), а также различных документов. Использовались также досье Интерпола, чтобы разыскивать в разных европейских странах людей с сомнительным прошлым, которых можно было шантажировать и заставлять шпионить для рейха.

В течение ряда лет Документационный центр изучал деятельность Интерпола во время войны и помощь, которую эта организация оказывала нацистам. Большая часть архивов Интерпола погибла во время сражения за Берлин в 1945 г.; трудно сказать, в какой мере уничтожение документов было совершенно преднамеренно. Однако есть основания полагать, что так называемое "Досье S" — ордера Интерпола на аресты евреев и политических противников гитлеровского режима, нашедших убежище под чужими именами во Франции, — по крайней мере частично хранится до сих пор в нынешнем главном управлении Интерпола в Париже.

В письме французскому министру юстиции Роберу Бадинтеру Документационный центр изложил все известные ему по этому делу факты, подчеркнув, что мировое общественное мнение вправе получить полное объяснение трагедии миллионов людей в нацистский период. Документационный центр просил г-на Бадинтера выяснить, действительно ли существует до сих пор "Досье S". Если да, то сообщники Гейдриха и его преемника Кальтенбруннера в разных странах должны быть призваны к ответу.

Г-н Бадинтер немедленно ответил, что он передал это дело министру внутренних дел Гастону Деферу и что тот сообщит Документационному центру о результатах расследования.

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ АНДРЕЯ САХАРОВА

Глава Документационного центра Симон Визенталь в течение многих лет пытается помочь Андрею Сахарову, находящемуся в отчаянном положении в горьковской ссылке.

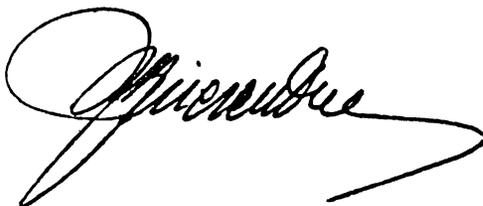
В письме австрийскому министерству науки и исследований Визенталь предложил пригласить советского лауреата Нобелевской премии мира и диссидента в Австрию сроком на год в качестве профессора — гостя Венского университета. Приглашение было послано через австрийское посольство в Москве. Однако советские власти отказались разрешить Сахарову выехать из страны, сославшись на то, что он владеет государственной тайной (...)

В качестве члена Международного комитета прав человека С. Визенталь принял участие в манифестации 10 декабря 1983 г. перед собором св. Стефана в Вене, когда в знак солидарности с Сахаровым было зажжено 1000 свечей (...)

НИКАРАГУА

В информационном листке Антидиффамационной лиги Бнай Брит ("Сыновья Завета"), озаглавленном "Никарагуа без евреев", было описано печальное положение немногих оставшихся в Никарагуа евреев. Сообщалось, в частности, что у евреев отобрали синагогу в Манагуа и превратили ее в сандинистский клуб.

В связи с тем, что социалистическая партия Австрии проводит мощную кампанию в поддержку нынешнего режима в Никарагуа, Симон Визенталь информировал секретаря по международным делам этой партии проф. Вальтера Хакера об антиеврейской деятельности сандинистов. Профессор Хакер через секретариат Социалистического интернационала запросил Манагуа, соответствуют ли эти сообщения истине. Через две недели пришел ответ: синагога возвращена евреям.

Эрнст НОЛЬТЕ (Западный Берлин)

ДВАДЦАТОЕ ИЮЛЯ. ТОГДА И СЕГОДНЯ

Чем дальше в глубь прошлого уходит от нас 20 июля 1944 года — день покушения на Гитлера, — тем больше накапливается знаний об этом событии и его предыстории, тем ясней вырисовываются его различные и нередко противоречащие друг другу интерпретации. О "ничтожной клике честолюбивых, бессовестных и к тому же глупых офицеров-предателей" говорил Адольф Гитлер в своей речи по радио через несколько часов после взрыва бомбы в его ставке, жертвами которого стали некоторые из его приближенных (сам "вождь" уцелел по чистой случайности). Спустя несколько дней Уинстон Черчилль характеризовал случившееся как смертельную схватку соперников внутри немецкого руководства; общественность западных стран была убеждена, что дело обстоит довольно просто: кучка неглупых, но отнюдь не лучших немцев предприняла попытку предотвратить неминуемую гибель рейха, гибель, в которой виноваты они сами. Ибо они вовлекли страну — при поддержке всего народа — в войну своим крайним национализмом и милитаристскими амбициями, проявившимися еще в Первую мировую войну. Однако уже в ближайшие недели и месяцы Гитлер из отчетов гестапо начинает понимать, что дело идет о весьма разветвленном заговоре, проникшем в высшие этажи армии и что подлинная подоплека заговора — пораженческие настроения в штабах (вернее было бы определить их как реалистическую оценку положения).

Сразу после окончания войны немецкие эмигранты в США и Англии приступили к исследованиям, результатом которых была блестящая книга Ганса Ротфельса о внутренней оппозиции гитлеризму. Автор поставил перед собой задачу доказать существование "другой Германии" и тем самым дезавуировать тезис военной пропаганды союзников о том, что все немцы были сторонниками фашизма. Определенную роль в этом смысле сыграли и опубликованные в самой Германии воспоминания участников Сопротивления, дневники и записки казненных. К десятой годовщине покушения накопилась уже довольно обширная литература, где упор делался прежде всего на этические побуждения Штауффенберга и его соратников; немецкое Сопротивление изображалось как единое движение, к которому, однако, не причисляли такую организацию, как "Rote Kapelle".¹

Изменники или патриоты?

Эта трактовка явно противостояла утвердившемуся в немецком народе мнению о людях 20 июля как об изменниках родины, которые как-никак нарушили военную при-

Автор статьи — западногерманский историк, автор трехтомного труда об эволюции "больших идеологий" XIX—XX вв. Русский текст статьи слегка сокращен.

¹ "Красная часовня" (другой перевод — "Красная капелла") — коммунистическая подпольная группа, занимавшаяся шпионажем в пользу СССР. Разгромлена гестапо в 1942 г. — Ред.

сягу, покушались на жизнь верховного главнокомандующего и вступили в тайные сношения с врагом. Действительно, в некоторых публикациях о заговоре сообщалось, что полковник Ганс Остер из абвера (военная контрразведка) в период между октябрем 1939 и маем 1944 г. несколько раз известил голландского военного атташе о сроках наступления германской армии, что Герделер, Бек, Тротт цу Зольц и другие участники заговора поддерживали контакты с западным противником.

Позднее, к середине 60-х годов, когда в политике Федеративной республики окончательно возобладала западная ориентация, вновь всплыла старая концепция, согласно которой и группа Бека—Герделера, и люди из окружения Гельмута фон Мольтке якобы всецело придерживались реакционных социально-политических взглядов в духе прусской традиции, отчасти смыкавшейся с полуфашистской идеологией сословного государства. Приводились документальные свидетельства: в высказываниях Герделера и Штауффенберга, относящихся к 1943—1944 гг., проскальзывает намерение сохранить немецкую гегемонию на европейском континенте до границ СССР, правда, с помощью американцев и англичан. Заговорщики стремились удержать основные территориальные приобретения рейха: границы 1914 года на востоке, аншлюс Австрии и Судетской области, а также недавно аннексированный Южный Тироль. "Крейзауский кружок" (обозначаемый так по названию силезского поместья графа Мольтке) готов был, правда, признать полное поражение как основу подлинного возрождения Германии, но и его программа не предусматривала установления в стране либеральной демократии; вместо этого выдвигалось требование ступенчатых выборов, предлагалось предоставить право дополнительного голоса отцам семейств, профсоюзы не должны были бороться за интересы рабочих в ущерб государственной экономике, предполагалось даже установить дни общеобязательного церковного покаяния в рамках общей ориентации на "божественный порядок". Таким образом, участники заговора и покушения в "вольшем логове" в Растенбурге вновь предстали перед потомками как патриоты, но скорее в негативном освещении: мечтатели-идеалисты, но и социал-реакционеры.

И вот наступил 1984 год, сорокалетие трагической неудачи, и взоры снова устремляются туда, к людям 20 июля, как к наиболее решительной группе Сопrotивления. Нынешнее движение "борцов за мир" объявляет себя их духовным преемником. Оно считает заветом Сопrotивления протест против всякого насилия; в интерпретации пацифистов это означает прежде всего протест против того, чтобы механизмы формально-демократической (как им кажется) системы подавляли волю народа к разоружению. Двадцатое июля стало вновь злободневным, и старые споры об измене родине, патриотизме, особом пути и судьбе немцев кажутся на этом фоне несущественными.

Люди 20 июля и немецкий народ

Масштаб и многообразие Сопrotивления были известны с самого начала. Уже в первые послевоенные годы стало ясно, что военная оппозиция была далеко не единственной среди подобных групп, что существовали внутренние расхождения между "стариками" и "молодыми", между уцелевшими профсоюзными деятелями из рядов разгромленной социал-демократии и сторонниками экономического либерализма Карла Герделера, что монолитным не было даже сопротивление церкви, что несмотря на тяжелейшие потери никогда не прекращалась деятельность коммунистов. Тем не менее за сорок лет на-

копилось достаточно материалов, благодаря которым многие подробности выглядят гораздо рельефнее.

Только в последнее десятилетие проведены специальные исследования, целью которых было выяснить каждодневное поведение простого человека в условиях гитлеровского режима. Появилась возможность установить — в противовес прежним представлениям, — что средний немец не был ни фанатическим приверженцем национал-социализма, ни его решительным противником, но отчасти соглашался, отчасти сопротивлялся.

Поэтому нас больше не удивляет, что столь многие из числа участников заговора поначалу сочувствовали национал-социализму и даже были его активными приверженцами. Это относится к таким людям как генерал-майор Тресков, генерал-майор Штиф, к самому полковнику Штауффенбергу, но в особенности — к Герделеру, который в 1934—1935 гг. был гитлеровским рейхскомиссаром, и Фрицу Шуленбургу, образцовому прусскому юнкеру, который еще в 1931 г. вступил в партию, стал крупным чиновником режима, а присоединившись к заговорщикам, превосходил всех энергией и решительностью. Группенфюрером СС и командиром спецбригад по борьбе с партизанами на восточном фронте был Артур Небе, а полицейпрезидент Берлина Вольф Хельддорф был ключевой фигурой 20-го июля! Анализ документов показывает, что даже Юлиус Лебер, в прошлом депутат рейхстага от социал-демократической партии и узник концлагеря, в некоторых пунктах соглашался с национал-социализмом, среди его высказываний можно встретить выражения, которые некоторые интерпретаторы считают антисемитскими. При всем том, однако, остается правдой то, о чем красноречиво говорят отчеты гестапо, а именно, что у очень многих немцев с личностью фюрера соединялись мифические, даже религиозные представления и что рабочие, особенно в столице, гневно клеймили высокопоставленных и родовитых заговорщиков. Как бы то ни было, все или почти все согласны с тем, что Сопротивление в своих наиболее действенных формах было сопротивлением без народа и что в огромном офицерском корпусе вермахта соратники Штауффенберга составляли ничтожное меньшинство. Можно считать, не рискуя впасть в преувеличение, что значительная часть немецкого народа прошла через те или иные формы противостояния гитлеризму вплоть до отказа от сотрудничества с ним. Но не больше.

Чего они хотели?

Было бы лучше искать понимания политических мотивов и целей участников покушения 20 июля, преодолев узость национального кругозора и оставив в стороне надоевшие дискуссии о пруссачестве, немецкой державе и авторитаризме. Попытайтесь рассмотреть конкретные внутривнутриполитические установки этих людей. Даже если считать, что Герделер и члены Крейзауского кружка придерживались реакционных воззрений, бросается в глаза, что в некоторых важнейших пунктах, например, в вопросе о восстановлении правового государства и свободе личности, заговорщики, вопреки своему критическому отношению к многопартийной демократии, стояли много ближе к Веймарской республике — а также к будущей Федеративной республике Германии, — нежели к Третьей империи. Ни одна из группировок не стремилась к тотальному захвату власти, все были согласны сотрудничать с другими, и уже это поднимает их высоко над их собственным поражением. При Гитлере было принято с презрением говорить о "межеумочном Веймарском государстве". Теперь хорошо видно, что именно гитлеровский рейх был промежуточным государством, рядом с которым империя Бисмарка, Веймарская респуб-

лика и нынешняя ФРГ обнаруживают куда больше сходства, чем различий. И так ли уж реакционна выношенная друзьями графа Мольтке идея "системы малых сообществ" как основы государственного устройства? Или их возражения против чрезмерной технизации сельского хозяйства? Или предложение Шуленбурга передислоцировать промышленность из крупных центров в средние и малые города? Не были ли некоторые из этих идей, показавшиеся прежним критикам реакционными, своего рода заявкой на будущее?

Без сомнения, пангерманский патриотизм был общей чертой почти всех заговорщиков; даже в 1944 году они не собирались отказываться ни от Австрии, ни от Судетской

Кlaus Штауффенберг

области и поддерживали требование европейской гегемонии для Германской империи. Но спросим себя: какое государство отказывается от границ, которое оно считает справедливыми, — даже если оно терпит военное поражение? В 1871 г. побежденная Франция ничуть не намерена была отказаться от провинций с преобладающим немецкоязычным населением; арабы, как мы знаем, не соглашались даже с весьма выгодными для них границами, которые были установлены по рекомендации Генеральной ассамблеи ООН в 1947 году. Не один только Герделер не соглашался с отделением Австрии. Австрийский левый социалист Отто Бауэр перед смертью в июле 1938 г. называл "реакционным" стремление к отмене аншлюса вместо борьбы за всегерманскую революцию, а его земляк Фридрих Адлер, бывший секретарь Социалистического

интернационала, находясь в эмиграции, выступал против "регресса" к независимой Австрии. Для Маркса и Энгельса разумелось само собой, что чехи получают в Великогермании статус автономии, — хватит с них; наконец, Сталин называл в свое время оккупацию Судетской области успехом национально-освободительной политики.

С точки зрения принципа национального самоопределения, который никогда не удавалось осуществить без борьбы, против событий 1938 г. нечего возразить. Следовало ли ожидать, что Герделер и Штауффенберг будут более уступчивы в национальных притязаниях, чем Маркс, "малодержавнее", чем Фридрих Адлер, и "реалистичнее", чем Сталин? Более скользким представляется вопрос о немецкой гегемонии в Европе. И все же: было ли это менее допустимым и демократичным, чем то, что сегодня говорится об Америке — ведущей державе Запада или о гегемонии Советского Союза в социалистиче-

ском лагере, говорится как нечто само собой разумеющееся? Есть разница между неограниченной властью "расы господ", которую провозгласил Гитлер, и отношениями взаимного уважения между страной-гегемоном и государствами меньшего калибра, отношениями, к которым стремился идеолог заговора Герделер. Нельзя наперед утверждать, что немецкая гегемония в той форме, какой она представлялась Герделеру, была бы для европейцев тяжелее или необратимей, чем, скажем, нынешнее господство русских в Восточной Европе и несравненно более мягкое влияние американцев в западной половине нашего континента.

Еще менее обосновано возмущение некоторых критиков тем, что участники и идеологи заговора искали третий путь между коммунистической государственной экономикой Востока и капиталистической системой прибыли Запада, а в сфере общественно-политической стремились избежать как экстремизма однопартийной системы, так и слабостей многопартийной демократии, делая ставку на "традиционную руководящую элиту". В основе этого возмущения лежит идеал "демократии без вождя", высмеянный еще Максом Вебером. Но никакая традиционная руководящая элита никогда не отступала без борьбы; если ее насильственно устранили, то на ее месте тотчас появлялась новая верхушка.

Решает скорее то, насколько открытой и динамичной будет такая элита, а прусско-немецкая была во всяком случае достаточно динамичной, чтобы привлечь на свою сторону таких людей как Генрих Брюнинг, канцлер Веймарской республики, или даже видный немецкий коммунист, один из учредителей Баварской советской республики Отто Браун. Как бы то ни было, опыт новейшей истории показывает, что в борьбе народов за независимость руководящие элиты могут неожиданно приобрести большое значение. Как иначе объяснить возникновение арабского и прочих социализмов или исламского режима в Иране? Не исключено, что если бы Германия утвердила свой суверенитет как ведущая держава между Востоком и Западом, она, может быть, и не стала бы "западной демократией" наподобие Веймарской республики, но безусловно была бы ближе к ней, чем вышеупомянутые режимы.

Несомненно одно: Клаус Штауффенберг и взрыв 20 июля были последним шансом погибающей Германии. После неудавшегося покушения всякая мысль о независимой или даже нейтральной Германии на рубеже Востока и Запада, а с ней и мысль о каком бы то ни было "третьем пути", превратились в химеру. Именно так заставляет оценить политические установки Соппротивления наш нынешний опыт.

"Третий путь", фашизм и коммунизм

Последнее слово, однако, не произнесено. Слишком мало сказано еще о конкретном отношении Соппротивления к национал-социализму, Соппротивления с его националистическими тенденциями, с поисками недемократического "третьего пути". Не было ли в нем зачатков того, что впоследствии могло бы вылиться в такое сочетание антикоммунизма и антисемитизма, по отношению к которому Гитлер с его идеологией был просто крайним случаем, радикализацией, доведенной до абсурда?

Но что значит "впоследствии", о какой последовательности может идти речь? Юлиус Лебер был уже потому решительным антикоммунистом, что считал марксизм "абсолютной и нетерпимой идеологией". Почти все участники заговора стояли за постепенное объединение всех Volksgenossen (немцев за пределами Германии) в одно государство,

Генерал-майор
Г.Тресков.
Взорвал себя ручной
гранатой

Ген.-полковник
Ф.Ольбрихт.
Расстрелян

Ген.-полковник
Ф.Фромм.
Расстрелян

Ген.-полковник
Л.Бек.
Расстрелян

но что общего имеет эта программа с завоеванием "жизненного пространства" на Востоке и истреблением славянской интеллигенции? Герделер, положим, считал евреев "другой расой". Но это лишь совпадало с центральной идеей сионизма о том, что еврейство — народ, а не вероисповедание, и надо потерять здравый смысл, чтобы усмотреть здесь нечто родственное людоедскому антисемитизму Гитлера.

Гитлеровский фашизм может быть понят лишь при сопоставлении с марксизмом и коммунизмом. Гитлер хотел развить точно такую же всеобъемлющую идеологию, достичь такой же политической монолитности, он проявил столь же решительную и целеустремленную волю и захотел ответить на методы уничтожения, примененные русской революцией, еще более массовым уничтожением. Немецкое сопротивление штабных офицеров относится к Гитлеру как фундамент к постройке, форма которой определяется другими зданиями, а не задана самим фундаментом. Это не отношение вины, а отношение трагичности.

И еще одно. Известно, что Штауффенберг, Шуленбург, Лебер согласились пойти на сближение с коммунистами. Как могло это случиться? Ведь они понимали, что хотя члены коммунистической партии Германии были наиболее отважны в борьбе против национал-социализма и несли наибольшие потери, их все же нельзя было причислять к истинному Сопротивлению.

Коммунисты были скорее остатком атакующей армии, которая на протяжении всего периода существования Веймарской республики звала к "вооруженному восстанию" и потому стала важнейшей силой, подготовившей победу национал-социализма. А что остается делать остаткам разбитой армии, как не продолжать борьбу, в отчаянной надежде добиться реванша?

Правда, и коммунисты изменили лозунги и, возможно, даже установки, когда подхватили идею народного фронта, но есть все основания думать, что это был лишь тактический ход. Однако Штауффенберг и Лебер, судя по всему, решили, что этот враг, идейные корни которого восходили к классикам немецкого идеализма, им все-таки ближе, чем тот смертельный враг, "великий поборник Зла", как сказал, стоя перед "народным судом", Ганс-Бернд фон Хефтен, которому все они поначалу служили и с которым вступили в смертельную схватку. Заклучив союз с коммунистами и замахнувшись на Гитлера — во имя нравственного воскресения страны, — они шагнули в еще неведомое будущее.

Это будущее вело к новым битвам. Но кто знает, какую эволюцию проделал бы их временный союзник, если бы вместе с мужами 20 июля он одержал победу? ●

МЫ ХОТЕЛИ ВОЗЖЕЧЬ ФАКЕЛ ЖИЗНИ,— И ВОТ, НАС ОКРУЖАЕТ МОРЕ ОГНЯ

Мне стыдно, что я немец. Эта кучка, которая грязнит имя немца убийствами, грабежом и опустошениями, станет злым роком всего немецкого народа, если мы не положим этому конец.

Гельмут Штиф, 1939

Теперь, когда нам, по-видимому, предстоит пережить триумф зла, хотя мы шли в бой, готовые ко всем невзгодам и страданиям, — а вместо этого вынуждены пачкаться в топком болоте внешнего благополучия и самодовольства, — теперь, как никогда, необходимо уяснить себе основы обновления государства.

Гельмут Джэмс граф фон Мольтке, 1940

Большинство заговорщиков думает и чувствует, как я. Им не нужны чины и привилегии... Большинство думает о Германии и о том, чтобы спасти мир от внешнего и внутреннего порабощения.

Фриц-Дитлоф граф фон дер Шуленбург цу Циглер, 1943

Пора действовать. Конечно, тот, кто отважится выступить, должен понимать, что он может войти в историю Германии как государственный изменник. Но если он этого не сделает, он будет предателем собственной совести.

Клаус граф Шенк фон Штауффенберг, 1944

Гитлера надо попытаться убить *coûte que coûte*¹. Но даже в случае неудачи нужно тем или иным путем осуществить государственный переворот. И дело не только в том, чтобы найти практический способ выйти из тупика, дело в том, что немецкое движение Сопротивления должно ценой жизни совершить этот прыжок. Все остальное несущественно... Бог обещал Аврааму не уничтожить Содом, если там найдется десять праведников. Будем надеяться, что благодаря нам Господь не испепелит Германию. Все мы готовы к смерти.

Геннинг фон Тресков, 1944

Господа, фюрер мертв. Командование армией берет на себя фельдмаршал Вицлебен; прошу Вас целиком повиноваться ему.

Эрих Гепнер, 20 июля 1944

Мы на развилке истории. Военное положение на всех фронтах безнадежно, каждый день приносит новые поражения, новые жертвы, новые разрушения внутри страны. Никаких военных мероприятий недостаточно, чтобы поправить положение. Долг всех мужчин, всех, кто любит эту страну, — употребить последние силы для осуществления нашей цели. Не получится — ну что ж, мы по крайней мере не будем чувствовать себя виноватыми. Для меня этот человек все равно мертв. Доказательство того, что Гитлер не убит, что он не подменен двойником, может притти из ставки только через несколько часов. До этого мы успеваем взять в свои руки власть в Берлине...

Людвиг Бек, 20 июля 1944

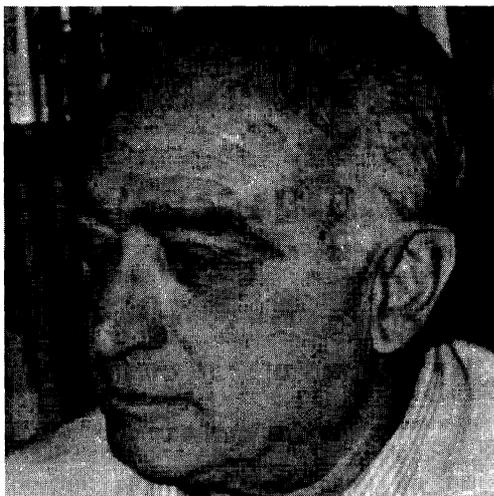
Моя смерть — это тоже смерть ради отечества. Пусть она выглядит бесславной, даже позорной, — я иду навстречу ей прямо, с поднятой головой. Мы хотели возжечь факел жизни — и вот, нас окружает море огня.

Петер граф Йорк фон Вартенбург, август 1944

¹ любой ценой (франц.)

Луиджи БАРДЗИНИ (Рим)

НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

Автор предлагаемого эссе, итальянский журналист и писатель, принадлежит к числу наиболее известных современных западно-европейских публицистов. В числе его работ — книги "Москва, Москва" (1960), "Итальянцы" (1964), "От Цезаря до мафии" (1971). В годы фашизма Бардзини был лишен права печататься, а затем арестован; после войны писал для журналов "Лайф", "Энкаунтер", "Харперс", "Эпока" и многих европейских и американских газет.

В апреле этого года Луиджи Бардзини скончался в Риме в возрасте 75 лет. Эссе "Неблагонадежные европейцы" взято из сборника того же названия, вышедшего в 1983 г. и переведенного на все главные языки мира, кроме русского.

Если бы знала Европа, что ей придется полагаться лишь на себя и взвалить на свои плечи такое же бремя, какое несут Соединенные Штаты Америки, она, наверное, сумела бы предотвратить свой нынешний политический упадок, не скатилась бы незаметно для самой себя к состоянию комфортабельного и довольного собой, но бесславного слабосилия, не пожертвовала бы своими первостепенными задачами и обязанностями ради мелочной свары из-за денег. Знание это внушило бы европейцам чувство новой ответственности, укрепило бы правительства, утихомирило бы социальную смуту. Стали бы сводить друг с другом счеты валлоны и фламандцы, если бы они понимали, что им придется сидеть за одним бруствером, защищая Европу? Решились бы английские горняки, французские сталевары, итальянские железнодорожники бастовать по каждому поводу, если бы до их сознания дошло, что этим они ослабляют свои страны и рискуют собственной безопасностью? А правительства, неужели они продолжали бы швырять миллиарды, лишь бы задобрить и успокоить недовольных?

Дружественная сверхдержава уже не стала бы смотреть на объединившуюся, сильную и сознающую свое достоинство Европу как на порой капризного, но в конце концов покорного — а как же иначе? — вассала, сама Европа не оказалась бы в один прекрасный день до такой степени перепуганной нацеленными на нее орудиями и ракетами, чтобы пассивно следить за развитием событий, словно безвольный раб, проклиная судьбу. Единая Европа сумела бы встретить достойно надвинувшиеся на нее бурные и кри-

тические десятилетия, эпоху, быть может, опаснейшую со времени гибели Римской империи. Не говоря уже о противостоянии Востока и Запада, не следует забывать о далеко не однозначных процессах, которые идут в Третьем мире. Между тем именно Европа могла бы разобраться в них лучше, чем кто-либо другой. Большинство развивающихся стран — в прошлом европейские колонии. Немало европейцев владеют их языками и диалектами, знают их историю, разбираются в их верованиях, обычаях и табу. Ясно, что в этой части мира Соединенные Штаты не могут обойтись без поддержки Европы, ибо до сих пор их успехи в попытках найти общий язык со слаборазвитыми народами, в том числе с латиноамериканскими соседями, были более чем скромными. При всех добрых намерениях, при всей своей щедрости они ничего не понимают и редко слушаются советов даже собственных специалистов. Американцы стараются приучить народы Третьего и Четвертого мира к формам и образцам своего политического управления, как будто каждый человек в душе — потенциальный подданный Соединенных Штатов. В результате они читают на стенах домов и заборах: *Ami, go home.*

Дело пахнет керосином. Огромные массы людей ждут, чтобы их накормили. Темных и невежественных нужно каким-то образом — каким, никто не знает — научить умению управлять самими собой, и притом без регулярно повторяющихся военных переворотов. Нужно обучить людей экономно вести хозяйство, производить сельскохозяйственные продукты, развивать рыболовство, нужно привить им навыки разумного предпринимательства, несложного промышленного производства, научить общепринятым в международном обиходе формам вежливости и правилам этикета. Еще более пугающая проблема — ничем не сдерживаемая торговля оружием, которая буквально подталкивает малоразвитые страны к развязыванию войн. Конфликты такого рода могут распространяться, как степной пожар. Ведь хорошо известно, что в опоздавших, недавно индустриализованных странах (как и в крайне отсталых) правители часто бывают склонны к внезапным военным авантюрам, цель которых — отвлечь внимание народа от мучительных внутренних коллизий. Добыв оружие (а некоторым даже удается при помощи иностранных специалистов смастерить собственную атомную бомбу), нахватав денежных и иных подачек, вооружившись какой-нибудь безумной идеологией и сплотившись вокруг очередного Великого и Мудрого Вождя, они нападают на соседнюю страну. Для этого даже не требуется сколько-нибудь серьезных объяснений, достаточно малейшего повода. Журналисты и историки придумают потом необходимые философские, политические или экономические обоснования. В конце концов это их профессия. Примеров — сколько угодно. Барахтаясь в собственных трудностях, Япония, как только она набрала достаточную силу, атаковала в 1895 г. Китай и в 1904 г. Россию. Не слишком сильная и очень неустойчивая Италия в 1911 г. начала в Ливии войну против турок, в 1885, 1896 и 1935 г. напала на Эфиопию; Ирак совершил в 1980 г. нападение на Иран; в том же году Ливия вторглась в Чад. Как всем известно, войны — превосходное средство заставить население позабыть о нерешенных или неразрешимых проблемах в собственном государстве, забыть о своем бедственном положении. Победная война, как масло, заставляет улечься бурные волны, война оправдывает угнетение, предотвращает революцию либо подавляет контрреволюцию, спасает от окончательного краха слабую, недавно возникшую государственность. Завоюй иранский шах, успевший закупить у американцев немало оружия, парочку слабых соседних государств — и трон, и держава, конечно, не ушли бы у него из рук. Словом, нет нужды объяснять, что Европа (так же, впрочем, как и обе сверхдержавы — СССР и США) должна быть готовой — и может быть готовой — к

небывалому, непредсказуемому и кошмарному будущему, которое стоит, может быть, уже в дверях.

Вот почему для Европы насущно необходимо развить в себе коллективную волю и продемонстрировать ее всему миру, вот зачем надо заговорить спокойным, властным голосом, выработать у себя ясное представление о себе самой, осознать себя, свой долг, свои цели, обеспечить свое экономическое благосостояние и уметь его защитить, проводить общеевропейскую внешнюю политику в собственных интересах, да и в интересах всего мира. Пора бы уже забыть привычные споры и соперничество, привести в порядок свои дела, учредить общие, демократические и наделенные соответствующими полномочиями институты, урегулировать по более или менее единым меркам и образцам финансовое хозяйство, ввести общую валюту и создать оборонительный аппарат, способный внушать надлежащее уважение недругам.

Легко сказать... На бумаге все выглядит великолепно. Необходимые решения можно принять за какие-нибудь считанные месяцы. Сколько государственных деятелей, дипломатов, политологов, банкиров, юристов, журналистов, экономистов за последние полстолетия показали и доказали в бесчисленных речах, интервью, статьях, отчетах и книгах, на всевозможных митингах, конференциях и конгрессах, как легко и просто мог бы совершиться процесс объединения. Сотни проектов с точно расписанными сроками ждут своего часа в письменных столах и на полках. Уже составлены, подписаны и ратифицированы договоры. Воздвигнуты здания учреждений и нанят персонал. Уже избран Европейский парламент. Но подлинно решающий шаг так и не сделан. Какая-то неуловимая причина сводит на нет самые искренние и серьезные устремления. Несмотря на все красивые слова, эlegantные эвфемизмы, риторику, Европа сегодня не намного ближе к единству, чем, к примеру, в 1815 году, когда худо ли, хорошо ее объединял Священный Союз, а позднее скрепляли родственные связи монархов, подчас весьма близкие, и так называемый "Европейский концерт" — союз великих держав (с 1814 г. — Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия, к которым в 1818 г. присоединилась Франция), чьей задачей была защита установлений Венского конгресса против разного рода национальных и либеральных движений.

В эпоху накануне убийства австрийского наследника в Сараеве европейцу не нужно было никакого удостоверения личности, чтобы поехать из одной страны в другую (паспорт требовался лишь для поездки в Америку, Турцию и Россию). Вот справка из путеводителя Бедекера, издание 1911 г., о Лондоне: В Англии паспорт не нужен, разве что на случай, если придется получать заказные письма или корреспонденцию до востребования. Когда к моему отцу в номер мюнхенской гостиницы — дело было в 1910 году — явились полицейские, которые разыскивали некоего опасного анархиста, у отца не оказалось с собой никаких документов, удостоверяющих его личность. Тогда он достал из кармана письмо, на котором стояло то же имя, что и начертанное рукой портного на этикетке его брюк и на внутреннем кармане; полицейские попросили извинения и ретировались. В 1911 году одна только Бельгия установила у себя *l'heure anglaise*, то есть средневропейское время по Гринвичу; оно опаздывало на четыре минуты по сравнению с временем, принятым на железных дорогах во Франции, и на двадцать минут — по сравнению с голландским временем. Однако уже через год все часы на континенте были переведены вперед или назад, где на час, где на два, где на четыре часа, чтобы привести их в соответствие с гринвичским временем. Сегодня лишь деятельность старейших европей-

ских организаций и учреждений, таких как Всеобщее объединение газификации, Международная компания спальных вагонов, Европейские поезда-экспрессы или Всемирный почтовый союз, можно поставить рядом с введением единой международной десятичной системы мер и весов (по платиновому эталону, хранящемуся в подвале здания Международного бюро мер и весов в Париже) и валютных соглашений, первоначально заключенных в рамках так называемого Латинского монетного союза, который был основан еще в 1865 г. Тогда разница в большинстве национальных валют — разница в стоимости французского, бельгийского или швейцарского франка, британского шиллинга, австрийской кроны, германской марки, испанской песеты, итальянской лиры и двух серебряных американских десятицентовиков — не превышала нескольких пфеннигов и не испытывала сколько-нибудь серьезных колебаний.

Напрягаются грустные параллели. Греческие города, краса и цвет античной цивилизации, не сумели объединиться и оказать сопротивление натиску македонских фаланг. Напрасны были предостережения красноречивого Демосфена. Точно так же не смогли они устоять и против римлян. В XV и XVI веках итальянские города и княжества не были объединены в одно государство (подобно другим европейским нациям) с единым управлением и правовой системой и оказались беззащитными; в результате им не удалось отстоять ни свою высокоразвитую культуру, намного превосходившую культурные достижения всей остальной Европы, ни свои огромные богатства от орд разнузданной солдатни, ворвавшейся с севера. Лавина разбойников устремилась через Альпы, неся смерть мужчинам и насилие женщинам, рушились дворцы, гибли статуи, горели книги, цветущие города были разграблены.

Неужто всегда и везде судьба высококультурных, интеллигентных, гуманных и тонченных народов — погибнуть от рук варваров? Выходит, чем лучше кухня, тем беззащитней повара? Неужели для самых лучших сыров и вин, для искусно поджаренных уток не нашлось бы более совершенной защиты, чем какая-нибудь ненадежная линия Мажино или Великая китайская стена? И почему, собственно говоря, тонкость поэзии, прозрачность прозы, колористическое богатство живописи, благозвучие музыки, либерализм законов и культура общежития должны быть обратно пропорциональны прочности оборонительных сооружений? Верно ли, что культурные нации вроде императорского Китая или Византии обречены на то, чтобы стать рабами или в крайнем случае терпеливыми учителями грубых и жестоких пришельцев? Можно ли было спасти Афины от римлян, Рим от готов, Вену — от поражения и не приметного упадка? Не напоминает ли нам Европа тысячелетнюю Венецианскую республику, которую в 1797 году одним росчерком пера упразднил корсиканский авантюрист, этот молокосос, едва достигший 27 лет, и вдобавок рогоносец?

Почему приличные люди не выигрывают на скачках истории, почему их лошадь приходит последней?

Когда слушаешь застольные речи или официальные заявления импозантных представителей, торжественно зачитываемые на пресс-конференциях, когда листаешь цветные проспекты, отпечатанные на глянцевой бумаге на восьми или десяти языках, начинает казаться, что все, что связывает европейцев между собой, неизмеримо больше того, что их разъединяет, и объединение континента (или хотя бы его западной половины) — лишь вопрос времени, может быть, дело нескольких лет, даже месяцев. И в самом деле, ведь у нас есть уже Общий рынок, Европейский Совет, есть свободно избираемый парламент,

есть администрация, состоящая из тщательно подобранных, знающих дело работников. Увы, при ближайшем рассмотрении оказывается, что Общий рынок увяз в болоте бесчисленных и довольно неприглядных ссор и свар, большинство из которых не стоит выеденного яйца. Так например, до сих пор не достигнуто единства по вопросу о форме и величине европейской косилки для подстригания газонов, о том, какие графы должны быть предусмотрены в будущем едином европейском паспорте (удалось пока что договориться о цвете обложки: выбрали бордо, если не ошибаюсь, в честь инициатора всеевропейского планирования Жана Монне, который происходил из Бордо и начал свою карьеру в качестве продавца в магазине коньяков, принадлежавшем его отцу), далее о размерах рыболовных сетей, о водах, куда их разрешается забрасывать, о беспощинной торговле винами, яйцами, цыплятами, картофелем, поросятами, бараниной и по многим другим вопросам подобного рода. Отдельно стоит упомянуть о жаркой дискуссии, разгоревшейся между немцами и французами. Вот уже несколько лет французы решительно оспаривают право немцев именовать особую, продаваемую в специальных горшочках синтетическую смесь неизвестного состава, но во всяком случае не содержащую ни оливкового масла, ни желтков, ни лимонного сока, — майонезом.

Существуют, разумеется, и более серьезные расхождения, например, упорное нежелание англичан платить предусмотренные договором (и весьма значительные) взносы в общую кассу; или, скажем, то, что до сих пор не удается уговорить фабрикантов оружия ввести единые стандарты на их товар; или все еще не принятое решение о том, чтобы учредить вместо трех предварительных столиц — Брюсселя, Страсбурга и Люксембурга — одну столицу Европы (бумаги, папки, архивные документы, чиновники, эксперты и секретарши, длинная колонна грузовиков и легковых автомобилей — кочуют, словно цирк, из одного города в другой); или неуступчивость северных стран, которые в ущерб всем остальным ни за что не согласны приостановить чудовищно возросшее производство сливочного масла, и его приходится по бросовым ценам сбывать Советскому Союзу и полуголодным нефтяным богачам — арабским странам. Все эти проблемы, большие и малые, к которым приходится отнестись всерьез, ибо они сводят практически к нулю всякий прогресс, можно было бы в самом деле решить в считанные часы при разумном подходе к делу и готовности к дружественному компромиссу. Но в tomto и беда, что несогласие по частным вопросам — всего лишь предлог. Подлинная помеха сотрудничеству — в чем-то ином, в том, что очевидно далеко не для всех и что превращает эти смехотворные потасовки в поистине неодолимое препятствие. Что же это такое?

Опять-таки напрашивается сравнение с Элладой, с Италией эпохи Возрождения. Но, как и все подобные параллели, эти сравнения ненадежны. Быть может, не все еще потеряно. Не всегда цивилизованные народы оказываются в проигрыше. Не говоря уже о том, что далеко не все европейцы достигли той стадии, на которой их можно было бы уподобить готовому для заклания тельцу. Не всех поработила характерная для этого континента эпикурейская цивилизация. Крестьяне в провинции, молодые люди, переместившиеся из деревни в город, чтобы пополнить ряды промышленных рабочих, буржуа, которых еще не успели развратить благосостояние и комфорт, — все они затронуты цивилизацией не больше, чем жители менее развитых или тоталитарных стран.

Возможно, в Европе еще есть резерв собственных варваров, отнюдь не желающих покориться варварам иноземным и даже вполне способных побить чужаков. (Это было

открытие, сделанное Гитлером.) И хотя никакого союза, никакой конфедерации, никаких Соединенных Штатов Европы действительно не существует, а реальное положение вещей с точки зрения способности отразить агрессора без посторонней помощи немногим лучше положения древнегреческих полисов или итальянских княжеств времен Ренессанса, есть и некоторое утешение: в каком-то смысле Европа все же едина. Пусть она мала, пусть не фигурирует как таковая в статистических ежегодниках, однако это действительно l'Europe réelle, Европа как фактически существующее целое. Никто не знает, какова ее подлинная прочность. Некоторые, не слишком хорошо разбирающиеся в политике и не очень внимательно читающие прессу туземцы, конечно, прежде всего считают себя подданными своего государства; но с такой же гордостью они ощущают себя и гражданами Европы, европейцами в полном смысле слова. Быть может, кое-кто из них и не особенно рвется умереть за отечество по примеру и обычаю предков, зато может случиться, что они будут драться не на жизнь, а на смерть за эту Европу. Ибо они уже часть этой пусть еще не вполне сформировавшейся, существующей скорее как идея, но уже слепившейся вместе многоязыкой нации. Они живут в ней так же естественно, не задумываясь, как рыбы в воде, — и они любят ее.

С юных лет и без особых усилий они обучаются языкам сопредельных стран (а также международному аргю), подчас даже усваивают их бессознательно. Повсюду, словно грибы после теплого дождя, множатся школы иностранных языков. Впервые за всю историю англичане, по крайней мере некоторые из них, говорят по-французски, по-итальянски или по-немецки без нарочито усиленного, подчеркнутого акцента. Все больше телезрителей смотрят передачи из соседних стран, через границы и моря (в Риме телевизоры принимают французскую программу "Антенна 2" через ретрансляционную станцию на Корсике). Безостановочно растет число людей, которые учатся, работают, жуируют, путешествуют, осматривают достопримечательности, занимаются спортом, едят, пьют, влюбляются, сходятся и расходятся не в своей стране, а в Европе; множество мужчин и женщин заключают межнациональные браки и воспитывают детей, говорящих на нескольких языках.

Европейская девушка, европейский парень одеты так, что не поймешь, из какой они страны: все похоже друг на друга, все словно принадлежит к одному племени. (Разве что по цвету волос вы отличите итальянца от скандинава.) Покрой штанов перестал быть национальным признаком. Впервые за сто лет немцы и французы приблизились к той особой элегантности, которая прежде была монополией итальянцев и англичан. Немцы, вопреки всем традициям, сделались художавыми. Юные англичанки приобрели шик и изящество, о которых и не помышляли их мамы и бабушки, предпочитавшие хоть и практичные, но довольно топорные одеяния. Разницу в мундирах европейских армий может заметить разве только специалист. Промышленные предприятия и фирмы вовсе не признают границ и обмениваются техническими приемами совершенно так же, как страны обмениваются школьниками, а филателисты — почтовыми марками. Деловые люди толпами устремляются на всевозможные международные выставки и ярмарки, как некогда купцы отправлялись на ярмарки в Нижний Новгород или Самарканд.

Банкиры, певцы, музыканты, продюсеры кино и телевидения, вербовщики рабочей силы, журналисты, террористы, специалисты по контрабанде, актеры, профессора, для которых все равно где читать лекции — у себя дома или в иностранных университетах, игроки, искательницы любовных приключений — вся эта публика с легкостью пересекает во всех направлениях наш старый и уютный континент; вся Европа — поле их деятельности. Был случай, когда французский гражданин стал лидером итальянской политической партии, Partito Radicale. Таможенники и пограничники сладко зевают, коротая

рабочий день за картами, и лишь изредка снисходят до того, чтобы проверить бумаги и багаж у путешествующих из одной страны в другую. Дипломаты высокого ранга только в исключительных случаях обмениваются туманными и высокопарными нотами, как это было принято в доброе старое время. Теперь они попросту висят на телефонах, точно жители одного города, называют друг друга уменьшительными именами и в многочасовых разговорах обсуждают дальнейшую политику своих правительств. Штабные офицеры регулярно встречаются для обмена предложениями и усовершенствования планов; полиция и тайные службы давно создали собственную единую Европу. Рушится последний бастион патриотизма — гастрономия: любители покушать все чаще отказываются от собственной кухни, отважно предпочитая ей кулинарные достижения соседей. Немцы выкладывают немалые суммы, соблазняя инертных итальянцев своими колбасами и сырами, в свою очередь маленькие итальянские рестораны, где готовят пищу, оккупировали всю Европу; пицца захватила стратегические высоты даже в центре Парижа, на Елисейских полях. Во всех столицах большие продовольственные магазины предлагают покупателям в общем-то один и тот же ассортимент продуктов, просто они по-разному называются, и цены проставлены в разных валютах.

Можно добавить, что все это — черты общемирового процесса. Пицца и итальянские ресторанчики завоевали не только Европу, но и весь мир. Сказать, что это неслыханная новость, тоже нельзя. Музыканты и певцы, дирижеры и игроки, аристократы и миллионеры, шпионы и журналисты, аферисты и дипломаты, анархисты и фокусники во все времена безустали водились по миру. Даже особ английского королевского дома можно было частенько видеть на континенте — на фешенебельных курортах, во Флоренции, на Французской Ривьере. Даже недоверчивые, отнюдь не склонные перенимать все новое французы задолго до Второй мировой войны, хоть и тайком, лакомились иностранными кушаньями, которые они, впрочем, быстро окрестили на свой собственный лад, дабы успокоить свою кулинарную совесть. На итальянские блюда попросту навесили ярлык *à la piçoise* (например, *tavioli à la piçoise*, пельмени "по-нищцки", словно они в самом деле изобретены в Ницце), немецкие переименовали в *à l'alsacienne* (капуста по-эльзасски), а названия английских блюд исказили до неузнаваемости. И все-таки никогда прежде процесс взаимопроникновения не заходил так далеко, как теперь. Как никогда сократились расстояния между государствами. Несколько часов езды или полета — и надписи вокруг вас уже на другом языке, и, значит, каждый европеец вынужден обзавестись определенными знаниями. Люди и государства, хотят они этого или не хотят, вынуждены сближаться под давлением самых различных обстоятельств — экономических, политических, военных, — и это относится уже не только к сравнительно небольшому числу железнодорожных служащих, скучающих аристократов, курортников и тому подобных добровольных или вынужденных странников. Теперь это неуклонно растущие массы населения, миллионы людей всех возрастов, из всех социальных слоев.

Молчаливая — хоть и не вполне обоснованная — уверенность многих европейцев, что их континент вот-вот обретет или даже уже обрел единство, органически-прочное и внушающее уважение другим, — сказывается хотя бы уже в том, что люди не задумываясь называют "Европой" то, что официально и с большой долей осторожности именуется лишь Европейским Экономическим Сообществом, то, что покамест представляет собой скорее таможенный союз, и притом довольно хрупкий, пеструю смесь кое-как приноровившихся друг к другу национальных самолюбий, шаткое сооружение, которое того и гляди повалится под очередным порывом холодного ветра истории или от сейсмическо-

го толчка нового экономического кризиса, — как развалился в свое время Немецкий таможенный союз, после того, как вспыхнула австро-прусская война в 1866 г. Эти люди говорят о Европе с той же преждевременной доверчивостью, с какой жители американского континента некогда говорили о своей стране, называя ее Америкой, хотя страна эта представляла собой всего лишь узкую полоску земли на северо-восточном побережье. Подобная беззаботность, представление о единой Европе как о чем-то само собой разумеющемся, возможно, связаны с надеждой или, лучше сказать, мечтой, которую втайне лелеют западноевропейцы, — мечтой о том, что в один прекрасный день судьба улыбнется и в Сообщество сначала войдут срединные страны — Австрия и Швейцария, и без того стопроцентно европейские, не говоря уже о том, что последняя являет собой превосходную модель многоязычной демократии, а первая хранит воспоминания о чуть ли не самой старой в Европе многонациональной общности; а там, глядишь, и государства Восточного блока начнут возвращаться одно за другим в материнское — европейское лоно, пока, наконец, граница не приблизится к Советскому Союзу. Однако географы проводят границу еще дальше, по Уралу, — почему бы не сбиться желанию де Голля, почему бы и Европейской России не влиться в эту Европу?..

Среди иллюзий, которыми тешат себя гордые европейцы, нужно назвать и их уверенность, будто их континент уже пользуется престижем, который в решающий момент способен перевесить чашу на международных весах в ту или другую сторону. Их оскорбляет, когда президент Соединенных Штатов забывает посоветоваться с ними по тому или иному вопросу (что, увы, случается нередко) или когда их презрительно обходит Кремль, вступая в непосредственные сношения с Америкой. Те из них, кто лучше информирован и настроен более скептически, хорошо знают, — как знают это и неевропейцы, — что вес, которым сегодня обладает разделенная Европа, — это вес в лучшем случае моральный, если угодно, педагогический, но в общем-то незначительный. В современном мире Европа представляет собой обремененное исторической памятью, медленно продвигающееся вперед образование — некое существо, похожее на слоновую черепаху. Та Европа, какой она сейчас перед нами предстает, едва ли способна защитить сама себя — где уж там спасти мир.

Разумеется, дипломаты отдают себе отчет в том, что надежды на скорую консолидацию европейского материка не могут быть осуществлены властью и авторитетом богоданных провидцев — каких-нибудь необычайно энергичных и удачливых государственных руководителей. Многие связывают свои чаяния с медленной, но неуклонной, напоминающей деятельность морских полипов созидательной работой миллионов упорных и трудолюбивых европейцев; в итоге над поверхностью вод поднимется коралловый риф, а коралл, как известно, весьма долговечное образование. Быть может, когда-нибудь удастся воздвигнуть этот несокрушимый атолл, окруженный зыблущейся бездной. Если это произойдет — через одно, может быть, через два поколения, — тогда государственные мужи займутся декорациями, они подпишут в старинных дворцах торжественные декларации и договоры, они будут произносить высокопарные речи, в которых отдадут должное собственной мудрости и проницательности, а им за это воздвигнут в их странах бронзовые монументы. Таинственные, порой трудно определяемые силы и факторы, ныне препятствующие объединению Европы, отпадут сами собой перед лицом этого *fait accompli* — мощного, коллективного и спонтанного феномена неделимой Европы, чей натиск будет подобен движению альпийского глетчера. Если не грянет гром, не разразится кризис, не наступит всемирная экономическая катастрофа, если не начнется война с Советской Россией, — европейцы, сумевшие создать сами себя, сумеют себя и спасти. Вот только успеют ли они это сделать? ●

”ТО ЛИ В ПОДДАНСТВЕ, ТО ЛИ В ГРАЖДАНСТВЕ...”

Еврейская литература на русском языке

1.

Еврейская литература на русском языке (мы говорим о литературе в широком смысле — от журналистики и историографии до поэзии и художественной прозы) родилась в середине прошлого века. Ее основоположником единодушно признается Осип Рабинович (1817–1869), выпускавший в начале 60-х годов в Одессе первый еврейский русскоязычный журнал “Рассвет”. Рабинович был и первым русско-еврейским прозаиком, обратившим на себя внимание публики; мы встречаемся у него с темами и приемами, прямо предвосхищающими его великого однофамильца — классика литературы на языке идиш Шолом-Алейхема.

Как и на родине еврейского Просвещения — в Германии и Австрии, — литература на русском языке была ориентирована на ассимиляцию евреев в “коренной” среде во всем, кроме религии. Но уже в начале 80-х годов эта литература сделала первые шаги по своему особому пути; позже, впрочем, он стал общим для всех еврейских литератур на европейских языках. Великие погромы в Российской империи (1881–1882) заставили если не всех, то многих просветителей усомниться в реальности “слияния”, обратиться к национализму и палестинофильству. В контексте культуры это означало отказ от прежней вражды к традиционным формам еврейской жизни и еврейской мысли. Новый, сочувственный интерес к еврейской традиции ярко выражен даже у тех литераторов последней четверти прошлого века, которым идея национального возрождения осталась чужда.

К началу Первой мировой войны в четырехязычной (иврит, идиш, русский, польский) литературной продукции российского еврейства русский язык оказывается на втором месте после идиш. Летопись русско-еврейской периодики насчитывает уже около сорока названий, включая специальные журналы и один детский. Сложилась довольно интересная художественная литература, привлекавшая внимание общероссийского читателя. Здесь можно назвать поэта Семена Фруга (1860–1916) и весьма популярных в России начала века прозаиков Семена Юшкевича (1868–1927) и Давида Айзмана (1869–1922). Наконец, возникла, вероятно, лучшая по тем временам в мире школа еврейской историографии во главе с Симоном Дубновым (1860-1941). И хотя русский язык оставался неродным для подавляющего большинства еврейского населения империи, есть все основания утверждать, что образованный слой российского еврейства начал осуществлять ту программу, которую много спустя, в 1932 году, предложил американскому еврейству реконструкционист Мордехай Менахем Каплан в своем *opus magnum* “Еврейство как цивилизация”: принадлежать одновременно к двум культурам. В двойной принадлежности к еврейской и русской духовной традиции, в органическом двуединстве, противоположном шизофренической раздвоенности, я вижу главное преимущество и главную силу русско-еврейской культуры эпохи ее недолгого расцвета.

2.

В годы Первой мировой войны все периодические издания на идиш и на иврите были закрыты цензурой; пробел, однако, заполняла еврейская печать на русском языке. Временем наивысшей активности русско-еврейской периодики были революция и гражданская война. Общее число изданий, вышедших за это время, приближается к 150! (Правда, многие из них были однодневками чуть ли не в прямом смысле слова). Это был взлет перед концом. В 1921–1930 гг. выходило всего 18 названий. С 1931 по сей день — 5, из которых к настоящему времени сохранилось лишь одно издание — газета "Биробиджанская звезда", в которой столько же еврейского, сколько в самом Биробиджане евреев. Практически еврейская журналистика на русском языке была элиминирована уже в первой половине 20-х годов. Разъяснять причины этого удушения нет нужды: они хорошо известны.

Тем не менее художественная русско-еврейская литература в двадцатые годы не только не погибла, но, напротив, достигла абсолютной вершины. Не останавливаясь на второстепенных именах, скажем прежде всего об Исааке Бабеле (1894–1941). Помимо таланта писателя, здесь были и общие причины. Никогда прежде еврей не мог ощутить себя до такой степени своим в обеих цивилизациях. Прежняя дореволюционная культура могла принимать и даже поощрять его, но он был пришельцем, чужаком, и ему давали это понять не только недруги, но и друзья. Новую культуру, как и новую — советскую — действительность российский еврей созидал сам, наравне с другими народами бывшей империи и на равных с ними правах; интернационализм в 20-е годы был живым принципом, а не идеологической пустышкой, как сегодня. Двойная принадлежность реализуется полностью. Отсюда и происходит, как мне кажется, идеальная бинокулярность видения (еврей и русский-советский одновременно), отсюда уникальная острота взгляда у Бабеля.

Но в те же годы идет стремительный процесс разрушения традиционной еврейской цивилизации — иссушение одного из двух корней двуединства. Пьеса Бабеля "Закат" (1928) становится символом угасания не только его собственного творчества, но и вообще еврейской творческой активности на русском языке. Уже в своем литературном поколении Бабель был скорее исключением: еврей, вступавший в русскую словесность после революции, обычно порывал — и чаще всего с самого начала — со своим происхождением, ощущая себя к а к п и с а т е л я вполне русским. Если его писательское воображение и возвращалось изредка в мир, из которого он вышел, то он все же смотрел на этот мир со стороны, с русской стороны. Да и возвращения такие случались все реже, а во второй половине 30-х годов исчезли совсем. Что же до следующего литературного поколения, то оно еврейской цивилизации как особого и неповторимого жизненного опыта (по определению Мордехая Каплана) уже не знало вовсе. Можно сказать, что к кануну Второй мировой войны русско-еврейская литература прекратила свое существование.

Обрыв традиции представляется мне самым важным обстоятельством в истории русско-еврейской литературы послевоенного периода, решающим в ее судьбе. Все отдельные явления, которые можно так или иначе к ней отнести или с нею соотнести, определяются этим обрывом. Ничто в ней не продолжает прошлого, все вырастает наново и на новой почве.

3.

Гибель шести миллионов евреев не могла оставить равнодушными даже самых ассимилированных. Пробужденные Катастрофой национальные чувства, быть может, лучше всех выразил Юлиан Тувим в статье "Мы, польские евреи..." (1944), которая сделалась чем-то вроде манифеста ассимилированного еврейства всех европейских стран. "Кровь бывает двух сортов: та, что льется в жилах, и та, что льется из жил... Изучать первую — дело физиологов... Вторая — невинная кровь замученных... Таких потоков мученической крови мир еще не видывал, и самыми широкими, самыми глубокими потоками струится кровь евреев..." Лишь то родство объединяет, лишь те узы связывают, — заявляет Тувим, — которые основаны на "крови из жил", крови мучеников, пролитой злодеями. К исходу войны и после нее "синдром Тувима" обнаружился у многих русских писателей еврейского происхождения. И все же вполне очевидно, что крик отчаяния — не резон, чтобы заносить крикнувшего в списки русско-еврейских литераторов. Вдобавок у подавляющего большинства "синдром" в его, так сказать, открытой форме, исчез быстро и бесследно — под отрезвляющим воздействием антисемитизма, который как раз к этому же времени становится одной из главных опор советской партийно-государственной идеологии. Еврейское самосознание в любых формах и проявлениях оказывается государственным преступлением и подавляется самым жестоким, часто кровавым образом. Естественно, что ожившее было чувство национальной солидарности замолкло или, в лучшем случае, забилося в самые потаенные уголки сознания.

Но оттепель, последовавшая за смертью Сталина, разморозила среди прочего и "синдром Тувима", который был теперь усилен памятью о новых гонениях (1949—1953): разгром идишистской культуры и физическое истребление главных ее деятелей, антисемитская кампания борьбы с космополитизмом и массовые чистки, дело "убийц в белых халатах" и подготовка к депортации евреев в Сибирь). Я разберу два типичных, в чем-то и схожих, и не схожих между собой случая: прозаик Василий Гроссман (1905—1964) и поэт Борис Слуцкий (1919). Оба примера позволят наметить границы понятия "русско-еврейская литература" в послевоенных условиях.

Василий Гроссман создал себе литературное имя еще в тридцатых годах. Все четыре года войны он провел на фронте, был корреспондентом центральной военной газеты и в некоторых отношениях мог соперничать с Ильей Эренбургом. Мать Гроссмана была убита в бердичевском гетто. Он был первым в мире литератором, подробно описавшим лагерь уничтожения. Вместе с Эренбургом он составлял и редактировал Черную книгу о гибели советского еврейства, так и не увидевшую свет в СССР (книга опубликована несколько лет назад в Израиле). Гроссман написал большой роман о Сталинградской битве, который официальная критика (а иной в Советском Союзе не существует) сперва превозносила до небес, а потом смешала с грязью — как можно догадываться, не без связи с еврейским именем и происхождением автора. Возможно, что лишь смерть Сталина спасла Гроссмана от ареста. В 1960 г. он закончил новый роман — первую последовательно и полностью антисоветскую, антитоталитарную книгу в советской литературе; удивительней всего было то, что автор принес ее в советский журнал и предложил напечатать. Судьба книги известна: все экземпляры рукописи были конфискованы КГБ. Роман "Жизнь и судьба" выпущен в Швейцарии в 1980 г. Еврейская

тема, истребительный государственный антисемитизм в обоих вариантах — гитлеровском и сталинском — эти мотивы играют в романе существенную роль. Эпизоды в лагере смерти принадлежат, по-моему, к самому лучшему, самому сильному, что было написано об этом на каком-либо языке мира.

И все же я не отнес бы Гроссмана к русско-еврейским писателям. Почему?

При всей важности, еврейская линия в романе не основная, она подчинена более общей и широкой концепции; иными словами, точка зрения, позиция, "ангажированность" автора — не еврейские, а скорее русские или, лучше сказать, общероссийские.

Еврейство для автора "Жизни и судьба" — не цивилизация, а рана, боль, комплекс, иначе говоря — не позитивное, конструктивное начало в его творчестве, а негативное, провоцирующее. Биографический факт (принадлежность к еврейскому народу, сознательно принимаемая и отстаиваемая) формирует факт литературный — судьбу писателя. Перед нами русский писатель еврейской судьбы. Я предлагаю это как термин, считая, что случай Гроссмана — далеко не единственный, причем варианты этой судьбы могут быть весьма разнообразны и совсем не обязательно столь возвышенны и героичны, как у Гроссмана.

Борис Слуцкий — следующее после Гроссмана литературное поколение. Сегодня это очень известный русский поэт, которого, по классификации Георга Лукача, следовало бы назвать "плебейским" — за близость и глубокую симпатию к простонародью, к толпе, к массе. Он тоже провел на фронте всю войну, но я уверен, что "синдром Ту-вима" рожден в нем по преимуществу (если не исключительно) советским антисемитизмом. Его "еврейские стихотворения", составляющие компактный цикл, широко ходили в самиздате начиная с середины 50-х годов и частично напечатаны на Западе. Их тема — еврейская трагедия, бесправие, безысходность в сталинской и послесталинской России. Вот одно из них, примерно двадцатилетней давности и, сколько мне известно, никогда не публиковавшееся:

УРИЭЛЬ АКОСТА

Созреваю или старею —
Прозреваю в себе еврея.

Я-то думал, что я пробился,
Я-то думал, что я прорвался —
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а зарвался.

Я читаюсь не слева направо —
По-еврейски: справа налево.
Я мечтал про большую славу,
А дождался большого гнева.

Я, ступивший ногою одною
То ли в подданство, то ли в гражданство,
Возвращаюсь в безродье родное,
Возвращаюсь из точки в пространство.

Даже в этих немногих строках, мне кажется, сверх обиды отторжения, то есть начала негативного, общего с Гроссманом, ощущается известная "радость узнавания" (я заимствую прекрасную эту формулу у Осипа Мандельштама, великого русского и ни на грань не еврейского — несмотря на происхождение — поэта), радость возвращения. Слуцкий испытывает ностальгию по еврейскому прошлому, по еврейской цивилизации, но только — по своей собственной, по домашнему миру своего детства и юности в Харькове, очень далекому от многовековой еврейской традиции, но все же особому, не сливающемуся с русским и украинским. Бабелевская бинокулярность видения сменилась раздвоенностью. У Слуцкого она не болезненна, еврейство и русскость идут параллельно, не мешая друг другу. Но достаточно часто та же раздвоенность ведет к ненависти и самоненавистничеству или к крайним проявлениям русского патриотизма. Я к этому еще вернусь.

4.

Время от времени в официальной печати, несмотря на привычный и общеизвестный советский антисемитизм (а может быть, и благодаря ему — ради сохранения некоторых приличий и пропорций), появляются произведения, которые я без колебаний отнес бы к русско-еврейским. Назову одно из них, уже изданное в английском переводе, — "Тяжелый песок" Анатолия Рыбакова (род. 1911). Оставим в стороне вопрос о художественных достоинствах романа и политическом конформизме его автора. Очевидно, что, как и Слуцкий, Рыбаков смотрит на свой материал еврейскими глазами и тоскует по исчезнувшему еврейскому миру. И еще больше, чем Слуцкий, еврейский Рыбаков оторван от русского — автора многих сочинений, в которых еврейским духом и не пахнет.

Здесь перед нами двойная, но раздельная — опять-таки в отличие от Бабеля — "ангажированность": русская советская — особо, еврейская (тоже советская) — особо. Мне кажется, что это направление, какого старая русско-еврейская культура не знала, перспективно для будущего. Если бы советский режим занял по отношению к своему еврейству позицию более разумную и осмысленную — чего, по-моему, исключать не следует, — у евреев Советского Союза нашлось бы достаточно сил, чтобы в недолгий срок создать полнокровный и жизнеспособный советский вариант современной еврейской цивилизации (под "советским" я понимаю не догмы мертвой идеологии и не статьи фальшивой конституции, а реально существующий народ с особым укладом психики и быта). Но это может быть достигнуто лишь силами тех, кто остается на месте, в России. Развитие русско-еврейской культуры в эмиграции есть, по моему убеждению, *contradictio in adiecto* — проще говоря, самообман.

Русский эмигрант покидает страну по соображениям политическим, экономическим или каким-нибудь другим, но во всяком случае не потому, что хочет перестать быть русским. Его культурное творчество и за рубежом принадлежит России и, при благоприятных условиях, в Россию возвращается. Это верно для любой эмиграции — для "великой польской" прошлого века, для немецкой времен гитлеризма. Массовая же еврейская эмиграция, начало которой приходится на 1971 год, называлась "алией", то есть шла под девизом национального возрождения и возвращения на еврейскую родину. Русский еврей уезжал для того, чтобы не быть больше русским и стать только евреем, то есть — вспомним еще раз Мордехая Каплана — перейти от двух цивилизаций

к одной. Мне скажут, что это утопия, что так называемые репатрианты разбрелись по общинам диаспоры, а подлинные, осевшие в Израиле, создали там обширную русскую словесность и не спешат оторваться от прежних корней. На это у меня есть два возражения. Одно — общего характера. Русского человека эмиграция права на Россию не лишает. (Впрочем, Солженицын в этом сомневается, и я думаю, что в его сомнениях есть резон.) Если же Россию покидает человек с еврейским самосознанием, он не имеет, на мой взгляд, морального права притязать на участие в российских делах, а русско-еврейская культура — дело настолько же еврейское, насколько российское. Борьба за права советских евреев наравне со всеми прочими борцами в любой стране — да; направлять движение культуры этих евреев, находясь в Тель-Авиве, Нью-Йорке или Западном Берлине, — нет.

Второе возражение — конкретное: посмотрим, во что превращается русская литература еврейского национального возрождения, когда ее носители оставляют Россию.

Прежде всего показательно, что язык этой литературы — русский: лингвистическая ассимиляция прошла *the point of no return*. Если во время последней переписи 17 процентов советских евреев еще называли своим родным языком идиш, то языком культуры и образования для всей массы советского еврейства уже давно стал русский (за исключением, вероятно, грузинской, бухарской и горской — татской — общин). Даже самые первые ростки еврейского самиздата, появившиеся в наименее русифицированной Прибалтике, были русскими.

Еврейский самиздат, бесспорно, убедительный знак регенерации русско-еврейской культуры. Он возник в 1970 г. и просуществовал, вопреки репрессиям, до самого последнего времени. Его центром была Москва, но самиздатские сборники выходили и в других городах: в Риге, в Одессе. Центральное место среди этих публикаций занимал журнал "Евреи в СССР" (больше 20 выпусков), можно назвать также журналы или сборники "Культура" (12 выпусков), "Выезд в Израиль — право и практика", "Наш иврит", "Вестник Исхода", "Евреи в современном мире". Благодаря сборникам "Еврейский самиздат", издаваемым Центром по исследованию и документации восточно-европейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, почти вся эта периодика доступна. Большая, а пожалуй, и большая ее часть посвящена выезду в Израиль, что вполне естественно, так как "еврейское возрождение" есть прежде всего продукт эмиграционного движения, начавшегося после Шестидневной войны. Поиски национальной самоидентификации возникают, таким образом, как следствие решения политического или, если угодно, практического. Такие поиски должны были, по определению, происходить в сфере героического и романтизированного прошлого (библейский Израиль, средневековое мученичество за веру, халуцианство и т.п.) и героического настоящего (сегодняшний Израиль, но не реальный — его не знали, а нарисованный собственной мечтой). Русско-еврейская культура прошлого оставалась в стороне: от нее надлежало избавиться как можно скорее. Русско-еврейское настоящее привлекало внимание лишь как "контрмотив": вон из этого гнусного болота, где нет и не может быть ничего, кроме звериного антисемитизма. Возникает (или возрождается) особый вариант сионизма, для которого типична нетерпимость и преувеличенное отвращение к диаспоре, в частности — к идишистской культуре.

Сионизм и его самиздатская пресса 70-х годов сыграли поистине великую роль в судьбе российского еврейства, пробудив его даже не от сна, а от смертного оцепенения. Вначале отрицание всего, что не есть сионизм, было неизбежным и необходимым. Но

очень скоро пробуждается универсальное в наше время желание обратиться к собственному узкому, специфическому прошлому, к оборванным и забытым традициям. Оно ничем, по сути, не отличается от тяги к идиш, любопытства к местечку, к "миру наших отцов" у американских или французских молодых евреев, которым все это едва ли ближе, чем еврейской молодежи в России. И я бы сказал, что она, эта тяга, скорее сродни ностальгическим чувствам Слуцкого и Рыбакова, нежели "любви к дальнему" (и неизбежной ненависти к ближнему) у идеологов и пропагандистов нового Исхода. Но Рыбаков и Слуцкий связаны и ограниченностью своих воспоминаний об остатках еврейской цивилизации, и еще больше — цензурой, тогда как молодые искатели корней совершенно свободны. Рядом с этим преимуществом мало что значит не только *tabula rasa* личного опыта, но и особые, советские препоны на пути к еврейскому самовыражению.

5.

Так возникает единый — легальный и нелегальный — фронт, повернутый к разрушенной цивилизации российского еврейства во всех ее языковых облачениях — что, понятно, ломает монополию иврита. Я повторяю здесь мысль, высказанную в 1971 г. профессором Иерусалимского университета Х.Шмеруком на симпозиуме по проблемам сохранения еврейской культуры в СССР. Позже ее подтвердили "изнутри" — в журнале "Евреи в СССР" (см. статью Юлия Гофмана в № 17, февраль 1977).

В Израиле русская подпольная журналистика выходит из подполья. Журналы и газеты возникают (и исчезают) в таком количестве, что за ними трудно уследить. Значительная часть их не имеет отношения к русско-еврейской культуре. Бывшие советские граждане, не владеющие иным языком, кроме русского, жаждают получить то, чего они были лишены на старой родине, — и получают: одни — суррогат "Time", другие — бульварной журналистики. В то время как в России русско-еврейская печать сопрягала две цивилизации, русская печать в Израиле, стране с одной — еврейской — цивилизацией, отдаляет читателя (и писателя) от этой единственной "законной" цивилизации и укореняет его в чужой для Израиля, иностранной. Фактически это русская эмигрантская пресса, в принципе немногим отличающаяся от русских изданий в Париже, Нью-Йорке или Буэнос-Айресе. Ниже мы будем говорить только о тех изданиях, которые сознательно хотят быть именно русско-еврейскими.

Прежде всего упомянем об изданиях религиозных. Их *raison d'être* очевиден: они облегчают путь всем, кто ищет возврата к традиции иудаизма. Пока есть русские евреи, ищущие еврейского Бога, эта особая ветвь словесности сохраняет свой русско-еврейский характер. Я считаю своим долгом назвать здесь имя недавно скончавшегося Павла Гольдштейна. Он был уникальным в своем роде пропагандистом еврейской религиозной мысли на русском языке. С его смертью прекратился журнал "Менора", о котором — при всех его наивных и смешных для неверующего сторонах — должен пожалеть каждый, кто дорожит еврейской культурой.

С 1973 г. Общество по исследованию еврейских общин в странах рассеяния издает серию книг "Библиотека Алия". Число выпущенных томов приближается к ста. По большей части это переводы, главным образом с иврита. "Библиотека" вводит иммигранта в разноязыкую еврейскую цивилизацию, от которой он был совершенно оторван в СССР. Попадая в Россию, эти книги играют там сходную просветительную роль. Функ-

ции и особенности "Библиотеки Алия" повторяет "Краткая еврейская энциклопедия", составляемая на основе Encyclopaedia Judaica. До сих пор вышло два тома.

Русско-еврейская литература в собственном смысле слова представлена тремя журналами: "Сион", "Время и мы" и "22".

"Сион", старший из трех, возник в 1972 г. как рупор "твердокаменных" сионистов, первых репатриантов новой волны. Для них еврейская культура в СССР была делом конченным, к какому бы языковому варианту она ни принадлежала (ср. выступление проф. М. Занда на упомянутом выше симпозиуме в Иерусалиме). Со временем позиция журнала стала не столь жесткой, он являет собой некий мост с односторонним движением: от русского к ивриту.

Журнал "Время и мы", основанный в 1975 г., именует себя международным журналом литературы и общественных проблем, другими словами, не ставит перед собой специально еврейских или сионистских задач. Подводя итоги первым пятидесяти номерам (к этому времени журнал перебрался из Тель-Авива в Нью-Йорк), редакция прямо причислила себя к русской эмиграции; свою программу она усматривает в "продолжении традиций русской демократической литературы и журналистики" от Пушкина и Некрасова до Твардовского (февраль 1980).

Журнал "22" начал выходить в 1978 г. Несколько загадочное название его чисто случайно, зато подзаголовок и определение, которое он себе дает, хорошо продуманы и мотивированы: "Москва — Иерусалим. Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле". Журнал желает быть не русско-еврейским (или не просто, не только русско-еврейским?), но русско-израильским. А это, по всей видимости, означает: создать в Израиле ту идеальную Россию, о которой русские интеллигенты еврейского происхождения напрасно мечтали, проживая в Москве, Ленинграде или Харькове.

В мои намерения не входит оценка платформы этих журналов и таланта их авторов; мне хочется лишь понять, какое место они занимают в русско-еврейской литературе. Я бы сказал так: сегодня — важнейшее; в перспективе, и даже не слишком далекой, — никакого.

Важнейшее место, потому что они имеют возможность собрать и сохранить создаваемое там, позволяют осуществить замыслы, там выношенные. В самом деле, и "22", и "Время и мы", и даже "Сион" опубликовали много интересных произведений, которые не только читаются в Израиле и на Западе, но и тайно возвращаются в Россию.

В близком будущем же, я полагаю, они не займут уже никакого места в русско-еврейской культуре, потому что ни одна из трех платформ не отвечает необходимому требованию этой культуры — соединению, сплавлению двух цивилизаций. Для журналов "Сион" и "Время и мы" это ясно, как мне кажется, без комментариев. Что касается "Двадцати Двух" я не стану входить в обсуждение того, насколько осуществим план построить идеальную Москву в реальном Иерусалиме. Но "Москва", которую привезла с собой ассимилированная еврейская интеллигенция, — это, под еврейским углом зрения, пустыня, только начавшая цивилизоваться. И если в реальной Москве элементарные условия для продолжения этой работы все же есть, то в Иерусалиме их нет. Ибо здесь ее некому продолжать: молодежь (не говоря уже о детях) забывает "Москву" бесповоротно. Из тех немногих крох с богатого некогда стола еврейской цивилизации в России, которые удалось подобрать и захватить с собой, нельзя приготовить никакого блюда. Светская часть израильской цивилизации (а с религиозной традицией журнал не

имеет ничего общего) уходит все дальше от цивилизации диаспоры, а значит, и от той ее разновидности, которая бытовала когда-то в России и, при благоприятном стечении событий, могла бы в ней возродиться. Словом, журнал "22" представляется мне каким угодно, только не русско-еврейским.

Я не хочу быть понятым неверно. У меня и в мыслях нет принизить значение серьезных израильских (и бывшего израильского) журналов на русском языке. Как русский читатель, я благодарен им и часто восхищаюсь ими. Но сейчас речь идет не о чувствах русского читателя, а о том, возродится ли русско-еврейская литература. Журнал "22" ее не возродит.

Не возродит ее и входящий в Ассоциацию израильских писателей Союз писателей, пишущих по-русски, хотя он насчитывает больше 80 членов, среди которых есть люди весьма одаренные.

В 1924 г. молодой критик и публицист Марк Слоним напечатал в пражском русском эмигрантском журнале "Воля России" статью под названием "Живая литература и мертвые критики", где доказывал, что хотя большая часть прославившихся до революции писателей ушла в эмиграцию, русская литература, русская культура по-прежнему делаются в России. Mutatis mutandis, соблюдая все необходимые пропорции, можно сказать: русско-еврейская литература будет развиваться в России или не будет существовать вовсе. К великому нашему горю, нельзя быть уверенным, что вторая половина альтернативы менее вероятна, чем первая. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 40 ЛЕТ НАЗАД

СЛОВО ТРУДЯЩИХСЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ К ВОЖДУ НАРОДОВ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

Великий Сталин, дорогой отец,
Любимый вождь, учитель благородный!
Ты светишь нам звездой путеводной;
Ты — солнце родины многонародной,
Ты — мужества и мудрости венец!
Прими, наш вождь, наш пламенный привет!
Свобода наша — сладкий плод побед
Политики национальной,
Могучей партии — ВКПб,
Чей руль, доверил и вручил тебе
Ее покойный кормчий гениальный.
Как равный среди равных — наш народ,
Тобой, любимый вождь, руководимый,
Растет и крепнет, и идет вперед,
Под знаменем твоим — непобедимый,
Бессмертной хартией твоей,
Как жизнетворным солнцем, мы согреты,
И ныне, празднуя наш юбилей,
Мы все — от землепашца до поэта —
Тебя, отец, благодарим за это!

"Правда", 12 июля 1944 г.

Одно из многочисленных "писем народов" вождю. Целиком "слово" привести невозможно: оно занимает всю газетную полосу.

Анна ТАМАРЧЕНКО (Бостон)

СВОБОДА МНЕНИЙ И УВАЖЕНИЕ К ИСТИНЕ

1.

Дезинформация стала в наше время едва ли не самым могучим орудием дурной политики. Здесь, на Западе, она еще смягчается так называемой "свободой выбора информации". Правда, эта свобода часто сводится к выбору того, что отвечает заданным авторским представлениям и симпатиям — без анализа разноречивых сообщений. Зато за железным занавесом именно дезинформация держит в идеологическом плену целые народы и страны. Недаром же там так строго охраняется государственная монополия на все средства массовой коммуникации. В такие времена людям особенно нужна правда — во всех ее видах: от элементарной точности факта до сложнейшего смысла вещей.

Тем более удивительно, что в зарубежной русской периодике так часто и в таком количестве рассыпаны ошибки — как смысловые, так и элементарно-фактические, легко поддающиеся проверке и потому бесспорные. Почему, дорвавшись до свободы слова и свободы выбора информации, авторы так часто пользуются этими благами с удивительной беспечностью по отношению к истине? Это психологическая загадка, требующая объяснения.

Что касается фактических ошибок, их обилие отчасти объясняется тем, что издатель и редактор здесь не отвечает за авторский текст. Редактор не замечает, когда общеизвестные строчки из "Горя от ума" приписываются Пушкину (а потом пушкинские строки Грибоедову — для восстановления справедливости!). Не дело издателя исправлять авторские представления о русской истории, когда, например, возникновение династии Романовых относят ко временам до царя Бориса и на этом "убеждении" выстраивают текстологические гипотезы о "Борисе Годунове" Пушкина.

Однако безразличие редактора ничуть не объясняет безответственности самих пишущих. Это не педантизм. Речь идет не о случайных ошибках или неточностях, которые могут встретиться у любого, вполне серьезного автора. Ошибки памяти даже естественны, например, в мемуарах; культурный издатель обычно оговаривает их в примечаниях. Речь идет о "расширенном воспроизводстве" неточностей, которые свидетельствуют о сознательном или неосознанном неуважении к истине. Ошибок перестали стыдиться, их легко оправдывают, а нередко даже и отстаивают "право на ошибки" как одно из священных прав личности. На упрек в неуважении к истине чаще всего и почти рефлекторно отвечают пресловутым скептическим вопросом: "Что есть истина?" В эту минуту люди не помнят, из какого контекста извлечен этот вопрос. Конечно, никто не принимает евангельского Пилата за норму и образец человеческого поведения. Однако забывают, что этот роковой вопрос ведет к умыванию рук, а в конечном счете — и к предательству этой самой Истины (о чем так убедительно напомнил Михаил Булгаков в "Мастере и Маргарите").

Принципиальный скептицизм по отношению к истине свойственен авторам самых разных направлений, иногда друг другу непримиримо враждебных. Правда, источник вражды нередко лишь "пленной мысли раздраженье", ожесточение ущемленных амбиций или даже конкурентные страсти журнальной коммерции: в этих стычках разбираться не стоит, — не интересно. Но многолетний спор между плюралистами и так называемыми авторитаристами, хотя и засорен подобными же страстями, заключает в себе и реальные идейные разногласия по многим важным вопросам (философским и этическим, политическим и художественным). Это могло бы сделать полемику общепригодной и даже плодотворной, если бы... да, если бы не мешала, сверх всего прочего, еще и непроясненность самих понятий — "плюрализм" и "авторитаризм".

Беспечность по отношению к истине вызывается, по некоторым наблюдениям, разными мотивами у авторов того и другого "лагеря". "Авторитаристы" на словах признают ее общеобязательность, но жаждут монополии на истину и в этой жажде слишком часто аргументируют наугад, не считаясь с фактами. "Плюралисты" же выступают под флагом свободы личности и ее прав на персональное, для каждого особое в и д е н и е истины. С них и следует начинать, хотя бы потому, что они сами называют себя плюралистами, а "авторитаристами" обзывают оппонентов. Какое же содержание вкладывают в это самоопределение его сторонники? Вопрос не праздный, если учесть, что среди плюралистов есть убежденные атеисты и люди религиозные, много авангардистов, но также любители и знатоки художественной традиции; есть интернационалисты, "планетаристы", но есть и люди повышенной ранимости в национальном вопросе. Может показаться, что, кроме общего ожесточения против "авторитаристов", этих людей решительно ничто не связывает.

В журнальной периодике последних лет легко найти самые разнородные определения политического плюрализма: от простого отождествления его с многопартийной парламентской демократией до права на поиски разных путей и разных общественных форм, оптимально благоприятных для будущего России. Более того, недавно А.Каценелинбойген в своей статье "Мысли о пользе монархии" объявил, что конституционная монархия английского или шведского типа является как раз наиболее "плюралистическим" государственным устройством, а потому и оптимальным для будущего России! ("Время и мы", № 73). Но существует немало плюралистов, которые не ограничивают это понятие областью политики, распространяя принцип плюрализма также на этику и гносеологию, на эстетику и художественное творчество. Чтобы распутать и классифицировать все определения плюрализма, предложенные самими плюралистами, понадобилось бы специальное исследование! Обозначенная в заголовке тема, к счастью, этого вовсе не требует. Здесь уместен анализ лишь тех суждений, которые имеют отношение к вопросу о свободе мнений и уважении к истине. Более того, ограничимся рассмотрением взглядов лишь одного, зато наиболее яркого и последовательного сторонника концепции плюрализма Михайло Михайлова.

2.

Статья Михайлова "Достоевский против Канта" ("Континент" № 36; цитаты из этой работы в дальнейшем изложении специально не отмечаются) — отклик на подготовленное издательством "Серебряный век" переиздание небольшой книги Я.Э.Голосовкера "Достоевский и Кант". С некоторыми самыми общими положениями этой статьи

можно соглашаться, с другими — спорить. Но сразустораживают фактические неточности и ошибки, которые сопровождают оценки и суждения автора. Приведем примеры. Академик Н.К.Гудзий в крохотном предисловии к работе своего сверстника Голосовкера замечает, что "Критика чистого разума" цитируется в переводе Н.Лосского (по изд. 1915 года). По этому поводу Михайлов делает умозаключение: "Самоочевидно, что после этого издания Канта больше не печатали!" Но почему же это "самоочевидно"? Это вопрос факта, который легко поддается проверке. За полчаса в библиотеке можно установить, что некоторые работы Канта впервые были переведены и изданы по-русски в 20-е годы; что "Пролегомены" в переводе В.С.Соловьева (заново сверенном Б.А.Фохтом с подлинником) выходили дважды — в 1934 и в 1937, а II-й том Сочинений Канта был издан в 1940. Наконец, можно узнать, что как раз в 1963 году началась публикация шеститомного издания Канта, но том с "Критикой чистого разума" тогда еще не вышел и нельзя было (как это требуется в советских издательствах) перевести все цитаты и ссылки на последнее издание. Поэтому Гудзий и оговаривает, каким источником пользовался автор книги. Только и всего. Никаких скрытых намеков на малую доступность Канта предисловие не содержит.

Почему же в 1983 году Михайлов уклонился от простой проверки своего вольного предположения, превратив его в факт при помощи словечка "самоочевидно"? По-видимому, из уважения к своему свободному мнению, которое предшествовало и фактам, и умозаключению, определяя "выбор информации". Все рассуждение о Канте в России открывается риторическим вопросом: "Да и кто в Советском Союзе может читать Канта?" Вот оно в чем дело! Современная Россия для М.Михайлова (как и для многих других русскоязычных авторов на Западе) — это темный лес, где живут медведи, намертво лишенные доступа ко всякому просвещению, тем более — философскому.¹

Ошибка эта — отнюдь не единственная и даже не главная в небольшой статье "Достоевский против Канта". Столь же упрощенное представление о культурной жизни за последнее полу столетие сказалось в суждениях Михайлова о М.М.Бахтине и об его книге "Проблемы поэтики Достоевского" (1963). И здесь фактические ошибки непосредственно связаны со смысловыми. Начать с того, что Михайлов безоговорочно причисляет Бахтина к "структурализму, формализму", именно и только этим объясняя исключительный успех его книги о Достоевском во втором дополненном издании. По его мнению, она была событием лишь на фоне таких фальсификаторов, как Ермилов, и таких приспособленцев, как Гус и Кирпотин: "На фоне таких многочисленных "исследований" второе издание книги М.Бахтина "Проблемы поэтики Достоевского", появившейся в том же 1963 году, и его теория о "полифоничности" романов Достоевского явилась, конечно, большим событием. После долголетнего обязательного марксистского подхода к художественным произведениям, структурализм и формализм не могли не казаться спасительной отдушиной. На Западе же книга Бахтина попала во времена повального увлечения структурализмом, формализмом в подходе к литературному тексту и логическим позитивизмом".

Взгляд на Бахтина как на сторонника или предшественника структурализма в литературоведении заимствован у самих же структуралистов. Для людей этого направления весьма лестно числить мыслителя такого масштаба в своих основоположниках; да к

¹ Можно напомнить о том, что статья Мих.Михайлова "Достоевский против Канта" одна из очень немногих работ о незаслуженно забытом выдающемся филологе и философе Я.М.Голосовкере (1890–1967), жившем и работавшем в СССР. Его книгу Михайлов оценивает чрезвычайно высоко. — Прим. ред.

тому же всякое использование идей Бахтина замечательно украшает даже самые художественные структуральные схемы и подсчеты. Сам Михайлов заявляет себя не сторонником, а противником "структурализма, формализма" и даже считает эту школу некогда повальной, но уже отошедшей модой. Зачем же ему-то так слепо следовать за структуралистами в истолковании Бахтина?

С тех пор, как выяснилось, что книга "Формальный метод в литературоведении", вышедшая под именем П.Н.Медведева в 1928 году, на самом деле принадлежит Бахтину, а особенно после выхода двух сборников его работ. (Вопросы литературы и эстетики, М., 1975; Эстетика словесного творчества, М., 1979.), написанных в разные годы жизни, отношение исследователя к формализму и структурализму стало вопросом фактической осведомленности. Глубокая и ничуть не устаревшая по сей день критика формальной школы, начатая Бахтиным еще в 1924 году, и ясно выраженное несогласие его со структурализмом в литературоведении 60–70 годов многократно высказано в этих книгах. Приведем лишь одно место из статьи, написанной в последний год жизни ученого, озаглавленной в рукописи "К философским основам гуманитарных наук" (в сборнике "Эстетика словесного творчества", уже посмертном, составитель назвал статью "К методологии гуманитарных наук", чтобы не настораживать цензуру): "Мое отношение к формализму: разное понимание спецификаторства; игнорирование содержания приводит к "материальной эстетике" (критика ее в статье 1924); не "делание", а творчество (из материала получается только "изделие"). Это – о формальной школе: не ясно ли, что взгляд на формализм у Бахтина не изменился с 20-х годов?"

И дальше – уже о современных литературоведах: "Мое отношение к структурализму. Против замыкания в текст. Механические категории: "оппозиция", "смена кодов" (многостильность "Евгения Онегина" в истолковании Лотмана и в моем истолковании). Последовательная формализация и деперсонализация: все отношения носят логический (в широком смысле слова) характер. Я же во всем слышу голоса и диалогические отношения между ними. Принцип дополнительности я также воспринимаю диалогически... В структурализме только один субъект – субъект самого исследователя. Вещи превращаются в понятия (разной степени абстракции); субъект никогда не может стать понятием (он сам говорит и отвечает). Смысл персоналистичен: в нем всегда есть вопрос, обращение и предвосхищение ответа, в нем всегда двое... "Это не готовый для публикации текст, а план-конспект работы, полное изложение которой Бахтин, очевидно, собирался, но не успел написать. Многое здесь, быть может, и не сразу понятно без разъяснения в контексте целостного мировоззрения Бахтина и его совершенно оригинальной и как раз сейчас особенно нужной людям нравственной философии и эстетики. Это требует специального изложения (и даже – специального исследования), что, разумеется, совершенно невыполнимо в рамках настоящей статьи. Одно понятно каждому даже из приведенных отрывков: Бахтин не считал себя ни сторонником формальной школы, с которой непримиримо полемизировал всю сознательную жизнь, ни сторонником современного структурализма, с которым готовился спорить, рассматривая этот предстоящий спор как прямое продолжение старой полемики с формалистами. Другое дело, что и русская "формальная школа", и наиболее талантливые из структуралистов, с точки зрения Бахтина, заслуживают д и а л о г а, чего нельзя сказать о фальсификаторах и приспособленцах.

3.

Тема статьи "Достоевский против Канта" не обязывала автора высказываться о Бахтине. Тем не менее к Бахтину и его идее полифонического романа он возвращается еще раз, трактуя эту идею с таким поразительным непониманием, словно бы он не читал книгу Бахтина и 20 лет назад, когда — по собственному свидетельству — "готовил докторскую диссертацию по Достоевскому". "Можно сказать, что Голосовкер соглашается с тезисом о "многоголосности" романов Достоевского Михаила Бахтина, — пишет Михайлов. — Однако, добавим от себя, что в этом смысле вся художественная литература "полифонична", а там, где герои литературного произведения выражают только мысли писателя, — просто нет художественной литературы".

Но идея полифонии в романах Достоевского развита Бахтиным вовсе не "в этом смысле"! Взгляда, что "герои литературного произведения выражают только мысли писателя", придерживался в 20-е годы разве что В.Переверзев с его наивной и одновременно хитроумной попыткой применить марксизм к литературоведению. Этот взгляд даже и официально был признан вульгарным социологизмом; от "переверзевщины" молниеносно отреклись ближайшие ученики и последователи Переверзева — задолго до его "посадки". Бахтин не связан со взглядами Переверзева даже полемикой, хотя, разумеется, знал его книгу о Достоевском, тогда широко известную: эти взгляды не заслуживали диалога.

По мысли Бахтина, полифонический роман — это художественное открытие Достоевского, отличающее его романы от трудов предшественников и современников, даже самых великих. Полифонический роман противопоставлен традиционному "монологическому роману" (например, толстовскому). Художественное достоинство романов Толстого ничуть при этом не ставится под сомнение. Идея полифонии (как нового типа художественного мышления) неразрывно связана у Бахтина не только с эстетикой, но и с нравственной философией. Именно в его нравственной философии, составляющей основу и источник "эстетики словесного творчества", заключена живая душа теории "диалогизма" и "полифонии".

Как всякая слишком новая и сложная мысль, идея "полифонического романа", воплотившего новый "тип художественного мышления", не была понята во всем объеме и значении ни в 1929, ни в 1963 годах, хотя во второе издание Бахтин внес существенные разъяснения именно этого новаторского значения полифонии для всего словесного искусства в целом. Обдумывая, как полнее выявить связь поэтики и нравственных идей при переиздании книги о Достоевском, Бахтин в 1962 году так определяет главную заслугу романиста: "Художественное открытие человека-личности. Диалогическое отношение как единственная форма отношения к человеку-личности, сохраняющая его свободу и незавершенность. Критика всех в н е ш н и х форм отношения и воздействия: от насилия до авторитета; художественное завершение как разновидность насилия. Недопустимость обсуждения внутренней личности (Снегирева с Лизой в "Карамазовых", Ишполита с Аглаей в "Идиоте"; ср. более грубые формы этого в "Волшебной горе" Манна с Шоша и Пеперкорном; психолог как шпион)". (Эстетика словесного творчества, стр. 317).

Полифонизм у Бахтина неотделим от диалогизма и из него растет. Это — тоже плюрализм, но возможный лишь на очень высоком нравственном уровне взаимоотношений, когда "человек-личность" хочет и умеет хорошо слышать и отвечать д р у г о м у. По

Бахтину, без диалогического проникновения в мысль и личность другого, в сущность его идей — "человек-личность" не может даже и осознать себя, то есть не может стать личностью.

Как могло возникнуть не только неверное, но и несправедливое суждение о мыслителе такого масштаба, как М.Бахтин? Да еще не у случайного человека, а у профессионала, специалиста по Достоевскому? Похоже, что и тут сработало все то же предубеждение. По Михайлову, в России последнего полувека ничего крупного и значительного просто не могло появиться, во всяком случае — в сфере гуманитарной мысли и словесного искусства. Все значительное, что создала "русская философская мысль", было создано либо в начале века, либо "между двумя мировыми войнами", но такими философами, как Н.Лосский, Н.Бердяев, Л.Шестов, В.Розанов, С.Булгаков, С.Франк и другие. Эту обойму имен Михайлов дает трижды на протяжении небольшой статьи, утверждая, что люди "русского религиозно-философского ренессанса" — это "мыслители наступающего времени", — завтрашний день в развитии сознания всего человечества. (Такие имена как Вл.Соловьев и Н.Федоров, странным образом вообще не упоминаются в связи со значением "русской религиозной философии".)

Что же касается представителей словесного искусства и гуманитарной мысли внутри страны, то их словно бы и вовсе не было на свете. Михайлов готов признать некоторые заслуги лишь тех авторов самиздата и тамиздата, которые появились после Сталина (поскольку "в наше время многое изменилось уже и в Советском Союзе"). Но даже и эти авторы, очень скупо поименованные в статье, оказываются всего лишь чем-то вроде удобрения интеллектуальной почвы Запада, чтобы она смогла воспринять семена идей все тех же философов первой русской эмиграции: "Можно сказать, что Солженицын, Надежда Мандельштам, Андрей Синявский, а теперь уже десятки и десятки других писателей подготовили почву для понимания и восприятия русской философской мысли и что их произведения — эмпирическое для нее доказательство" (Разрядка моя. — А.Т.).¹ Только и всего! И перечисленные авторы, и опущенные им не более чем "эмпирическое доказательство" философских идей, высказанных на четверть века ранее, но зато — в эмиграции. О книгах, не только написанных, но и опубликованных в революционной России, очевидно, и говорить не стоит. Да стоит ли и читать их? Они ведь и на удобрение — ... то бишь на подготовку почвы в сознании просвещенного Запада — не могут пригодиться. В эту категорию и попали, по-видимому, книги Бахтина.

4.

К сожалению, не один Михайлов с таким великолепным пренебрежением относится ко всему созданному русской гуманитарной культурой, если это книги, опубликованные в СССР. Но Михайлов выгодно отличается от других тем, что обосновывает такой

¹ Чтобы облегчить читателю понимание сути полемики автора с М.Михайловым, здесь и ниже приводятся выдержки из работ Михайлова. Цитируемое место в статье "Достоевский против Канта" в более полном виде выглядит так: "Путь от марксизма и научного позитивизма они [русские философы] прошли на полвека раньше западных мыслителей. "Открытие" русской мысли на Западе явится таким же значительным духовным событием, каким было открытие советской диссидентской литературы. Можно сказать, что Солженицын, Надежда Мандельштам, Андрей Синявский и теперь уже и десятки других писателей подготовили почву для понимания и восприятия русской философской мысли и что их произведения — эмпирическое для нее доказательство". — Прим. ред.

взгляд еще и идеологически, выдвигая свою концепцию "планетарного сознания" — внационального и даже антинационального. Он объявляет не только русское, но всякое национальное чувство и национальное самосознание (а уж тем более всякое стремление к "национальному возрождению") — самым губительным и реакционным делом, — много хуже политики всех реально существующих тоталитарных режимов. В своих публицистических выступлениях он расширяет и возводит в степень "антинациональную идею", так что она получает религиозное и философское, политическое и даже автобиографическое обоснование, разрастаясь до размеров целостного мировоззрения.

Однако способы такого обоснования далеко не всегда убедительны, потому что ради стройности концепции М.Михайлову часто приходится выворачивать суставы терминам и понятиям. Ничуть не считаясь ни с этимологией, ни с семантикой слов, он дает собственные определения или истолкования понятий, настолько широко употребительных, что их обычные значения приводятся в толковых словарях. Например, в статье "Возвращение Великого инквизитора" ("Континент" № 28) Михайлов опровергает критерии национальной принадлежности, предложенные Солженицыным: "И даже национальная принадлежность, по Солженицыну, определяется 'не одним происхождением... но душою, но направлением преданности'". Это представляется Михайлову столь одиозным, что вызывает только насмешки. Между тем, что тут одиозного? Солженицын просто отделяет свое понимание дела от расистского, которое руководствуется "одним происхождением" ("этническим типом", "чистотой расы", составом крови и пр. в том же роде), возводя в число критериев национальной принадлежности также и субъективные факторы: душевный склад, "направление преданности". Последнее — вовсе не "идеологическая преданность" (как трактует Михайлов), а самая органическая: преимущественная заинтересованность в национальных судьбах, привязанность к родной земле, озабоченность положением и будущим родного народа, да просто — любовь к нему, к его языку и культуре, к душевному складу и формам общения. В приведенных словах Солженицына нет и тени национальной исключительности или вражды к другим народам; всего лишь признается право личности также и на национальное самоопределение, независимо от антропологических, генеалогических и любых других "объективных" критериев, которыми руководствуются при паспортизации тоталитарные режимы. Почему же такой яростный борец за права "каждой отдельной человеческой личности" отказывает ей в праве на национальное самоопределение?

Нет решительно никаких оснований подозревать Михайлова в расизме. По-видимому, понятие нации он отождествляет с этнической или племенной общностью. Следовало бы при этом, во-первых, чем-то отгородиться от расистских критериев — после Третьего Рейха это стало этической необходимостью; и во-вторых, "посчитаться" с другими, не менее распространенными истолкованиями этого понятия. Кроме "этнического", существуют "юридические" и "географические" критерии национальной принадлежности: по гражданству или по месту рождения. Существует и исторический подход к понятию "нация", а значит и к вопросу о критериях национальной принадлежности. Согласно этому взгляду, современные нации складывались веками из нескольких племен и многих этнических элементов. Как территориальное и государственное единство, связанное общностью языка и культуры, они сформировались сравнительно поздно, а некоторые формируются еще и сейчас. Современные нации и теперь сохраняют способность

адаптировать, органически вовлекать в себя целые племенные группы и отдельных людей самого различного происхождения и этнического типа. Судя по критериям национальной принадлежности, такого понимания дела придерживается и Солженицын. Этот взгляд, в случае несогласия с ним, несомненно, заслуживает возражений по существу. Как же полемизирует М. Михайлов? Сначала он "выводит" из солженицынского критерия национальной принадлежности явную глупость, из него отнюдь не вытекающую, а затем над этой же глупостью и насмехается: "Нетрудно себе представить, какое огромное число русских людей, то есть все, не разделяющие взгляды Александра Исаевича, включая Сахарова и Бердяева, а не только Брежнева, оказались бы исключенными из русского народа. Как это ни прискорбно, но все же и Леонид Ильич Брежнев по национальности — русский" ("Континент" № 28). Свидетельствует ли это об уважении к истине? Или хотя бы о терпимости к чужому мнению, казалось бы столь обязательной для плюралиста?

Между тем, именно "каждая отдельная человеческая личность" с ее правами, суверенностью и свободой — это главный, основополагающий принцип всех рассуждений Михайлова. Это все, что он противопоставляет таким, на его взгляд, вредным и опасным силам, как нация, государство, класс, церковь — всем исторически сложившимся формам человеческой общности. Такое противопоставление присутствует почти во всех определениях, на которые он так щедр: "Родина человека — это свобода, а не географическая, государственная или национальная принадлежность (Планетарное сознание, 1982, стр. 127). Нужно совсем не слышать корневой основы слов ("родина" — "род" — "родиться"); чтобы выдавать подобные сентенции.

И что понимает Михайлов под "свободой личности", противопоставленной всем ее человеческим связям? Только ли свободу слова и печати, свободу выбора информации и места жительства, свободу собраний и союзов, то есть совокупность гражданских свобод, охраняемых демократическим государством? Или это свобода самоутверждения и проявления всего, что окажется в составе индивида со всеми его "хотениями и почесываниями", как выражается один из персонажей Достоевского? Сначала речь шла как будто о чем-то третьем: о духовной свободе в терминах русской религиозной философии. Это свобода, к которой личность пробивается, преодолевая собственное несовершенство и давление обстоятельств: "... Победить зло красотой моей любви и строгого образа воздержания и управления собою", — писал об этом еще Достоевский. Но выступления Михайлова-плюралиста в последние годы провозглашают решительно ничем не ограниченную свободу личности как предварительное условие ее духовной свободы. Какое уж тут "строгое воздержание и управление собою". Идея самоограничения личности или народа признается величайшим злом, а "общемировая, интернациональная борьба в защиту прав человека" (в духе Картера в начале его президентства) — панацеей от всех зол. Слов нет, защита гражданских, политических прав человека — прекрасная вещь, особенно если она не сводится к словесному шуму, а дает живые результаты! Но ведь эти юридические права никак не тождественны ни духовной, ни творческой свободе и отнюдь ее не обеспечивают. Стоит ли смешивать эти вещи?

По некоторым признакам Михайлов требует свободы личности именно со всеми ее "хотениями и почесываниями", со всеми аппетитами и комплексами: "Ну, к примеру, Солженицын преклоняется перед идеей вечной России, а другой кто-нибудь предпочитает копченую колбасу. В демократическом обществе это нормальное явление, не вы-

зывающее никаких трений по той причине, что свобода отдельного человека является краеугольным камнем демократии”. (Планетарное сознание , 1982, стр. 118). Оба эти ”направления преданности” объявляются равноправными и равноценными стимулами поведения: иначе — какой смысл в таком противопоставлении? Разве что — в желании принизить и оскорбить национальное чувство? Да и тезис, будто предпочтение колбасы — национальным интересам ”никаких трений” вызвать не может, попросту неверен. Из преданности родине люди жертвуют собой. А вот слишком сильное пристрастие к колбасе или, скажем, — к наркотикам часто стимулирует не только грабежи, но и убийства, не говоря о других нарушениях законов, особенно при убеждении в неограниченности своей персональной свободы.¹

5.

Америка для Михайлова — высший образец демократии. Но по каким признакам? ”Именно в Америке не было ни традиций, ни государства, ни авторитарного воспитателя, ни примера, которому надо бы следовать, а была лишь неограниченная свобода и безграничные просторы... и вот именно это о т с у т с т в и е чего-либо ограничивающего суверенитет личности, кроме воли Божьей, — и создало то блестящее развитие страны, по отношению к которой не только Россия, но и вся Европа кажется убогим захолустьем”. (”Синтаксис” № 11, Безответственность и недомыслие). Дальше — пуще: по Михайлову, никто и никогда в истории Соединенных Штатов ”не вел к демократии, не обучал демократии, а просто свободные одиночки с оружием в руках, не признавая никакой суверенной власти над собою, ...отстаивали свою свободу”. (Там же).

Но, помилуйте: это — вовсе не характеристика демократии, хотя бы и американской, а прямое изложение принципа анархизма. Анархизм постоянно и повсюду угрожа-

¹ Ср. М.Михайлов, ”Планетарное сознание”, 1982, стр. 118, 127–128:

”В то время как демократический строй не устраняет возможности процветания национальных культур и национальной самобытности, — к примеру, Франция и Япония, — демократические страны, тем не менее это два различных мира, — общества, построенные не на демократическом, а на национальном принципе, то есть в которых идея и суверенитет национального бытия ставится выше прав отдельного человека, не могут не быть авторитарными. Ну, к примеру, Солженицын преклоняется перед идеей вечной России, а другой кто-нибудь предпочитает копченую колбасу. В демократическом обществе это нормальное повседневное явление, не вызывающее никаких трений по той причине, что свобода отдельного человека является краеугольным камнем демократии. Если же этим краеугольным камнем становится так называемое ”национальное бытие”, то само собой дело доходит до создания авторитарного строя, так как никаким другим путем невозможно заставить людей преклоняться перед одной единой ценностью или же делать вид, что они преклоняются... Родина человека — это свобода, а не географическая, государственная или национальная принадлежность. В борьбе с коммунистическим тоталитаризмом единственное реальное значение имеют только права человека, каждого отдельного человека и его духовной свободы, и борьба эта совершенно невозможна без духовного и религиозного возрождения, восстанавливающего высшую ценность — ценность каждой отдельной человеческой личности... Даже без постоянной угрозы коммунистического тоталитаризма совершенно немислима переделка планеты в том смысле, что каждый народ будет иметь свою отдельную территорию и государство. К счастью, для процветания национальных культур и традиций этого отнюдь не требуется. Требуется одно — плюралистическая демократия.” — Прим. ред.

ет здоровой демократии, ослабляя ее, расшатывая законность, усиливая произвол наиболее агрессивных "свободных одиночек". И Америка не составляет исключения. Во времена, когда государственная власть и авторитет закона были недостаточно сильны, "свободные одиночки с оружием в руках" действительно отстаивали свою свободу по собственному произволу. При этом они довольно успешно вытесняли и истребляли хуже вооруженное коренное население континента — североамериканских индейцев. "С оружием в руках" (а также с некоторыми другими орудиями насилия) они поддерживали рабство негров. Когда же позднее победила действительно демократическая государственность (кстати, — бы ли тогда люди, которые "вели к демократии"; за то они и стали национальными героями Америки), то ей долго еще сопротивлялись, осуществляя суды Линча и составляя для этого целые компании "вооруженных одиночек".

За "свободную" самостоятельность этих ребят, не желавших знать ни юридических ограничений своей "свободы", ни морального самоограничения, до сих пор расплачивается американское — действительно, самое демократическое в мире — общество и государство: до конца не изжитой расовой рознью; трудной работой по преодолению сегрегации; повышенным вниманием к соблюдению закона о гражданских правах, когда дело касается расового меньшинства. Расовые и национальные унижения не забываются в ряде поколений! Америка — самая последовательная демократия в мире, в частности, как раз потому, что требуют безоговорочного уважения к расовому достоинству своих граждан, к их национальному чувству и сознанию, пока они не только юридически, но и по самоощущению не станут просто американцами.

Свобода личности, понятая как отказ от всех и всяческих форм ограничения и самоограничения, слишком легко оборачивается своеволием и произволом: "свободой" одичалых страстей, низменных appetites, агрессивных амбиций. Между тем Михайлов сводит сущность и основу демократии к "суверенитету личности над обществом, государством, нацией": "Демократия и есть такой строй, в котором основой основ является суверенная личность" ("Синтаксис" № 11, Безответственность и недомыслие). Однако по прямому смыслу слова "демократия" — это "власть народа", "народовластие". Это — форма правления, государственный порядок. И именно такой порядок, который обеспечивает преобладание интересов человеческой общности, заключенной в понятии "народ", над любыми претензиями отдельных личностей на своеволие за счет других. Требовать, чтобы свобода "каждой отдельной личности" ставилась юридически и морально выше интересов демократического государства, его суверенитета и свободы, — это значит призывать демократию к самоуничтожению.¹

¹ Ср. М. Михайлов, "Безответственность и недомыслие", журн. "Синтаксис", № 11:

"Основа бытия, источник всякого творчества — не общество, не нация или класс, не государство или раса, а исключительно — личность, в которой, религиозным языком говоря, заложен образ, созданный Творцом. Демократия и есть такой строй, в котором основой основ является суверенная личность... Вся суть демократии в разделении властей в интересах того, чтобы не была разделенной личностью, как в авторитарных, а тем более тоталитарных странах, и влияние главы государства не затрагивает почти что никак сферу жизни рядового человека... Все это, конечно, отнюдь не значит, что саму идею демократии нельзя критиковать. Однако восхваляя авторитарный строй, необходимо ясно сказать — кто и почему должен решать вместо

Предложенная Михайловым под псевдонимом "плюралистической демократии" идея полного безвластия, "освобождения" от всякой государственности и законности — это не более, чем анархическая утопия, которая вполне отвечает духу и идеалам кабинетного российского анархизма. (Анархизм не кабинетный немедленно выдвигал "батьков" и "атаманов", весьма деспотичных). "Анархия — мать порядка"; князь Кропоткин придерживался чисто просветительского представления, будто беспредельная свобода автоматически приведет каждого участника анархической вольницы к отказу от зла. К тому же, естественно, приходит и Михайлов, с поправкой на "обстоятельства", жестокая власть которых столь очевидна в наш жестокий век: "Вот это доверие, что люди свободные не будут делать зло, а только в обстоятельствах, когда они к этому принуждены — это, по-моему, является основой всякой демократии и всякого плюрализма" ("22", № 30, Мир свободы и плюрализм). Но где же критерий "принуждающей" к злу силы обстоятельств? Михайлов не замечает, что его оговорка об обстоятельствах, принуждающих к злу, уничтожает исходный тезис о свободе, автоматически рождающей победу добра.

И опять-таки: о какой свободе идет речь? Духовной свободы, предварительным условием которой является не преодоление, а внешнее устранение всех "принуждающих" к злу обстоятельств, на свете не бывает: она всегда — результат внутренних усилий, духовного развития личности, вопреки давлению обстоятельств. Если же здесь имелась в виду свобода чисто юридическая, закрепленная законами и охраняемая демократическим государством, то она совершенно не обеспечивает отказа "каждой отдельной личности" от зла; это известно, в частности, из опыта США.

6.

Определений и характеристик плюрализма у Михайлова множество, как положительных — через тождество, так и отрицательных — через противопоставление: "Я пришел к такому выводу: свобода и есть плюрализм! Это синонимы. И никакой свободы нет там, где есть единомыслие, совершенно все равно какое: христианское, исламское

каждого из нас. Кого и почему мы все должны признавать лучше знающим, чем мы сами — что нам нужно... Старая поговорка гласит, что абсолютная власть абсолютно развращает. Думать надо о том — как создать в России такие общественные институты, которые не позволят никогда, никому взять монополю власть в свои руки. Совершенно верно, что истина только одна, однако у каждого свой путь к ней. Когда какой-либо авторитет (хуже всего, если — христианский, церковный) отбирает у людей возможность своим путем искать и находить Истину и даже заблудаться, — тогда Истину можно найти исключительно в сопротивлении такому авторитету. Нельзя забывать крылатых слов Бердяева, что "авторитарность есть антихристово начало"... Идея демократии — отнюдь не западная, а всечеловеческая, лишь впервые расцветшая на Западе. Сказать, что демократия лишь западная идея, как говорят русские авторитаристы и недалекие западные деятели, — значит то же, что сказать, что философия и геометрия — греческие идеи, а взрывчатые вещества — типично китайская специальность... Верно, что человек достигает высочайших духовных вершин в жертве даже собственной жизни за надличные цели и ценности. Однако только тогда, когда он это делает по своей свободной воле. Поэтому свобода, а не власть является предпосылкой создания и осуществления всех вообще ценностей человеческой жизни." — Прим. ред.

или какое хотите” (“22”, № 30, Мир свободы и плюрализм). И еще одно отрицательное определение: плюрализм существует “только там, где есть свобода для личности, а не для народа, класса и т.д.” (Там же). Как же, однако, обеспечить свободу личности, отказав в свободе народу и обществу, нации и общественным классам? И для чего им отказывать в свободе? Чтобы вдруг не случилось единомыслия по какому-нибудь жизненному вопросу?

Распространяя принцип плюрализма вширь и вглубь, Михайлов захватывает также высшие сферы идеологии, религии и пр. Здесь тоже над поисками идей, способных объединять людей, торжествует бесконечное разделение.

“В пределе плюрализм охватывает, конечно, практически всех людей, потому что нет в мире двух людей, которые одинаково бы думали и чувствовали... И поэтому плюрализм — это: сколько людей, столько и идеологий, сколько людей, столько, если хотите, и политических положений. И вот такой плюрализм для меня является высшей ценностью” (“22”, № 30, Мир свободы и плюрализм) [Выделено мной. А.Т.]. Вот и приехали: сколько голов, столько и умов; сколько умов — столько свободных мнений и “политических положений”, идеологий и истин... Иначе говоря, “новейший” плюрализм оборачивается на наших глазах старинным философским релятивизмом!¹

С самим понятием “истины” у Михайлова довольно сложные отношения. С одной стороны, мы узнаем, что “истина не может быть найдена голосованием, однако нигде никто никогда и не ищет истину голосованием. Голосованием определяются цели и методы демократического общества, что, конечно, не имеет ничего общего с поисками истины. И нет ничего хуже и опаснее, как связывать политическую и государственную жизнь с вопросом об истине” (Планетарное сознание, стр.119)². Здесь слово “истина” пишется с маленькой буквы, потому что имеется в виду, так сказать, неистинная истина — все равно, идет ли дело об “единственно истинном марксистском мировоззрении” или о “вечных, непреходящих истинах православной церкви”. Но в мировоззрении Михайлова все же находится место и для Истины с большой буквы: “Совершенно верно,

¹ Ср. у М. Михайлова: “Я пришел к такому выводу: свобода и есть плюрализм! Это синонимы. И никакой свободы нет там, где есть единомыслие, совершенно все равно какое: христианское, исламское или какое хотите, — нет и быть не может... И нам, мнящим себя борцами с тоталитаризмом, логично было бы поддерживать всякий плюрализм, всякую оппозицию, даже в нашей среде... Иными словами, оппозиция сама по себе есть добро. И общество или даже сообщество, в котором нет оппозиции, — это уже прямая дорога к тоталитарному строю, даже когда речь идет о совсем маленьких сообществах. Поэтому я всегда ужасаюсь, встречая где-либо попытки введения единомыслия... Так что сущность гомо советикуса — отнюдь не в идеологии или направленности, сущность — в монолизме, то есть недопущении “другого”. И в этом смысле, к сожалению, всем нам приходится бороться — и главным образом в самих себе — с остатками гомо советикуса или гомо югославикуса, как хотите... И в русском диссидентском движении эти остатки тоже существуют — как в национально-авторитарном, грубо говоря, так и в либерально-демократическом крыле.” (“Мир свободы...”, журн. “22”, № 30). — Ред.

² В полном виде фраза у М. Михайлова имеет следующий вид: “Солженицын, конечно, прав, что истина не может быть найдена голосованием, однако нигде никто никогда и не ищет истину голосованием.” (Далее — по тексту цитаты.) — Ред.

что истина только одна, однако у каждого свой путь к ней. Когда какой-либо авторитет (хуже всего, если — христианский, церковный) отбирает у людей возможность своим путем искать и находить Истину и даже заблуждаться, — тогда Истину можно найти исключительно в сопротивлении этому авторитету” (“Синтаксис”, № 11). Как видим, с большой буквы Истина пишется лишь когда она — протест личности против какого бы то ни было “единомыслия” между людьми. Что касается тревога за “возможность” заблуждений, которую кто-то хочет отобрать у личности, то это тревога совсем уж напрасная: чего-чего, а возможности заблуждений никому не удавалось “отобрать” у человека, да и у человечества! Заблуждения энергично насаждают, распространяют и консервируют, в частности, путем дезинформации. Есть люди, пытающиеся противостоят заблуждениям: распространять правдивую информацию, воспитывать в духе культуры и уважения к ней, пробуждать жажду истины и обучать грамоте интеллектуального труда и т.д. Тут обращение к традициям и даже к авторитетам нередко помогает. Однако результаты этого просветительства тонут в морях человеческих заблуждений и невежества.

Сама по себе потребность выстроить цельное мировоззрение, свойственная Михайлову, для меня лично даже привлекательна. Бердяев справедливо отмечал, что потребность в цельном мировоззрении и способность увлекаться идеями — это типовой признак российского интеллигента, по которому “можно даже определять принадлежность к интеллигенции”: “Многие замечательные ученые специалисты, как например, Лобачевский или Менделеев, не могут быть в точном смысле причислены к интеллигенции, как и, наоборот, многие, ничем не ознаменовавшие себя в интеллектуальном труде, к интеллигенции принадлежат” (Русская Идея, 1971, стр. 33). Среди пишущей российской эмиграции все больше появляется людей, которые вполне удовлетворяются профессионализмом и легко обходятся без цельного мировоззрения: из российских интеллигентов они стремительно превращаются в западных интеллектуалов. Но тот же Бердяев отмечал и другую, не менее важную особенность русской интеллигентской традиции: способность ощущать себя общественной совестью, ответственной перед своим народом. Отвергая обязательства “свободной личности” перед народом (или какой бы то ни было человеческой общностью), Михайлов по существу отрекается от этой традиции.

7.

Логическая стройность и последовательность “планетарного сознания” Михайлова достигается крайней отвлеченностью понятий, которыми он оперирует. Это какие-то понятия-оборотни, понятия-личины. Что означает у него понятие “личности”? Это любая человеческая особь, каждый житель планеты? Или имеются в виду только люди, осознавшие себя личностями? Или имеется в виду лишь, по слову Достоевского, “сильно развитая личность”, которая причастна к высшим ценностям духовной жизни, наделена собственной внутренней биографией? То же и с понятием “свободы”. Тут смешиваются и взаимозаменяются: свободы политические, тождественные с правами человека в юридическом смысле; духовная свобода; своеволие “вооруженных одиночек”, не признающих никаких авторитетов и ограничений или самоограничений. Из таких понятий-оборотней выстраиваются цепочки тождеств: демократия-свобода личности-плюрализм и т.д., а в перспективе — не знающее зла “плюралистическое планетарное человечество”.

Этому положительному полюсу противопоставлена другая цепочка понятий, воплощающих отрицательный полюс: нация, государство, народ, историческая церковь, а также "единомыслие", "авторитет" и пр., что в перспективе должно привести к национально-религиозному тоталитаризму. В "Планетарном сознании" это противопоставление понятийных цепочек — антиномия: совершенно неподвижная, а потому еще более абстрактная, чем понятия, послужившие ей строительным материалом. К текущему дню реальной истории эта схема решительно неприменима. Между тем она претендует на применение, выдвигаются политические требования именно к демократическим режимам, — например, требование дальнейшего безграничного расширения прав личности за счет общества и государства; или требование отказаться от национальных интересов во внешней политике и т.д.

Спору нет, развитие человечества идет ко всемирной общности судеб, к необратимой взаимной зависимости всех стран и народов: в экономике и движении научной мысли, в средствах коммуникации и направлении демографических процессов. Это так хотя бы уже потому, что разрушение среды обитания и угроза атомной катастрофы — опасности глобального порядка. Необходимость преодоления расовой и национальной, религиозной и государственной вражды, всемирное единение человечества — задача назревшая и общепризнанная. Вопрос в том, что может этому способствовать, а что лишь углубляет разделение и рознь. Вся концепция "планетарного сознания" и строится во имя "планетарного плюралистического человечества". Однако, если это даже не очередная, лишь слегка подновленная утопия, то разрушение всех исторически выработанных связей, всех способов духовного объединения людей ведет к противоположному результату: к разъединению и распаду как личности, так и человеческого сообщества. Поэтому "Планетарное сознание" не ведет к единению "планетарного человечества". В частности и потому, что отвергает национальное сознание и чувство, которое для подавляющего большинства сегодняшнего человечества является не только идеей, но органическим душевным свойством. Умение любить свой народ и страну, свой язык и культуру, природу и историю, способность принимать близко к сердцу судьбу национального целого — это не препятствие, а необходимая стадия, естественная ступень к тому всечеловеческому единству, когда и д е я любви к человечеству станет столь же органической сердечной заинтересованностью, оправданной чувством и душевной преданностью, как ныне национальное чувство. Путь к этому лежит только через уважение к национальному достоинству, через братское отношение к другим народам.

Разумеется, это ничуть не оправдывает сторонников и носителей национальной розни. Идеи и страсти, основанные на утверждении национального превосходства или национальной исключительности, расизма или антисемитизма, конечно, особенно опасны в наше время. Но вовсе не потому, что "в с я к и й национализм, всякое общество, построенное на началах националистических, не может не быть антисемитским" (Планетарное сознание, стр. 111). [Подчеркнуто мною. — А.Т.] Кстати сказать, поскольку Израиль — это "общество, построенное на началах националистических", современная "антисионистская" и "антиизраильская" (а на самом деле — антисемитская) пропаганда в Советском Союзе ведется по той же логике: сионисты приравниваются к немецким "наци", а Израиль — к Третьему Рейху. По существу следовало бы носителей национальной вражды называть "шовинистами" — в соответствии с "банальным" словарным определением. Само слово "национализм" в восприятии советских людей скомпрометировано пропагандным словоупотреблением, приравнивающим его к шовинизму (например,

клише: "Против великодержавного шовинизма и буржуазного национализма"). Тем не менее в словаре Ушакова дано более точное соотношение этих понятий: "Шовинизм — крайний национализм, проповедующий ненависть, презрение к другим народам и разжигающий национальную вражду".

Национальное сознание бывает различным до противоположности, как по идейному, так, в особенности, по эмоциональному содержанию, а поэтому и по общественной роли. Распространенность "смешанных" его вариантов не должна вести к смешению национального сознания как "направления преданности" с национальной агрессивностью, ксенофобией и расизмом.

8.

Я не вижу, что может быть общей почвой для умственной жизни и духовного выживания русской эмиграции, обреченной на общую судьбу — на существование в биографически безнадежной диаспоре, кроме озабоченности дальнейшей судьбой России и ее культуры. Нас может связывать — даже в спорах — потребность прислушиваться к пульсу русской жизни и служить ей неподцензурным словом: неотступная память о том, что мы — для нее, а не сами для себя, для самообслуживания эмигрантских общин. Можно ли сказать, что для этого существуют и непрерывно плодятся газеты и еженедельники местного значения, если они озабочены больше всего тем, чтобы помочь своим читателям побыстрее стать неотличимыми в новой "среде обитания".

Конечно, не всякий плюрализм принципиально отрекается от национальных интересов и национального чувства. Здесь тоже существуют разные тенденции и возможности. Решительные возражения вызывает лишь тот "плюрализм без берегов", который почитает национальное чувство злостным пережитком, а в области гносеологии и этики сливается с релятивизмом — с отказом от поисков общезначимой истины и от всякой иерархии ценностей, объединяющей людей. Но возможен ли плюрализм, который не толкает на разъединение и раздоры, не рвет связующих идейных и общественных нитей? Не только возможен, но и существует, в политике, например. Это плюрализм, который не приемлет однопартийной системы с неизбежными ее спутниками: драконовской цензурой, претензией на монополию в области идеологии, диктатом в науке и культуре.

Что касается сферы философии, этики, эстетики и т.д., то и здесь уже существует плюрализм, который способен сближать и связывать людей самых различных взглядов. Его можно было бы назвать "плюрализмом взаимопонимания". Это снова возвращает нас к Бахтину к его идеям диалогизма и полифонии, которые уже им самим развиты не только в "эстетике словесного творчества", но и в области нравственной философии. Бахтин писал: "Узкое понимание диалогизма как спора, полемики, пародии. Это внешне наиболее очевидные, но грубые формы диалогизма. Доверие к чужому слову, благоговейное приятие, (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, с о г л а с и е, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивание смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п. Эти особые отношения нельзя свести ни к чисто логическим, ни к чисто предметным. Здесь встречаются ц е л о с т н ы е позиции, целостные личности" (Эстетика словесного творчества. стр. 300)

Но даже и споры бывают разные. Бахтин устанавливает целую иерархию различных типов спора — в зависимости от их нравственного уровня. Эта типология споров настолько важна для разъяснения "плюрализма взаимопонимания", что ее стоит привести, следуя от низших форм к высшим: "В риторике есть безусловно правые и безусловно виноватые, есть полная победа и уничтожение противника. В диалоге уничтожение противника уничтожает самую диалогическую сферу жизни слова... Сфера эта очень хрупкая и легко разрушимая". (Эстетика словесного творчества, стр. 356). В споре на "уничтожение противника" взаимодействие сознаний не является его сущностью: это вообще еще не диалог. Но существует и высокая риторика, совместимая с диалогом: "Риторический спор — спор, где важно одержать победу над противником, а не приблизиться к истине. Это низшая форма риторики. В более высоких формах добиваются решения вопроса, могущего иметь временное историческое решение, но не последних вопросов (где риторика невозможна). (Эстетика словесного творчества, стр. 357) [Выделено мной — А.Т.]

Диалог по "последним вопросам", связанным со смертью и бессмертием, со смыслом человеческой жизни и иерархией нравственных ценностей, — это высшая форма диалога, доступная на том уровне развития духовной жизни, которую Бахтин только и считает личностным уровнем. Этот "незавершимый полифонический диалог" заключает в себе взаимодействие не только интеллектуальное, но захватывает всего человека. В результате такого диалога часто меняются внутренние судьбы личности, даже если единомыслия при этом спорящие вовсе и не достигли. Полифонический диалог незавершен потому, что принципиально незавершимы внутренние судьбы личности, по крайней мере пока человек еще жив. Но этот личностный уровень внутренней жизни и диалогического общения не дан человеку, а только задан. Он вырабатывается, как в биографическом, так и в историческом смысле. Зато плюрализм "миров сознания" на уровне человека-личности безграничен: они никогда не совпадают полностью, хотя обогащаются, расширяют кругозоры, находят свои внутренние пути только в диалоге-взаимодействии с другими "мирами сознания". Для наших споров о судьбах страны и мира такой диалогизм необходим лишь как ориентир и перспектива, как напоминание о иерархии ценностей.

Все наши споры идут по вопросам, разрешимым в пределах исторического времени, и потому плодотворны лишь при условии, что ведутся они ради приближения к истине. Здесь недостаточно даже простой терпимости по отношению к чужому взгляду (которой тоже нам всем так недостает). Нужно еще желание понять противника, а порою и усомниться "в несравненной своей правоте". Пожалуй, одной верности уровню "высокой риторики" (стремлению приблизиться к истине, принятому как общая цель спора) мало в нашем эмигрантском положении. У нас есть моральные обязательства не только друг перед другом, но и перед страной, которую покинули, перед народом, к которому себя тем не менее причисляем, перед людьми, оставленными там...

Этической необходимостью для каждого, пишущего здесь, является всемерная поддержка всего сколько-нибудь ценного, что удастся создать и опубликовать там, несмотря на неизмеримо более тяжкие условия. Да, несмотря на цензуру и самоцензуру, на дезинформацию, на опасность поплатиться даже не "за политику", а за любую творческую, интеллектуально независимую работу, в России чудом сохранена высокая культура гуманитарной мысли и словесного творчества, издательского дела, архивных и текстологических разысканий, — рядом с горами халтуры и складами свеженапеч-

чатанной макулатуры. Это — факт бесспорный, хотя и не общепризнанный. Между тем пренебрежение ко всему, что опубликовано в России, третирование подцензурной литературы как "официальной", распространяется, словно эпидемия, среди авторов всех трех эмиграций.

Третья эмиграция грешна более других, поскольку здесь ощутима утрата не только исторической, но и биографической памяти. Каждый третий "избравший свободу" журналист считает себя лишь на этом одном основании большим пушкинистом, чем все советские пушкинисты, лучшим знатоком русского языка, чем все советские языковеды (искусствоведы, литературоведы) и пр. Такие авторы позволяют себе ругать кого угодно, не разбирая ни научных заслуг, ни литературной судьбы и действительной ценности работ попавшего под руку "подцензурного автора". Кажется, ни одна национальная эмиграция не проявляет "антиноста́льгии" в такой болезненной форме. У так называемых авторитаристов все это встречается ничуть не реже, чем у плюралистов. Но способ идейного обоснования такого неуважения к истине и такого высокомерного отношения к тяжелому и опасному труду людей русской культуры на родине у них существенно иной. Это, однако, тема отдельной статьи. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 40 ЛЕТ НАЗАД

ВЫПАД КЛАССОВОГО ВРАГА

Зажим селькоровской критики, избивение колхозных активистов, выступавших на собраниях и в печати — таковы проявления классовой борьбы во время чистки в Семеновском районе Черниговской области. На днях чужаки с партбилетами в кармане — член сельсовета села Карповичи Черныш, председатель колхоза им.Первого мая Ничипоренко и бригадир колхоза Вишняк с благословения председателя сельсовета Коновалова и парторга колхоза Крищенко незаконно арестовали ночью колхозника, бывшего председателя сельсовета Бондаренко и публично избили до полусмерти его и жену.

Избивение сопровождалось криками: "Вот тебе чистка партии, вот тебе генеральная линия, вот тебе кулацкий хлеб!" Избили Бондаренко за то, что он собирался разоблачить на чистке классового врага.

"Известия", 12 июля 1944 г.

В переполненном клубе строителей Уралмашзавода начался судебный процесс по делу о поджоге кузнечно-прессового цеха завода. По данным обвинительного заключения установлено, что поджог кузнечно-прессового цеха совершен кучкой злостных классовых врагов-диверсантов. Контрреволюционная организация была создана на Уралмашзавода бывшим главным инженером Фидлером еще в период строительства завода. После смерти Фидлера она возглавлялась его заместителем Баландиным. В начале строительства курс был взят на затягивание стройки путем неправильного планирования и омертвления капиталов, для чего приобреталось за границей дорогостоящее оборудование. С момента пуска завода курс был взят на диверсионные акты — разрушение оборудования и стремление всячески препятствовать освоению производства. Контрреволюционная организация была тесно связана с заграничным концерном машиностроительных фирм, от которых получала указания и которыми обильно финансировалась.

"Известия", 27 июля 1944

КОЕ-ЧТО О БЕГЛЕЦАХ

Бежит народ. Со страшной силой бежит. Бежит, как сказал однажды поэт, быстрее лани. Да что там лань! Лань — животное, конечно, быстрое, но все же скорость его ограничена. Так вот, летчик Виктор Биленко (помните?), он несколько лет назад в Японию на своем МИГе быстрее звука бежал. Тогда еще анекдот о новой рекламе Аэрофлота родился: "Один МИГ — и вы в Японии".

Ну, анекдотов по поводу бегства советских людей и их социалистических братьев на Запад было немало. Помню, когда-то шел вокруг Европы польский туристский корабль "Стефан Баторий". Пассажиры бежали с него чуть ли не в каждом порту, поодиночке и группами, так что корабль почти опустел. Тогда поляки острили, что его надо называть не "Стефан Баторий", а "Легучий голландец". А после бегства некоторых артистов балета родилась шутка: "Что такое Малый театр? Это Большой театр после заграничных гастролей".

Но шутки шутками, а люди бегут. И какие люди! Артисты, дирижеры, режиссеры, гроссмейстеры, заслуженные мастера спорта, доктора всевозможных наук, орденосцы, лауреаты, депутаты, дипломаты и, само собой, работники Комитета государственной безопасности. Ну, эти-то бегут, пожалуй, больше других. Из них уже можно было бы создать хорошую команду по бегу с препятствиями. Бегут мелкие сошки и большие чины. Даже заместитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Аркадий Шевченко, и тот сбежал. А совсем недавно, говорят, генерал-лейтенант в полной форме перешел турецкую границу пешком. Ну, и последний случай с корреспондентом "Литературной газеты" Олегом Битовым.

Казалось бы, какие люди! Проверенные! И в местной партийной организации их проверяли. И на райкоме характеристику утверждали. И выездная комиссия ЦК и КГБ всю подноготную бдительно изучала. И все, как говорится, было в ажуре. И социальное происхождение, и служебное положение. Политически выдержан, морально устойчив. Производственные задания выполняет. На собраниях выступает. В субботниках участвует. Жене не изменяет. Судимостей, выговоров и венерических болезней не имеет, партийные взносы платит вовремя. И вот, имея такие прекрасные по всем статьям показатели, человек все же бежит.

У меня вот один знакомый был. Режиссер. В документальном кино работал. Так он однажды фильм о балете снимал. Начал снимать одного солиста, ему говорят: "Нет, этого не надо, он нехороший". Потому что он однажды письмо какое-то нехорошее подписал. Так вот, режиссеру говорят руководящие товарищи: "Вы этого не снимайте, он плохой, а снимайте такого-то, вот он — хороший. Он у нас народный талант, национальное достояние, прыгает выше других, на политических информациях регулярно присутствует, общественную работу как депутат горсовета ведет и вступил кандидатом в партию." Ну, режиссер, конечно, советский, и сам тоже политически выдержан и морально устойчив. Что скажут, то и делает. Так он этого нехорошего вырезал, а на хорошего километра два пленки еще извел. Довольный собой, бежит показывать свой шедевр начальству.

Садятся они в темном зале. Гасится свет, играет музыка, на экране почти что голый возникает кандидат в члены КПСС и так подпрыгивает, словно его уже в действительные члены произвели. Режиссер косит взгляд на начальство, начальство косит взгляд на него и, даже в темноте видно, хмурится. А потом и говорит: — Это кого ж ты нам

показываешь? — Как кого? Это же этот ... — и называет фамилию. — Наш несравненный народный талант и народное достояние, кандидат в члены и депутат горсовета. — А ты знаешь, что этот депутат не далее, как вчера, политическое убежище попросил? — Не может, — режиссер говорит, — быть! Не могу себе даже этого представить? — Ты что же, иностранное радио, что ли, не слушаешь? — Нет, нет, что вы! — говорит режиссер. — Сам не слушаю и детям своим не разрешаю такую дрянь слушать. А насчет артиста, так вы же сами сказали, чтобы не этого снимал, а вот этого. — Это он, конечно, сказал, не подумавши. Лучше бы он возвел на себя напраслину, признался, что слушает иностранное радио. А он вместо этого намекнул начальству, что оно само в промашке такой виновато. И дело для него очень печально кончилось. Вышел по его поводу секретный приказ. Картину смыть. Режиссера от работы в кино отстранить, выговор ему за притупление политической бдительности и протаскивание на экран сомнительных личностей залепить.

Режиссер сам после этого стал политически не выдержан и морально не очень устойчив. Запил, опустился, бороду отрастил, радио иностранное стал слушать. Потом, правда, исправился. Пить перестал, бороду сбрил, "Спидолу" свою в комиссионку отнес. Стал опять посещать собрания, по членским взносам всю задолженность уплатил, и никакого радио. Только хоккей и фигурное катание по телевизору смотрит, и когда наши побеждают, кричит "ура" так, что даже соседям слышно.

Начальство видит: все-таки свой человек. Ну, споткнулся в свое время, конечно, но с кем не бывает. Сняли с него опалу, стали работенку подкидывать. А потом уж, войдя в полное доверие, режиссер и вовсе обнаглел и подал заявку на очень необходимый сегодня фильм. "По ленинским местам" фильм должен был называться или как-то в этом духе, я, признаться, точно не помню. А места эти, ленинские, они, как известно, в большинстве своем за рубежами нашей отчизны находятся. Потому что товарищ Ленин в свое время был тоже как бы невозвращенец. И от царской власти скрывался — и в Цюрихе, и в Женеве, и в Париже, и в Лондоне.

Начальство, конечно, заколебалось немного. Все же ошибку когда-то допустил. Но потом посмотрели на него так и эдак. И анкета — как стеклышко, и к спортивным нашим успехам равнодушен, и кто секретарь французской компартии, знает, и в моральном разложении проявляет сдержанность. Ну, объяснили ему, чтобы он там на провокации не поддавался, в связи с лицами враждебного пола не вступал, в магазинах на товары не набрасывался, а если спросят про Сахарова, надо отвечать: "Лично с ним не знаком и ничего хорошего о нем сказать не могу". А про Афганистан следует говорить: "Я точно не знаю, где это, но слышал, что ограниченный контингент временно помогает крестьянам в уборке хлопка и ремонте дорог."

Выдали ему в ОВИРе заграничный паспорт, выдали в банке ограниченную сумму валюты, продали в Аэрофлоте билет в два конца. Один конец оказался лишним. Он и до сих пор по ленинским местам передвигается. Цюрих—Женева—Париж—Лондон.

Так вот я и говорю, за границу-то у нас не каждого пускают. Отбирают самых достойных, самых проверенных, а они-то как раз и бегут. Правда, когда сбежит такой вот проверенный, тут-то и выясняется, что он, такой-сякой, и доллары любит, и джинсы носит, и на женщин легкого поведения падок, а бывает, даже и к особам собственного пола неравнодушен.

Ну, конечно, на все большие мозоли невозвращенца нажимают, близких родственников заставляют рыдать на страницах газет, специальные представители ищут с беглецом встречи, поют сладкими голосами: вернись! Родина тебе все простит и к тому, что у тебя было, еще что-нибудь добавит, а не вернешься, такой-сякой (тут следуют шепотом всякие сильные выражения), мы тебя все равно, где бы ты ни был, достанем.

И, само собой, начинают попрекать его каждым куском, который дала ему партия: и образованием, и воспитанием, и дачами, и автомобилями, и тем, что к распределителю

был приставлен. И чего, говорят, ему не хватало? А ему, может, свободы не хватало. Не той, которая осознанная необходимость, а той, которая осознанная или даже неосознанная потребность. А может, он от этого вашего распределителя и сбежал? Может, ему стыдно бывало выходить из вашего секретного заведения с куском салями или осетрины, завернутыми в серую бумагу, чтобы не кидалось в глаза? Может, ему противно было проходить унижительную процедуру проверки лояльности, которой подвергается каждый, собравшийся выехать за рубеж? Может, у него язык не поворачивался сказать, что он не знает, кто такой Сахаров и где находится Афганистан.

И вот еще что интересно: а почему к нам-то никто не бежит? Если у нас все так хорошо: и безработицы нет, и квартиры дешевые, а медицина и вовсе бесплатная, и человек человеку — друг, товарищ и брат. Но вот приезжают в страну своей мечты то Анджела Дэвис, то Жорж Марше, то Джеймс Олдридж, то еще какой-нибудь иностранный товарищ заявится. А его ведь встречают не то что нашего за границей, его на длинной машине возят, в лучшей гостинице поселяют, красоты всякие показывают, черную икру на красную намазывают. А они покрутятся здесь, покрутятся, да и отправляются восвояси. Не бегут. Хотя их никто не проверял. Хотя в их странах никаких выездных комиссий не существует. А может, как раз поэтому? Может, все эти выездные комиссии и есть одна из причин, по которым люди бегут? Потому что, если вам хочется навестить дядюшку в Лос-Анджелесе или тетушку в Амстердаме, или только провести пару недель на берегу Средиземного моря, гораздо приятнее просто взять билет на самолет и не клясться, что будешь бдительным, будешь давать отпор, а к улыбке встречной женщины относиться как к заранее запланированной провокации.

Ну, а если уж никак нельзя жить без выездной комиссии, то секретным товарищам, которые там работают, я хотел бы дать очень полезный совет. Надо усилить бдительность. Надо отбирать кандидатов из кандидатов. В первую очередь убежденных коммунистов, активных общественников. Внимательно изучать их анкеты, характеристики, донесения осведомителей. И когда будут отобраны самые преданные, самые достойные, лучшие из лучших, их-то как раз за границу ни в коем случае не выпускать. Потому что, как я заметил, именно они чаще всего и бегут. ●

ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ — Я ГРАЖДАНИН! 500 РУБЛЕЙ И 50 КОПЕЕК

Из постановления Совета Министров СССР о ставках государственной пошлины

Наименование документов и действий, за которые взимается пошлина	Размер ставки
за выдачу гражданам СССР и лицам без гражданства документов на право выезда за границу:	
в социалистические страны	30 рублей
в другие страны	200 рублей
за выдачу визы в иностранному паспорту или заменяющему его документу на выезд из СССР или въезд в СССР:	
граждан стран, не состоящих с СССР в дипломатических отношениях	10 рублей
граждан других стран	1 рубль
с заявлений о приеме в гражданство СССР.	50 копеек
с заявлений о выходе из гражданства СССР:	
лиц проживающих в СССР и имеющих намерение выехать в последующем	
в социалистические страны	50 рублей
в другие страны	500 рублей

Председатель Совета Министров СССР А. Косыгин
Управляющий делами Совета Министров СССР М. Смиртюков

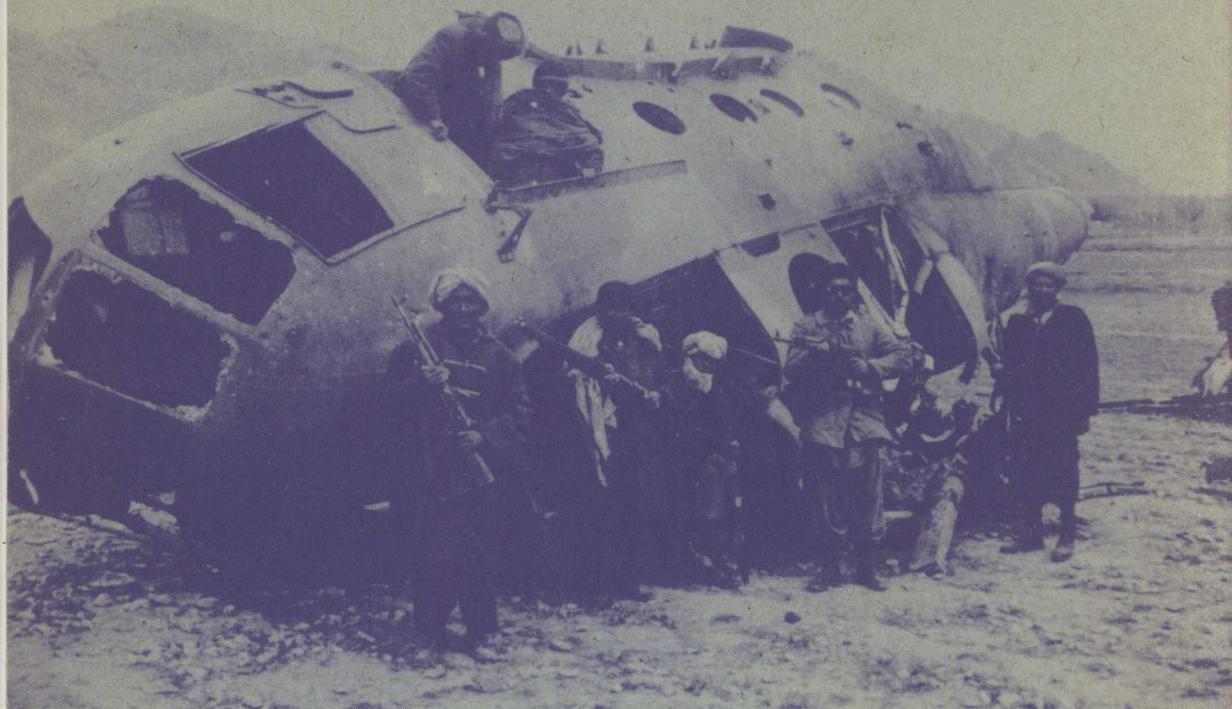
Избегнуть смерти нетрудно, афиняне, а вот что гораздо труднее — избежать нравственной порчи: она настигает стремительней смерти. И вот меня, человека медлительного и старого, догнала та, что настигает не так стремительно, а моих обвинителей, людей сильных и проворных, — та, что бежит быстрее, — нравственная порча. Я ухожу отсюда, приговоренный вами к смерти, а они уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости. И я остаюсь при своем наказании, и они при своем. Так оно, пожалуй, и должно было быть, и мне думается, что это в порядке вещей.

А теперь, афиняне, мне хочется предсказать будущее вам, осудившим меня. Ведь для меня уже настало то время, когда люди бывают особенно способны к прорицаниям, — тогда, когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, афиняне, меня умертвившие, что тотчас за моей смертью постигнет вас кара тяжелее, клянусь Зевсом, той смерти, которою вы меня покарали. Теперь, совершив это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, обратное: больше появится у вас обличителей — я до сих пор их сдерживал. Они будут тем тягостней, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, умерщвляя людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живете неправильно, — то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты и не вполне надежен, и нехорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Предсказав это вам, тем, кто меня осудил, я покидаю вас...

Уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах. И моя участь сейчас определилась не сама собою, напротив, для меня это ясно, что мне лучше умереть и избавиться от хлопот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам ничуть не сержусь на тех, кто осудил меня, и на моих обвинителей, хотя они выносили приговор и обвиняли меня не с таким намерением, а думая мне повредить, — это в них заслуживает порицания... Но уже пора идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это никому не ведомо, кроме Бога.

Платон, "Апология Сократа", 399 г. до н. э.

АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ